

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9 (75). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 12 от 22.12.2023 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 22.12.2023 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2023 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82-9 (821.161.1)

КОМИКС КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX–XXI вв. К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье исследуется природа комикса как заметного явления массовой литературы XX–XXI вв., предпринимается попытка определить место и функциональное назначение комикса в литературном процессе современности. Понятие «массовая литература» становится отправной точкой в восприятии ценностного содержания комикса: эстетического, художественного, этического; учитывается специфика рецептивного взаимодействия «читатель – автор». В центре исследования – графический роман как жанровая разновидность комикса, в частности, графический роман Кориандр «Бессмертный», опубликованный издательством «Эксмо» в 2023 г. (2-е издание). Осуществляется анализ вербальной составляющей графического романа. Вербальный компонент рассмотрен как разновидность креолизованного текста, подразумевающего сочетание слова и графики. Поднимается вопрос о способах, которые применяются автором графического романа для деформации нравственных представлений широкой аудитории.

Ключевые слова: комикс, массовая литература, массовый читатель, графический роман, Кориандр, «Бессмертный».

ВВЕДЕНИЕ

Современная литература чрезвычайно полифонична, что обостряет проблему расслоения читательской аудитории: высокая и низкая, элитарная и массовая. При этом «границы между литературой серьезной для высокообразованных читателей и литературой низовой для бедных <...> рухнули» [23, с. 114] в силу вовлечения литературы в индустрию книгоиздательства – «литературный продукт» выдается в соответствии с массовым читательским запросом. В массовой литературе «учитываются все зоны читательских ожиданий – от самого низа до эстетической элитарности» [23, с. 114]. «Многоуровневое поликультурное пространство» [28, с. 4] (М. А. Черняк) новейшей литературы требует учитывать ориентиры и ожидания современного массового сознания, которое находит отражение именно в массовой литературе [23, с. 111], выполняющей функцию «иллюстратора культурных символов от элитарной культуры к обыденному сознанию» [27, с. 12].

Несмотря на то, что явление массовой литературы находится, прежде всего, в поле современной литературоведческой науки (как отечественной, так и зарубежной), ее феноменология, ядром которой является тотальная массовизация человека, обуславливает выход к междисциплинарным вопросам культурологии, социологии, психологии, философии. К проблеме массовой литературы на разных этапах развития научной мысли обращались литераторы, психологи, философы,

социологи и культурологи Г. Лебон (теоретик массовой психологии конца XIX в.; «Психология масс») и З. Фрейд («Массовая психология и анализ человеческого “Я”»), представители Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм, Л. Бинсвангер и др.), Х. Ортега-и-Гассет (инфантильность сознания человек «массы», его усредненность), С. Московичи (психология толпы: понятия «масса» и «толпа» практически синонимичны), Ж. Бодрийяр (концепция «молчаливых масс») и мн. др. В 60-е гг. XX в. массовая литература стала объектом исследования с позиций эстетики и антропологии (Жак Барзун и Уэнделл Тейлор «Каталог преступлений», Джулиан Густав Саймонс «Кровавое убийство: от детективного романа к криминальному», Джон Г. Кавелти «Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура»).

В русском классическом литературоведении интерес к массовой литературе проявили С. Венгеров, А. Веселовский, А. Пыпин, В. Перетц, В. Сиповский и др. В отечественном литературоведении XX в. преобладает представление о массовой литературе как об эстетически несовершенном образовании, но при этом принимается во внимание обусловленность ее форм социально-культурной ситуацией. Так, Ю. М. Лотман рассматривал понятие «массовой литературы» как «понятие социологическое» [16, с. 819]. В настоящее время массовая литература входит в систему иерархии новейшей литературы, занимая, согласно С. И. Чупринину, 3-е место после качественной литературы (серьезной, высокой) и актуальной литературы (ориентирована на саморефлексию, эксперимент и инновационность) и предворяя мидл-литературу. Характерно, что «массовая литература (“чтиво”, “словесная жвачка”, тривиальная, рыночная, низкая, кич, “трэш-литература”))» отличается «агрессивной тотальностью», занимает «пустующие или плохо обжитые ниши в литературном пространстве» и вытесняет «конкурентные виды словесности с привычных позиций» [29].

Литературоведение XXI в. проявило пристальный интерес к массовой литературе и массовому читателю: К. В. Краева, Т. А. Скокова, М. Ю. Сидорова [21], А. М. Форшток [25], М. А. Черняк [27; 28], С. И. Чупринин [30] и др. Заметным явлением современной массовой литературы остается комикс, теорию и технологию создания которого основательно разработал американский художник Скотт МакКлауд [17; 18]; изучением природы комикса непосредственно занимается Е. В. Козлов [8], А. Г. Сонин, Р. В. Чуканов и др. Жанровая природа комикса, в свою очередь, выводит нас к проблеме креолизованных текстов, исследуемых в трудах коллектива авторов Института языкознания РАН [15], Е. Е. Анисимовой [1], Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова [22] и др. При характеристике комикса логичным видится обращение к интернет-источникам, издательствам, непосредственно коммуницирующим с массовым читателем [3; 4; 5; 11; 12; 19; 29].

Цель статьи – осмыслить потенциал современного комикса как инструмента, формирующего ценностные установки массового читателя.

Материалом для изучения служит графический роман Кориандр «Бессмертный», опубликованный издательством «Эксмо» в 2023 г. [13]

Массовая литература на пересечении научных интересов

Бурное развитие массовой литературы началось в XIX в. и было обусловлено ростом журнальной и газетной индустрии, а также общей коммерциализацией литературной сферы. Печатное слово оказывалось доступным для самых разных общественных групп, а это формировало «печатный рынок» и заставляло авторов «ориентироваться не только на искушенную аудиторию, но и на “широкого” читателя, зачастую падкого на яркие эффекты» [20, с. 63]. Со временем между элитарной и массовой литературой наметились более или менее отчетливые границы, и массовая литература была признана самостоятельным феноменом культуры.

Истоки обращения русского литературоведения к проблеме массовой литературы как литературы низовой, литературы «народной жизни» (А. Н. Веселовский) связаны с именами акад. А. Н. Веселовского, С. А. Венгерова, А. Н. Пыпина, позже – В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, М. Н. Сперанского и др. «Знак равенства между массовостью и исторической значимостью» в данной литературоведческой традиции, по наблюдениям Ю. М. Лотмана, приводил к игнорированию эстетической ценности произведений, нивелировалась разница между гением и бездарностью [16, с. 818].

В 1920-е гг. интерес к массовой литературе обусловлен двумя тенденциями в литературоведении, выделяемыми представителями формальной школы (Ю. Н. Тыняновым, В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом): концентрация в массовой литературе средних литературных норм эпохи и формирование в ней новаторских решений литературы будущего. При этом академическое литературоведение стремилось оценить богатство новых литературных явлений. В. М. Жирмунский отмечал растущий интерес русской науки к массовой литературе и настаивал на широком изучении «массовой литературы эпохи», поскольку того требуют «вопросы литературной традиции» [6, с. 15] (предисловие к работе «Байрон и Пушкин», 1924). Более того, одна из задач «истории новой русской литературы» – «описательные монографии, <...> построенные на основании более или менее полной библиографии той массовой литературы, которая так существенна для исчерпывающей истории литературных жанров» [6, с. 18]. Г. А. Гуковский полагал, что изучение текстов XVIII – начала XIX вв. невозможно без обращения к массовой литературе.

М. Ю. Лотман определяет изучение «массовой культуры» как одну из «наиболее острых проблем современной социологии» [16, с. 817]. В рамках массовой культуры «понятие “массовой литературы” в первую очередь определяет *отношение* того или иного коллектива к определенной группе текстов» [16, с. 819]. Антитезой «массовой литературы» выступает «некоторая вершинная культура» [16, с. 819]. При этом массовая литература вторична по отношению к высокой культуре и потому обладает взаимно исключаящими признаками. С одной стороны, она предполагает принадлежность к количественно преобладающей части литературы в обществе (текст «должен иметь признаки принадлежности к высокой культуре эпохи и в определенных читательских кругах ей приравняться» [16, с. 819]), с другой –

отторгаться активными общественными нормами. Сама массовая литература, по Ю. М. Лотману, разрушая культуру, выстраивает новые структурные формы [16, с. 826], к каковым, заметим, в XX–XXI вв. относятся, в частности, комиксы. Правда, С. И. Чупринин считает данное допущение Ю. М. Лотмана на настоящем этапе литературного развития лишь «прогнозом», хотя и «обнадеживающим» [30].

Массовая литература может быть весьма привлекательна для читателя, прежде всего, «иллюзией того, что дистанция между ним и “высокой” культурой становится минимальной, облегченной», при этом «Центральным компонентом структуры массового сознания становится упрощение, торжество однообразия и тривиальности», как утверждает А. М. Черняк [27, с. 214]. Упрощение – закономерное следствие дефицита читательской компетенции, недостаточности культурной базы для восприятия и интерпретации высокой литературы. Следовательно, массовую литературу можно расценивать как предельно упрощенную вариацию высокой, «тенью качественной» (С. И. Чупринин). Более того, по справедливому замечанию А. М. Форшток, «в релятивистском отношении массовой литературы к “легитимной” (по П. Бурдьё) культуре, в вытеснении классики на культурную периферию, в бесконечных пересказах, упрощениях, примитивизации, наивном использовании интертекстуальных маркеров обнаруживаются черты современной литературной ситуации, порождающей особый тип “наивного читателя”» [25, с. 276]. Снижение культурного уровня современного читателя – констатация социологов, культурологов, литературоведов. Так, А. М. Черняк говорит о «феномене инволюции как механизме культурного торможения, свертывания, саморазрушения, своеобразного и неслучайного “пути назад”» [28, с. 8–9]. В живом процессе взаимовлияния «автор – читатель» уровень читательского запроса, в свою очередь, определяет уровень авторской подготовки. «Литературная беспомощность многих авторов массовой литературы обрекает их на всевозможные пересказы, римейки, имитации, подделки» [28, с. 8].

В противоположность массовой высокая литература создается в расчете на квалифицированного читателя, сознающего градацию признаков элитарной и массовой литературы, а кроме того, обязательно предполагает «сотворчество читателя» [21]. Элитарная литература опирается на исследовательски-аналитический интерес квалифицированного читателя, его развитые интеллектуальные способности и читательскую эрудицию. В элитарной литературе структура художественного мира приоритетна по отношению к структуре реального мира, в отличие от массовой. В элитарной литературе «наиболее ярко проступает особый характер языка как материала искусства» [21, с. 18]. Элитарная и массовая литературы порождают и апеллируют к принципиально разным языковым нормам: для первой отступление от общезыковой нормы рассматривается индивидуально-авторским художественным приемом, для второй – стилистической ошибкой, языковой небрежностью. Невысокий художественный уровень массовой литературы во многом объясняется низкой требовательностью читательской аудитории, имеющей «короткую память», пропускающей языковые небрежности, сюжетные несоответствия, схематичные и однообразные выразительные средства.

Комикс – вчера и сегодня

Одним из популярнейших жанров «массовой культуры» к середине XX в. стал комикс [10]. Первые комиксы появились еще в 1890-х гг., наиболее активно они распространились с 1930-х гг. благодаря признанным мастерам комиксов: Эл Кэпп (1909–1979) (Ал Капп, Al Capp; настоящие имя и фамилия Алфред Джералд Каплин – американский карикатурист), Эрже (1907–1983) (франц. Herge; настоящие имя и фамилия Жорж Проспер Реми – бельгийский писатель и художник комиксов), Ли Стэн (1922–2018) (Stan Lee; настоящие имя и фамилия Стэнли Мартин Либер – одна из ключевых фигур в истории американских комиксов; главный сценарист комиксов Marvel в начале 1960-х гг.), Мур Алан (род. 18.11.1953) (Alan Moore; английский писатель, автор комиксов; сотрудничал с издательством DC Comics: работал над персонажами Бэтмен и Супермен; создатель персонажа Джон Константин), Моррисон Грант (род. 31.1.1960) (Grant Morrison; шотландский автор комиксов, сценарист и драматург), Шпигельман Арт (род. 15.2.1948, Стокгольм, Швеция) (Art Spiegelman; американский художник, карикатурист, писатель, один из создателей и популяризаторов графического романа; лауреат Пулитцеровской премии 1992 г. за комикс «Маус», посвященный теме холокоста) [12].

Комиксы конца XX в. – начала XXI в. преимущественно утратили комический характер, им на смену пришли тематические разновидности: комиксы «ужасов», комиксы о «диком Западе» («Westerners»), о похождениях суперменов, о приключениях в джунглях, о животных, о преступлениях (самая «массовая» разновидность), о войне, «любовные», научно-фантастические, псевдоисторические комиксы, комиксы, упрощенно передающие произведения классической литературы [9; 10]. Уже в 60-е гг. XX века приходит осознание психологического влияния комиксов на массового читателя: способность комиксов провоцировать агрессивные настроения и поступки, внушать идеи национального превосходства и т. п. начинает восприниматься как бедствие современной «массовой культуры», требующее особых мер (как запрет на распространение «комиксов об ужасах» («horror-comics»)).

В настоящее время крупнейшее (и старейшее) издательство комиксов – американское Marvel Comics (буквально – чудесные комиксы). В 2009 г. издательство вошло в состав компании The Walt Disney Company. Вместе с компанией DC Comics составляет большую двойку издательств (Big Two Comics). Marvel Comics специализируется на супергеройском жанре; действие комиксов издательства разворачивается в едином вымышленном мире – «вселенная Marvel». Герои вселенной Marvel приобрели культовый статус в международной популярной культуре, например: Человек-паук, Мстители, Люди Икс, Стражи Галактики и др. Комиксы издательства – источники видеоигр, анимационной продукции, игровых фильмов и сериалов. С 2008 г. комиксы Marvel Comics экранизируются собственной киностудией компании – Marvel Studios.

Отдельную нишу занимает и американское издательство комиксов Image Comics – основано как реакция на практику найма авторов в 1992 г. Т. Макфарлейном, Дж. Ли, Э. Ларсеном, Дж. Валентино, М. Сильвестри и Р. Лайфилдом, У. Портацио. Image Comics придерживается принципов кооперации и главенства авторов. В 1990-е гг. Image Comics создавало свою вселенную супергероев Imageverse с историями:

«Спаун», «Молодая кровь», «Дикий дракон» и др.; в 2000-х гг. – серия «Ходячие мертвецы»; в 2010-х гг. – «Сага», «Королевы Крыс», «Посланник» и др. [12].

Современная Россия развитой индустрии комиксов не знает, однако с начала XXI в. наблюдается очевидный интерес к самому жанру комикса – на читательский спрос активно реагируют издательства, выпускающие на русском языке жанровые разновидности комиксов: издательская группа «Азбука-Аттикус» (издательство «Азбука»), издательская группа «Эксмо», издательская группа «АСТ», издательский дом «Истари Комикс» (с 2008 г.), издательство «XL Media» (с 2005 г.), издательство «Фабрика комиксов» (с 2006 г.), издательство «Comix-Art» (с 2008 г.), издательство «BUBBLE» (с 2011 г.), издательство «Панини Рус» (с 2012 г.) и др.

Создаются и издаются комиксы российских авторов: А. Габрелянов, Е. Федотов («Майор Гром. Чумной доктор. Книга первая»), Д. Калмыков («Шапочка»: хоррор; сказка наоборот), О. Лаврентьева («Непризнанные государства. Одиннадцать историй о сепаратизме»: фантазийные истории с элементами документалистики о новом государстве в мире современности; «Процесс двенадцати»: графический репортаж о судебном процессе в Петербурге 2012 г.; «ШУВ»: готический детектив, комикс о путешествии по реальному и мифическому северу; создан для фестиваля Varents Spektakel в Норвегии; «Сурвило»: графический роман; история о блокаде Ленинграда), Ф. Нечитайло («Земля Королей. Трефовый том»: комикс; приключение оживших карточных героев), В. Погадаев («Раскольников»: мистика с элементами российской действительности), В. Погадаев, С. Крымян («Голод: Грехи отцов. Пролог»: альтернативная вселенная, 1990-е гг.), О. Посух («Микросупергерои»: комикс, граничит с научно-популярной литературой; о жизни необычных существ – тихоходок), М. Протас («Дешево и сердито: Выход в город»: slice of life по-русски – история, отличающаяся реалистичностью с обращением к внутреннему миру героя), А. Сергеева («Тагар»: русская манга; юный Куно сражается за человечество в измененном катаклизмом мире), В. Терлецкий («Собакистан»: комикс-антиутопия о тоталитарной социалистической республике) и др.

Графический роман

В настоящее время жанровые разновидности комикса представляют весьма разветвленную структуру. Так, научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» выделяет направления и жанрово-стилевые образования комиксов: манга, сёдзё, сёнэн, кодомо, комик-стрип, сэйэн, супергеройские комиксы, графический роман [12].

Самостоятельное значение имеет жанр графического романа (англ. graphic novel). Дефиниции графического романа множественны, устоявшейся научной формулировки нет. Портал «Большая российская энциклопедия» определяет графический роман как форму комикса, «отличительными особенностями которой являются сложное и цельное повествование, рассчитанное на взрослую читательскую аудиторию» [19]. Графическими романами могут быть оригинальные произведения или сборники серийно выпускавшихся комиксов, опубликованные под одной обложкой на качественной бумаге.

Графический роман как «самостоятельное художественное произведение, в котором главная смысловая и повествовательная нагрузка ложится на рисунок, а не на текст» представляется издательством «Эксмо», которое считает графический роман разновидностью комиксов и подчеркивает ориентацию на взрослую аудиторию [4] (произведения Алана Мура, Фрэнка Миллера, Алехандро Ходоровски, серия «Песочный человек» Нила Геймана и др.). Отличительные черты: тщательная прорисовка, высокое качество издания, расширенный объем произведения.

Акцент на визуализацию повествования в графическом романе делает и портал FB.ru: «<...> книги, в которых повествование передается с помощью рисунков, а текст является лишь вспомогательным» [5]. При этом предпринимается попытка поднять авторитет графического романа в современном литературном пространстве, вывести его за рамки «низшего класса литературы», подчеркнуть привилегию быть «книгой» и именно благодаря визуальному эффекту и воспитательной функции: «<...> графические романы лучше всего понятны детям, они пробуждают у них страсть к чтению и творчеству в целом» [5].

Понятие «графический роман» ввел в литературный обиход в 1964 г. критик и издатель Р. Кайл (США), позднее оно получило распространение в Великобритании. Американский художник-комиксист У. Айснер популяризировал термин при публикации своей книги «Контракт с Богом» (1978). Рубеж 1980-х – 1990-х гг. открывает новые имена создателей графического романа: Ф. Миллер («Бэтмен. Возвращение темного рыцаря»), А. Мур («Хранители»), А. Шпигельман («Маус: рассказ выжившего»). Произведения обретают респектабельность, закрепляются в публичных библиотеках и системах продаж книжных магазинов [19]. С начала 1990-х гг. терминологическое наполнение графического романа расширяется: включает в себя не только исключительно художественные произведения; «графический роман» – любая большая книга, построенная преимущественно с помощью рисунков [19]. Рубеж XX–XXI вв. благодаря графическому роману открывает комикс как произведение искусства, достигшего художественной завершенности (иранско-французская художница М. Сатрапи («Персеполис», «Цыпленок с черносливом», «Вышивки»), американский комиксист К. Уэра («Джимми Корриган: самый умный ребенок на Земле»), американский сценарист Брайн К. Вон («У: последний мужчина») и др.).

Графический роман имеет собственную историю, связанную со стремлением авторов «создать визуальное повествование, которое по эмоциональному воздействию было бы похоже на литературный роман» [19]. Ее создавали художник-график Л. Уорд (конец 1920-х – 1930-е гг.) – отец графического романа («Божий человек»), А. Дрейк и Л. Уоллер («Это рифмуется с похотью», 1950) – «новелла в картинках»; А. Гудвин («Черная метка», 1971), Д. Стеранко («Чендлер: красный прилив», 1976), У. Айснер и др. При этом большие книги комиксов заявили о значительном коммерческом потенциале – как следствие, появились издательства, ориентированные на взрослую платежеспособную аудиторию с изысканными вкусами, как Dark Horse Comics (середина 1980-х гг.) и самиздаты, как серия комиксов «Боун» американского художника Дж. Смита (с 1991 г.), позже – формат публикации графических романов «омнибус».

Девiantiная картина мира

Закономерно, что жанр графического романа привлек внимание отечественной публики, а это, в свою очередь, стало рождать «коммерческое предложение» со стороны отечественных авторов и издательств. Настоящая статья не ставит целью полный обзор произведений такого рода, появившихся на российском рынке. Мы проанализируем лишь один из отечественных графических романов, пытаюсь оценить, какое воздействие он способен производить на российского массового читателя. Речь пойдет о графическом романе автора, выступающего под псевдонимом Кориандр, «Бес|смертнй».¹

Сам автор автором позиционирует произведение как «веб-комикс», адаптированный для печати. Но, по существу, это именно графический роман. Аннотация романа «Бес|смертнй» апеллирует к народному эпосу, на котором традиционно воспитывают детей: сказкам о Кощее Бессмертном и Иване-царевиче, о противостоянии добра и зла: «... черное – белое, воля – неволя, любовь – ненависть» [13]. При этом автор пытается заинтересовать читателя неожиданным смещением привычных ориентиров: «Что ты будешь делать, когда все перемешивается? Когда на белом проступит черное, когда несвобода избавит от темного гнета души, когда тот, кого ненавидел...

Что ты будешь делать?» [13].

Отметим, что в книге присутствует возрастное ограничение – гриф «18+», а также оговорено и присутствие бранной лексики – на оборотной стороне обложки книги указано: «Содержит нецензурную брань».

Финал аннотации нейтрален и даже оптимистичен: «История о боли, потерях, отпущении и сломанных судьбах. Но всегда есть место свету, надежде и прощению, даже когда мрак наступает» [13]. Однако интерпретация собственно текста графического романа «Бес|смертнй» в значительной степени расходится с авторской заявкой-презентацией.

Изначально обращает внимание графическое исполнение слова «Бессмертнй»: «Бес|смертнй». Автор отталкивается от персонажа восточнославянской мифологии и фольклорного образа Кощея Бессмертного – повелителя мертвых душ, воина, всадника; злодея, который набирается сил, испив воды, и похищает девиц. Толкование имени дается согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера: «худой, тощий человек, ходячий скелет» – от «кости»; при этом в др.-русском «кощеи, кощи» – «отрок, мальчик, пленник, раб» – от тюркского «кошчи» – «невольник» (от кош «лагерь, стоянка») [14]. Кощей в романе Кориандр получает свое прозвище за чрезмерную худобу. Впрочем, он является пленником князя, а потому его прозвище не противоречит и второй версии истолкования – от «кошчи» (невольник). Однако слово «Бессмертнй» графически разбивается автором на два слова, обладающих самостоятельным лексическим значением: «Бес» и «смертнй», что подсказывает интерпретацию «смертнй бес». Поначалу это выглядит как

¹ Постраничная нумерация в изданном тексте романа отсутствует – ссылки с указанием страниц невозможны, текст графического романа цитируется по изданию: Кориандр. Бес|смертнй / 2-е изд., испр. – М.: Эксмо, 2023. – 176 с.: ил.

банальная «игра словами», но содержание романа свидетельствует, что за этой «игрой» скрывается тактика переворачивания с ног на голову мифопоэтической картины мира и профанации традиционных представлений.

Автор комментирует собственный замысел и структуру образной системы комикса. Главные персонажи – Кощей, Иван; упомянуты золотые локоны Ивана, которые ассоциируются с золотом-богатством («Кощей над золотом чахнет») и, казалось бы, стойкость духа Ивана, власть над душой которого недоступна Кощею: «В моей истории для Кощея все золото мира блекнет по сравнению с золотом локонов Вани которые, увы, никогда не будут принадлежать ему, сколько бы он ни держал того в неволе» [13]. Все это как бы укладывается в известную сказочную картину, но далее выясняется, что во все это автор вкладывает сексуальный подтекст, причем – гомосексуального характера: отношения между основными персонажами выстроены именно на этой почве (Кощей – Иван; Князь – Кощей; Иван – Сергей).

На первых же страницах комикса Кощей (похититель девиц) соглашается отпустить пленницу (дочь князя Милу) в обмен на нового пленника – княжича Ваню, но с условием: «Ты должен будешь занять ее место»; «Стоит ли говорить в какой роли?» [13]. Кадр комикса изображает руку Кощея, которой он держит княжича за подбородок, проводя большим пальцем по его губам – авторский текст: «Надавил» [13]. Иван становится пленником, и ему приходится переодеться в женское платье. Причем автор вкладывает в уста Ивана фразы, которые в традиционном сказочном сюжете могли бы принадлежать плененной княжеской дочери: «Ему мало запереть меня... хочет унизить меня еще сильнее?» «Не дождется» [13]. По замыслу автора, Иван вполне сознает и намерения Кащея, и для чего у Кащея «комната с огромной кроватью». При этом на кадрах княжич изображается обнаженным.

Таким образом, в трафарет народной сказки вкладывается извращенное содержание, обнуляющее моральный смысл, заключенный в исходном тексте; колорит народного повествования заменяется смакованием непристойных сцен и ситуаций.

Вербальный компонент

Дальнейшие сцены – череда кадров, отражающих сексуальное насилие Кащея в отношении пленника. Этот процесс автор выписывает особенно тщательно, используя и графику, и слово. Однако «слово» в данном случае имеет явно второстепенное значение. Поначалу это угрожающие фразы Кащея: «Раздевайся»; «Боишься»; «Правильно, меня надо бояться» и проч. А далее особенно откровенные кадры чаще всего имеют в качестве подписей лишь буквенные и знаковые обозначения эмоций, испытываемых насильником и жертвой: «ыыым», «!!!», «хаа», «эыым», «кхаа», «нет!», «н...», «хаа», «Пож...», «Не надо», «Пожалуйста, не надо!» [13].

Как видим, вербальная составляющая романа выглядит довольно скудной. В отрыве от графики она не дает представления о потенциале психологического воздействия, присущем роману.

Здесь следует сказать несколько слов о жанровой специфике комикса вообще. Дефиниция этого жанра в настоящий момент дискуссионна, однако выделяются

общепризнанные положения: жанр реализуется исключительно при совмещении визуального и вербального рядов, при этом визуальный ряд зачастую приоритетен. Приведем некоторые актуальные точки зрения.

«Большая советская энциклопедия» определяет комикс (англ. comics, множественное число от comic – комический, смешной) как графически-повествовательный жанр; серию рисунков с краткими текстами, образующую связанное повествование [9].

Издательство «Эксмо» (как раз оно опубликовало роман): «Комикс – издание, в котором история рассказывается с помощью рисунков и сопровождающего их текста и находится на стыке литературы и изобразительного искусства. Комикс – общее название для всех рассказов в картинках, где сюжет рассказывается преимущественно с помощью иллюстраций, а не текста. Крупные комиксы, где в рисунках излагается полноценное художественное произведение, называют графическими романами <...>» [11].

Издательство «АСТ» представляет комикс как «самостоятельный жанр, сплав литературы и изобразительного искусства», среди прочих комиксов выделяются «самодостаточные графические романы, в которых текст играет не меньшую роль, чем иллюстрации» [29].

Американский комиксист Скотт МакКлауд, автор трилогии [17; 18], посвященной природе и технологии создания комикса: «Комиксы – это носители информации» [18, с. 3] и одно из действенных средств массовой информации. «Комиксы радушно принимают любого писателя или художника в свой мир, мир, сводящийся к ручке, карандашу и бумаге» [17, с. 197]. Отметим: функция информирования, присущая комиксам, относит формат комикса к «новой журналистике» (комикс-журналистика – более распространена на Западе), где очевидец событий описывает свои ощущения от происходящего в реальности [3].

Научно-популярный журнал «ИКСТАТИ» (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) рассматривает формат комикса «феноменом массовой культуры, который объединяет в себе вербальный и визуальный типы информации» [3].

С. МакКлауд называет комиксы «последовательным искусством»: «Изображения, взаимосопоставленные в предусмотренном порядке» [17, с. 199]. С. МакКлауд проводит параллель между комиксом и кинематографом, замечая, что фильм на пленке похож на медленный комикс, а категория времени в фильме соответствует в комиксе категории пространства [17, с. 2].

В кадре комикса соединяются вербальные и невербальные компоненты, которые образуют «креолизованный текст» [1; 15; 21]. «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [22, с. 180–181]. Е. Ф. Тарасов уточняет: «КТ – это знаковое образование – текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи» [15, с. 9]. В структурировании креолизованных текстов, по Е. Е. Анисимовой, «наряду с вербальными применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.)» [1, с. 3].

Пропорциональное соотношение «слова» и «графики» в креолизованных такстах могут быть разными, и на этом основании выделяется три разновидности креолизации текста: нулевая (изображение не представлено и не имеет значения для организации текста), частичная (вербальная часть сравнительно автономна, независима от изображения и изобразительные элементы текста оказываются факультативными) и полная [1]. Возвращаясь к роману-комиксу «Бесмертный», отметим, что здесь преобладает полная креолизация текста, когда «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного элемента» [1]. То есть изображения в этом романе играют первостепенную роль в раскрытии содержания.

При интерпретации графического романа «Бесмертный» опорной может служить дефиниция С. МакКлауда: комикс – это «иллюстративные и другие изображения, сопоставленные рядом в продуманной последовательности для передачи информации и / или получения эстетического отклика от зрителя» [17, с. 9]. Под «другими изображениями» С. МакКлауд подразумевает в том числе буквы, образующие слова. С. МакКлауд оперирует понятием ««изообраз» для обозначения любого изображения, представляющего личность, место, предмет или идею» [17, с. 27]. «Изообраз» объединяет разные категории: символы – «изображения, которые представляют концепции, идеи и философии»), «изообразы языка, науки и коммуникации», картинки – «изображения, сходные с предметами, которые они изображают» и слова – «абсолютно абстрактные изообразы» [17, с. 27–28]. С позиции автора, слова в комиксе являются «пределной абстракцией», совокупностью линий.

Подписи ко многим кадрам в романе «Бесмертный» действительно могут восприниматься как некая абстракция, приобретающая смысл лишь в общей конструкции «изообраза». Сам по себе «вербальный компонент» [8, с. 21] – сугубо текстовая часть – без соотнесения с изображением имеет нейтральную лексическую окраску и вообще не содержит ничего предосудительного: «Совсем не прочь был бы остаться и посмотреть, как ты умеешь быть благодарным»; «Ты и есть моя игрушка с того момента, как согласился на сделку» [13] и т. д. Но вспомним высказывание Б. В. Томашевского: «Слово получает точный смысл во фразе. <...> значение определяется часто именно контекстом, а не самим словом» [24, с. 51, 52]. В комиксе именно графика выступает в роли контекста, придающего словам значение. И в данном случае достаточно лишь совместить процитированные фразы с кадрами из анализируемого комикса, чтобы слова превратились в отражение девиантного поведения и психических отклонений.

Ловушка для «наивного читателя»

Отметим, что приоритет в комиксе графической составляющей не разрушает стандартную «схему» читательского восприятия. Она остается той же, что и в классических литературных жанрах: читательское «домысливание» способно раскрыть «сердце комикса» [17, с. 205]. Вопрос, однако, в том, что читательская аудитория сильно разнится по своим возможностям «домысливания», «сотворчества». Именно этим объясняется разный уровень воздействия одного и того же произведения на разные группы читателей.

По выражению В. Ф. Асмус, чтение есть «труд и творчество», поскольку автор задает лишь ориентиры в произведении, но содержание «воссоздается самим читателем», «умственной, душевной, духовной деятельностью читателя» [2, с. 62]: «Творческий результат чтения в каждом отдельном случае зависит <...> от всей духовной биографии <...> читателя <...>» [2, с. 62–63]. Х. Р. Яусс указывал на «творческую способность литературы задавать ориентацию нашему опыту» [31, с. 80]. Особенно важны в этом отношении наблюдения В. Е. Хализева, который отмечал, что в процессе восприятия художественного произведения возможны крайности: либо абсолютизируется читательская инициатива, либо автор выступает императивом для читателя [26, с. 351]. Первые и вторые, при кажущемся противоречии, предполагают род читателя «невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить <...>, ищущего в печатной продукции главным образом развлечения» [26, с. 365].

Художественный эффект при этом рассматривается как результат соединения авторской программы воздействия с горизонтом читательских ожиданий. Суть деятельности писателя, по мысли Х. Р. Яусса, в том, чтобы учесть горизонт читательских ожиданий, а вместе с тем нарушить эти ожидания, предложить публике нечто неожиданное и новое [31, с. 79]. Читательская среда при этом мыслится консервативной, писатели – нарушителями привычек. Иной вопрос, что не всякое нарушение «привычек» имеет продуктивную перспективу. Если речь идет о нетривиальном авторском мышлении и высоком духовном поиске, то нарушение литературных канонов становится основой дальнейшего литературного развития (соответственно, и читательского развития). Если же канон разрушается лишь из соображений эпатажа, то возникает кратковременный эффект новизны, способный привлечь читательское внимание, но не ведущий к литературному развитию.

Массовая литература зачастую именно тем и отличается от литературы элитарной, что эксплуатирует эффект новизны и нарочитой оригинальности, не воспринимая новаторство в качестве основы для эстетического и духовного роста. В основу авторской тактики закладывается простейший механизм деформации привычного читателю взгляда на вещи.

Очевидно, что именно в этом русле действует и автор «Бессмертного», навязывая традиционному сюжету русской народной сказки тему нетрадиционной сексуальной ориентации. Можно с уверенностью сказать, что примитивность такого подхода вызовет моментальное отторжение у искушенного читателя. Однако «читатель наивный» (а именно такова основная аудитория комиксов) вполне может поддаться воздействию «шокирующей смелости» автора. Но, как правило, шокирующий эффект имеет краткосрочное воздействие. Видимо, сознавая это, автор старается упрочить читательское внимание, используя примитивный психологизм (скорее, псевдопсихологизм): как выясняется, сексуальные перверсии Кашея явились результатом насилия, совершенным по отношению к нему в юном возрасте неким князем – родственником Ивана.

Но вернемся к читательскому восприятию. Уже было сказано, что анализируемый роман не сможет привлечь искушенного читателя. Добавим, что и в среде «наивного читателя» он способен заинтересовать далеко не всех. В реалиях

современного мира основной потребитель комиксов – детская, подростково-юношеская читательская аудитория. Именно эта аудитория чаще всего проявляет склонность воспринимать авторскую точку зрения некритично, в качестве императива, именно юный читатель легко поддается эффекту эпатажа.

Степень авторской ответственности создателя комиксов тем более возрастает, что комиксы как форма искусства и литературы выполняют не только эстетические и познавательные функции, но и воспитательные. Читатель не всегда признает свое подчинение литературной назидательности, но на подсознательном уровне он так или иначе учитывает литературный материал в качестве строительного материала для формирования собственного мировоззрения, собственной системы ценностей. Литературное произведение неизбежно порождает «моральную рефлексию» и имеет «моральные следствия» [31, с. 81].

В отношении отечественного читателя следует учитывать два важных фактора. Во-первых, в отечественной традиции – воспринимать литературу в качестве некоего «учебника жизни», а писателя – в качестве духовного наставника. Эта традиция сформирована русской классической литературой и подспудно оказывает влияние даже на те группы читателей, которые с классикой знакомы слабо. Еще И. А. Ильин утверждал, что литературное произведение нуждается в наивном, бесхитроном читательском восприятии: «Истинное искусство <...> надо принять в себя; надо непосредственно приобщиться ему. И для этого надо обратиться к нему с *величайшим художественным доверием*, – *по-детски* открыть ему свою душу» [7, с. 130].

Именно на таком принципе восприятия воспитаны целые поколения отечественных читателей. Однако в современности этот принцип порою «работает» против читателя. Доверчивость читателя используется недобросовестными авторами и издателями для продвижения низкопробного, недоброкачественного «литературного продукта». По существу, литература подменяется «паралитературой», которая представляет собой «подобие литературы, паразитирующее на ней», «обслуживает читателя, чьи понятия о жизненных ценностях, о добре и зле исчерпываются примитивными стереотипами» [26, с. 366].

Если говорить о романе «Бес|смертный», то он, конечно, принадлежит к сфере «паралитературы», но потенциал его влияния на неискушенного читателя обусловлена не только тем, что он замаскирован под литературное издание. Гораздо важнее, что роман использует мифопоэтические мотивы и образы.

Фольклор имеет намного большую силу назидательности, нежели литература. Достаточно сказать, что с народными сказками ребенок зачастую знакомится ранее, чем осваивает алфавит. Народные сказки участвуют в формировании мировоззренческих и этических основ, которые нередко сохраняются личностью на протяжении всей жизни. Единство ценностных представлений, усвоенных из народного творчества, является важнейшей «склейкой» национально-культурного сообщества. Профанация традиционных народных сюжетов, мотивов и образов ведет к разрушению культурного и этического единства общества.

Между тем читатель весьма уязвим перед лицом такой профанации, поскольку привык воспринимать фольклорный материал как некую данность, заслуживающую абсолютного доверия. Даже подделка «под фольклор» (в нашем случае «под сказку»)

формально осознается читателем как условность, но психологически все же усваивается как материал для конструкции или реконструкции мировоззренческих принципов. В результате оказывается, что роман «Бесмертный», хотя и не содержит открытого призыва к смене сексуальной ориентации, фактически внушает мысль о «нормальности» гомосексуализма, его исконности. Происходит попытка подменить на уровне читательского восприятия норму антинормой.

Книжный рынок и этика

Остается вопрос об авторской мотивации. Ясно, что создание комиксов – развитая индустрия, подчиненная законам рынка. Трудно спорить с утверждением С. МакКлауда: «Чтобы раскрыть полностью свой потенциал и как формы искусства, и как рынка комиксы должны осваивать новые территории, устремляться сразу во множество областей» [18, с. 18]. Здесь уместно упомянуть, что автор «Бесмертного» Кориандр, характеризуя специфику своего творчества, прямо указывает, что создание комиксов – чрезвычайно важный источник ее материального существования [13]. Очевидно, что эпатирующая художественная тактика преследует чисто коммерческий интерес. Но здесь мы наталкиваемся на проблему извечного конфликта между торговым интересом и нравственной нормой. Автор и издатели «Бесмертного» нравственной нормой явно пренебрегли. Но могут ли пренебрегать ею те, кто призван подчинять стихийные законы рынка интересам государства и общества? Обычный оправдательный аргумент в таких случаях звучит так: «Спрос рождает предложение». Но нельзя забывать, что в сфере литературы «предложение» оказывает заметное влияние на читательский вкус, а что важнее – на читательское миропредставление. Отдавая литературную сферу под исключительную власть «рынка», мы отказываемся от собственного права программировать будущее нации.

ВЫВОДЫ

Феномен массовой литературы давно оказался в сфере пристальных научных интересов. Ученые, с одной стороны, указывают на ее «слабые стороны» (примитивизм, стереотипность, шаблонность, коммерциализм и проч.), а с другой – признают ее специфические возможности (близость интересам широкой публики, решительность новаторских решений, высокую степень воздействия на широкого читателя). Заметным феноменом новейшей массовой литературы является жанр комикса, основанный на взаимодействии вербальных и невербальных компонентов и нацеленный на максимальную простоту восприятия. История комикса на Западе доказывает, что произведения этого жанра могут демонстрировать высокое авторское мастерство и успешно выполнять многие литературные функции, не вступая в противоречие с общественными интересами.

Для отечественной литературы комикс до сих пор остается новым жанром, пробуящим силы в разных направлениях. Однако некоторые из этих попыток должны вызвать общественную настороженность. Анализ графического романа «Бесмертный», вышедшего в 2023 г. уже вторым изданием, показывает, что жанр комикса может быть использован как орудие нравственной эрозии. Опасность жанра

комикса, использованного в таком качестве, таится и в простоте его восприятия публикой, и в фрагментарном комбинировании вербальной и графической составляющих, что позволяет скрыть идею произведения от объектива формального анализа, но легко донести ее до читателя. Так, авторская тактика в романе «Бес|смертный» нацелена на эстетизацию и моральную легитимизацию гомосексуализма, что несет в себе признаки завуалированной пропаганды психологических и физиологических извращений и способно оказывать деформирующее воздействие на нравственные представления широкой аудитории.

Под особенно губительным ударом такого рода произведений оказывается детская и юношеская аудитория. Роман сопровождается грифом «18+», однако известно, что жанр комикса рассчитан, прежде всего, именно на ту возрастную группу аудитории, для которой и обозначено ограничение на обложке. То есть ограничение по возрасту – лишь формальная и осознанная уловка, позволяющая уклониться от претензий законодателя. При этом разрушительный нравственный эффект книги лишь возрастает, поскольку у читателя складывается впечатление, что размывание нравственных норм – естественный процесс, одобряемый обществом и государством.

В широком плане проблема заключается в противоречии между стихийными рыночными интересами и духовными интересами общества. А предпринятый анализ графического романа «Бес|смертный» говорит о том, что индустрия массовой литературы не всегда способна к этической саморегуляции и требует не менее пристального государственного контроля, нежели иные сферы бизнеса, оказывающие влияние на перспективы национального благополучия.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики: сборник статей. – М.: Искусство, 1968. – С. 55–68. – (Из истории советской эстетики и теории искусства).
3. Ахмедова Д. Комикс – новый формат журналистики или художественное произведение? // ИКСТАТИ. – Режим доступа: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/713262463.html>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
4. Графический роман // Издательство Эксмо. – Режим доступа: <https://eksmo.ru/slovar/graficheskiy-roman/>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
5. Графический роман // FB.ru. – Режим доступа: <https://fb.ru/post/literature/2023/1/30/376429>. – (Дата обращения: 27.09.2023).
6. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 423 с.
7. Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. – М.: Искусство, 1993. – 347 с.
8. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. – Волгоград: ВФ МУПК, 2002. – 219 с.
9. Комикс // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/Комикс>. – (Дата обращения: 27.09.2023)

10. Комикс // Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – С. 614.
11. Комикс // Издательство Эксмо. – Режим доступа: <https://eksmo.ru/slovar/komiks/>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
12. Комиксы // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/t/comics>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
13. Кориандр. Бес|мертн|ый / Кориандр. – 2-е изд., испр. – М.: Эксмо, 2023. – 176 с.
14. Кошей // Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кошей>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
15. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Вашунина. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
16. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993): история русской прозы, теория. – СПб.: Искусство-СПб., 1997. – С. 817–826.
17. МакКлауд С. Понимание комикса. Невидимое искусство. – М.: Белое яблоко, 2016. – 216 с.
18. МакКлауд С. Вновь изобретаем комикс. Как воображение и технология совершают революцию в искусстве. – М.: Белое яблоко, 2000. – 240 с.
19. Мигурский А. С. Графический роман // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/graficheskii-roman-c2ae96>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
20. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть II. «Неистовые» черты романа-фельетона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 48–72.
21. Сидорова М. Ю. Квалифицированный читатель и массовая литература (лингвистический аспект проблемы) // Библиотека в эпоху перемен (философско-культурологические и информационные аспекты): Информационный сборник. – 2003. – Вып. 4. – С. 16–22.
22. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
23. Струкова Т. Г. Массовая литература как социально-культурный феномен // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2017. – № 3. – С. 111–117.
24. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 334 с.
25. Фортинок А. М. Ното legens в XX веке (к проблеме массового читателя) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 2 (1). – С. 274–280.
26. Хализев В. Е. Теория литературы. – 6-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.
27. Черняк М. А. Массовая литература XX века. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
28. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XXI века: технология или поэтика? // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 4–11.
29. Что такое комиксы? // Издательство АСТ. – Режим доступа: <https://ast.ru/news/chto-takoe-komiksy/>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
30. Чупринин С. И. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. – М.: Время, 2007. – 766 с. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A7/chuprinin-sergej/russkaya-literatura-segodnya-zhiznj-po-ponyatiyam>. – (Дата обращения: 27.09.2023)
31. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

References

1. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts)]. Moscow, Izdatel'skij centr Akademija Publ., 2003. 128 p.
2. Asmus V. F. *Chtenie kak trud i tvorcestvo* [Reading as work and creativity]. *Asmus V. F. Voprosy teorii i istorii jestetiki: sbornik statej*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, pp. 55–68.
3. Ahmedova D. *Komiks – novyj format zhurnalistiki ili hudozhestvennoe proizvedenie?* [Comics – a new format of journalism or a work of art?]. *IKSTATI*. Available from: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/713262463.html>. (accessed 27 September 2023).
4. *Graficheskij roman* [Graphic novel]. *Izdatel'stvo «Jeksmo»*. Available from: <https://eksmo.ru/slovar/graficheskij-roman/>. (accessed 27 September 2023).
5. *Graficheskij roman* [Graphic novel]. *FB.ru*. Available from: <https://fb.ru/post/literature/2023/1/30/376429>. (accessed 27 September 2023).
6. Zhirmunskij V. M. *Bajron i Pushkin; Pushkin i zapadnye literatury: Izbrannye trudy* [Byron and Pushkin; Pushkin and Western Literatures: Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 423 p.
7. Il'in I. A. *Odinokij hudozhnik: stat'i, rechi, lekcii* [Lonely artist: articles, speeches, lectures]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993. 347 p.
8. Kozlov E. V. *Komiks kak javlenie lingvokul'tury: znak – tekst – mif* [Comics as a phenomenon of linguistic culture: sign – text – myth]. Volgograd, 2002. 219 p.
9. *Komiks* [Comic]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija*. Available from: <https://gufo.me/dict/bse/Comic>. (accessed 27 September 2023).
10. *Komiks* [Comic]. *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'*. 4th ed. Moscow, Sovetskaja Jenciklopedija Publ., 1989, p. 614.
11. *Komiks* [Comic]. *Izdatel'stvo Jeksmo*. Available from: <https://eksmo.ru/slovar/komiks/>. (accessed 27 September 2023).
12. *Komiksy* [Comics]. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija*. Available from: <https://bigenc.ru/t/comics>. (accessed 27 September 2023).
13. Koriandr. *Bes'smertnyj* [Immortal]. 2nd ed., corr. Moscow, Jeksmo Publ., 2023. 176 p.
14. *Koshhej* [Koschey]. *Fasmer M. Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka*. Available from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/k/koschey>. (accessed 27 September 2023).
15. *Kreolizovannyj tekst: Smyslovoe vosprijatie. Kollektivnaja monografija* [Creolized text: Semantic perception. Collective monograph]. Ed. by I. V. Vashunin. Moscow, Institut jazykoznanija RAN Publ., 2020. 206 p.
16. Lotman Ju. M. *Massovaja literatura kak istoriko-kul'turnaja problema* [Mass literature as a historical and cultural problem]. *Lotman Ju. M. O russkoj literature: stat'i i issledovanija (1958–1993): istorija russkoj prozy, teorija literatury*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1997, pp. 817–826.
17. MakKlaud S. *Ponimanie komiksa. Nevidimoe iskusstvo* [Understanding Comics. The Invisible Art]. Moscow, Beloe jabloko Publ., 2016. 216 p.
18. MakKlaud S. *Vnov' izobretaem komiks. Kak voobrazhenie i tehnologija sovershajut revoljuciju v iskusstve* [Reinventing comics. How imagination and technology are revolutionizing an art form]. Moscow, Beloe jabloko Publ., 2000. 240 p.
19. Migurskij A. S. *Graficheskij roman* [Graphic novel]. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija*. Available from: <https://bigenc.ru/c/graficheskii-roman-c2ae96>. (accessed 27 September 2023).
20. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' II. «Neistovye» cherty romana-fel'etona* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part II. “Furious” features of the feuilleton novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 2, pp. 48–72.
21. Sidorova M. Ju. *Kvalificirovannyj chitateľ i massovaja literatura (lingvisticheskij aspekt problemy)* [Qualified reader and mass literature (linguistic aspect of the problem)]. *Biblioteka v jepohu peremen (filosofsko-kul'turologicheskie i informacionnye aspekty): Informacionnyj sbornik*, 2003, issue 4, pp. 16–22.

22. Sorokin Ju. A., Tarasov E. F. *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija* [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizacija rechevogo vozdejstvija*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–186.
23. Strukova T. G. *Massovaja literatura kak social'no-kul'turnyj fenomen* [Mass literature as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik VGU. Serija: Filosofija*, 2017, no. 3, pp. 111–117.
24. Tomashevskij B. V. *Teorija literatury. Pojetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspect Press Publ., 2001. 334 p.
25. Forshtok A. M. *Homo legens v XX veke (k probleme massovogo chitatelja)* [Homo legens in the 20th century (to the problem of the mass reader)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2010, no. 2 (1), pp. 274–280.
26. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Theory of literature]. 6th ed., rev. Moscow, Izdatel'skij centr Akademija Publ., 2013. 432 p.
27. Chernjak M. A. *Massovaja literatura XX veka* [Mass literature of the twentieth century]. 3rd ed. ed., Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 432 p.
28. Chernjak M. A. *Massovaja literatura konca XX – nachala XXI veka: tehnologija ili pojetika?* [Mass literature of the late 20th – early 21st centuries: technology or poetics?]. *Filologicheskij klass*, 2008, no. 20, pp. 4–11.
29. *Chto takoe komiksy?* [What are comics?]. *Izdatel'stvo AST*. Available from: <https://ast.ru/news/chto-takoe-komiksy/>. (accessed 27 September 2023).
30. Chuprinin S. I. *Zhizn' po ponjatijam: russkaja literatura segodnja* [Life according to concepts: Russian literature today]. Moscow, Vremja Publ., 2007. – 766 p. Available from: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A7/chuprinin-sergej/russkaya-literatura-segodnya-zhiznj-po-ponyatijam>. (accessed 27 September 2023).
31. Jauss H. R. *Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija* [History of literature as a provocation of literary criticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 12, pp. 34–84.

**COMIC AS A PHENOMENON OF MASS (POPULAR) LITERATURE
OF THE 20th–21st CENTURIES.
ON THE QUESTION OF ETHICAL PRINCIPLES**

Baranskaya E. M.

The article examines the nature of comics as a remarkable phenomenon of mass literature of the 20th–21st centuries, and attempts to determine the place and functional purpose of comics in the living literary process of our time. The concept of “mass literature” becomes the starting point in the perception of the value content of comics: aesthetic, artistic, ethical; the duality of the phenomenon of interaction “reader – author” is taken into account. It takes into account both the reader’s level of erudition and spiritual and cultural education, and the author’s level: intellectual, artistic, professional, everyday – in his competence to offer his own experience to the mass reader. Attention is focused on the information and communication aspect of the comics genre. The focus of the study is the graphic novel as a genre variety of comics, in particular, the graphic novel Coriander “Im|mortal”, published by the Eksmo publishing house in 2023 (2nd edition). A commentary is made on the verbal component of the graphic novel Coriander, which is based on the concept of a creolized text, including verbal and non-verbal components interacting with each other. It is emphasized that the comics genre presupposes exclusively contextual perception of the verbal component - in this particular case (the graphic novel Coriander) the complete dependence of the text on the visual series, the image, which plays the role of context. The question of the mentality of the mass reader is also raised.

Keywords: comic, mass (popular) literature, mass reader, graphic novel Coriander “Im|mortal”.

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ III.
СВЕТСКИЙ ПОРТРЕТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности литературной личности барона де Базанкура. Эпоха романтизма превратила «литературный быт» в важную составляющую литературного процесса. Представление о жизни автора, его поступках, убеждениях заметно влияло на горизонт читательских ожиданий. А потому автор зачастую подчинял свое поведение некоему литературному канону, избирал поведенческое «амплуа», узаконенное предпочтениями эпохи. В настоящей статье по обрывочным данным удастся восстановить основные черты, которые, в глазах читателей-современников, были присущи образу барона де Базанкура. Рассматривается вопрос о том, насколько поведение Ф. Ж. де Базанкура оказывалось подчинено собственно литературным задачам.

Ключевые слова: литературная личность, литературная репутация, дуэль, роман-фельетон, литературная аристократия, промышленная литература.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье [34] мы выяснили, что к середине 1840-х гг. барон де Базанкур приобрел известность в основном как автор романов и романов-фельетонов в духе неистового романтизма. В его творчестве можно было обнаружить эксперименты в отношении повествовательных моделей, композиционных решений, изобразительных приемов, но в целом художественные принципы оставались теми же, что и в начале его литературной карьеры в середине 1830-х гг. Это постепенно отдаляло его от актуальных литературных поисков, делая произведения востребованными лишь в той читательской среде, которая сохраняла вкус к романтическим условностям и преувеличениям. В последующие годы Ф. Ж. де Базанкур искал новые пути, но, прежде чем говорить об этом, обратимся к иной сфере, которая в некотором смысле также открывала для него творческий простор: речь пойдет о конструировании литературной личности барона де Базанкура.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературная личность и социальное «амплуа»

Напомним, что настоящий цикл статей ставит целью восстановить «по обрывочным сведениям биографию барона де Базанкура» и проследить «логику его творческого развития как литератора, историка и военного корреспондента» [33, с. 50]. Учитывая тематику нынешней статьи, уместно оговорить принципы привлечения некоторых фактов и материалов.

Цель любого исследования, предполагающего целостный анализ творческого наследия того или иного автора, очевидным образом соотносится с понятием «литературная репутация», то есть со сложившимся коллективным представлением о месте автора в литературном процессе [18, с. 3; 46, с. 51; 57, с. 106–107]. По существу, именно литературная репутация автора и служит основанием для того, чтобы превратить его творчество и биографию в объект научного интереса.

Устойчивость литературных репутаций не абсолютна. Посмертная репутация автора нередко меняется, зависит от эстетических и ценностных предпочтений позднейших эпох. Особенно же заметно, как читательское представление об авторе меняется при его жизни. Наиболее привычный алгоритм: от безвестности – к славе (в саморефлексии Г. Р. Державина: «Как из безвестности я тем известен стал...» [16, с. 233]). Но случаются и обратные «превращения», как это было с В. Г. Бенедиктовым, который прошел путь от перевозимого «соперника Пушкина» [49, с. 59–60] до пренебрежительно воспринимаемого родоначальника «бенедиктовщины» [10]. В любом случае исследователя должны интересовать не только вершинные позиции индивидуальных репутаций, но все этапы их формирования, поскольку эти этапы подчинены принципу взаимообусловленности. Так, репутация «певца Фелицы» обеспечила Державину литературное будущее, сделавшее его классиком русской литературы, а кратковременная сверхпопулярность Бенедиктова спровоцировала десятилетиями звучавшие по его адресу упреки в литературном «самозванстве» [49, с. 62].

Если применять сказанное к нашему исследованию, то наивысшим достижением барона де Базанкура следует считать его репутацию официального французского историографа Крымской войны. Именно в этом качестве его прежде всего знают наши современники. Однако, чтобы завоевать такое место в сознании потомков, Базанкуру пришлось пройти целый ряд этапов, характеризовавшихся не только разными по направленности и масштабу творческими достижениями, но и формированием различных контуров авторской репутации.

Общая цель исследования заставляет нас отвечать на ряд вопросов. Что заставляло Базанкура стремиться в военный лагерь у стен осажденного Севастополя? Почему именно ему была доверена миссия военного корреспондента? Что позволило ему справиться с функциями военного хроникера и историографа?

В предыдущих статьях мы выяснили, что Базанкур был романистом исторической тематики. Но это способно ответить на поставленные вопросы лишь отчасти. Поскольку, во-первых, литературная известность Базанкура была не «перворядной». А во-вторых, его исторические интересы были эпизодическими и чисто художественными. Французское правительство, подыскивая кандидатуру на роль военного корреспондента и хроникера, могло отыскать не один десяток литераторов, обладавших подобными качествами. Забегая вперед, скажем, что перед Крымской войной барон де Базанкур испытал себя в роли не только романиста-историка, но и собственно историка и даже добился некоторого успеха. Однако во Франции были историки, обладавшие не меньшим авторитетом и не менее живым пером. И все же правительство обратилось именно к Базанкуру. Стало быть, существовали и другие авторские характеристики, которые остановили на Базанкуре выбор министерства.

Возможно, объяснение следует искать за пределами литературных сфер. И первое, что приходит на ум, это родство Базанкура с графом Луи-Мотье Моле, который долгое время был в центре политической жизни Франции и, конечно, мог во многом поддерживать своего племянника. Но к моменту крымской поездки Базанкура Моле уже отошел от дел. Вне политической жизни к тому времени оказался и другой некогда влиятельный дядюшка Базанкура Проспер де Барант. Так что происхождение Базанкура и его связь с влиятельными фамилиями, безусловно, учитывались, но вряд ли могли стать главными аргументами.

Итак, все перечисленные обстоятельства должны были способствовать крымской миссии Базанкура, но ни одно из них нельзя признать решающим. Логично остановиться на той мысли, что Базанкур оказался на роли военного корреспондента в силу стечения сразу нескольких факторов, и чем большее количество из них нам удастся проследить, тем более обоснованными окажутся ответы на поставленные выше вопросы.

Это заставляет нас взглянуть на «литературную составляющую» в биографии Базанкура под особым углом зрения. Понятно, что литературный опыт позволил Базанкуру освоить изобразительные средства, необходимые для живописания военных событий. Но разговор пойдет о другом: о том, что литературные занятия Базанкура заставляли его конструировать специфическую литературную репутацию, которая, по нашему убеждению, в конце концов способствовала его миссии в Крым.

Ф. Ж. де Базанкур начинал литературную деятельность в ту пору, когда в читательском сознании «образ автора» уже давно не являлся чисто текстовой величиной. Реальная жизнь писателя превратилась, по выражению Б. В. Томашевского, в «ощутимый фон литературного произведения» [55, с. 8] и заметно определяла горизонт читательских ожиданий. В книжной лавке покупали не просто книгу с привлекательным заглавием, а сочинение господина такого-то, написавшего прежде такие и такие произведения, служащего там-то и там-то, что нередко и указывалось на титульном листе издания. Однако читатель руководствовался и той информацией, которая не отражалась на титульном листе, но доходила до него по слухам, газетным хроникам, светским беседам и вообще из самых разных источников. Зачастую это были сведения о бытовой стороне авторской личности, и эти подробности, образуя ««контекстовую» читательскую эрудицию» [2, с. 26], во многом формировали «авторский образ», особенности которого программировали интерес и доверие читателя к творчеству писателя. Эту особенность читательского восприятия мы, разумеется, можем заметить и в прежние эпохи, например, в литературе сентиментализма, но именно романтизм сделал соотносимость реальной личности автора с ее текстовым воплощением важнейшей частью литературного процесса, одной из главных особенностей, «под знаком которых совершается литературная эволюция данного момента» [59, с. 434].

Пожалуй, не всякий автор той поры был готов буквально следовать известной формуле К. Н. Батюшкова – «...Живи, как пишешь, и пиши, как живешь» [4, с. 41], – но всякий ощущал, что известные факты писательской биографии, его общественного бытования, событийного ряда влияют на литературную репутацию. Читатель желал видеть художественные сюжеты в контексте реальной жизни, то есть

стремился «слить жизненные и художественные тексты воедино» [21, с. 267], где автор – один из участников событий. Это вело к тому, что и жизнь, и автор «подстраивались» под литературу, автор литературного текста становился в жизни «персонажем», творящим «историю самого себя», или актером, играющим собственноручно написанную роль [48, с. 232]. «Романтическое житнетворчество» [36, с. 41] распространялось на межличностные отношения [3, с. 6], придавало черты «литературности» [20, с. 34] бытовому поведению в целом. Автор в повседневности создавал легенду о себе, «конструировал свой образ» [35, с. 17], который запечатлевался в сознании читателя и который определяется термином «литературная личность» [27, с. 12].

По метафоричному замечанию Ю. М. Лотмана, «писатели начала XIX в. не просто живут, а создают свои биографии» [21, с. 371]. Причем эти «биографии» были подчинены определенным канонам, диктуемым социально-эстетическими трафаретами эпохи. Выписывая свою «жизненную роль», автор вынужден согласовывать ее с «социокультурной ситуацией» [13, с. 85], со сложившейся системой поведенческих типов и жанров [21, с. 258], выбирать для себя определенное «амплуа» [21, с. 258].

Литературный аристократизм и литературный меркантилизм

Одной из важнейших характеристик литературной личности является псевдоним [56, с. 269]. От этого и оттолкнемся.

Как уже было сказано [33, с. 53], Ф. Ж. де Базанкур был потомком аристократических семей и получил соответствующее своей среде воспитание. Первый роман «Летучий эскадрон королевы» (1836) он подписал псевдонимом «Барон де Базанкур», что подчеркивало принадлежность автора к дворянству, оставившему след в старой и новой истории Франции [33, с. 53]. Акцент на аристократизме автора, заданный первым крупным произведением, был, безусловно, принципиальным для писателя соображением, поскольку все последующие романы он подписывал именно так – «Барон де Базанкур». Очевидно, что в литературном быту Базанкур избирал «амплуа» аристократа. И нам стоит разобраться в мотивировке такого выбора.

В 1836 г. А. С. Пушкин писал дядюшке Базанкура – А. Г. П. де Баранту, занимавшему тогда должность французского посланника при российском дворе [51, с. 187], что двадцатью годами прежде в России не помышляли о коммерческом значении литературы, а «видели в ней лишь утонченное и аристократическое занятие», не способное принести иных выгод, кроме как «успех в обществе» [43, с. 199].¹ Во многом, пусть даже с несколько иной хронологией, это могло быть отнесено и к Франции и, несомненно, отражалось на становлении литературных взглядов Базанкура. Он воспитывался на традициях XVIII в. и в той среде, где литература именно и считалась «утонченным и аристократическим занятием»,

¹ La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'était regardée que comme une occupation élégante et aristocratique. <...> Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvrages que des triomphes de société <...> [43, с. 199].

«прерогативой великосветского человека». Причем в близком окружении писателя такой взгляд продолжал существовать даже тогда, когда «промышленная литература» вошла в полную силу, а «писателям-меркантилистам», по выражению Ш. Сент-Бёва, «удалось <...> стать почти безраздельными хозяевами положения» [50, с. 217]. И в этом отношении очень показательна литературная судьба родной сестры Базанкура – Софи, которая была всего годом старше его.

Напомним, что в 1832 г. Софи вышла замуж за офицера Ф. Луаре д'Арбувиля, последовав за ним по местам службы [33, с. 53–54]. По словам А. Г. П. де Баранта, молодая мадам д'Арбувиль находила по-своему привлекательным «пребывание в провинциальных городах или даже в какой-нибудь отдаленной крепости на границе Пиренеев»: «Она наслаждалась видами дикой природы или цветущих и плодородных обетованных мест» и «предавалась поэтическому вдохновению» [63, р. X]. С 1838 г. ее супруг (к тому времени полковник) участвовал в африканских походах [93, р. 241], но пошатнувшееся здоровье не позволило Софи уехать с ним, и, видимо, около этого времени (конец 1830-х) она возвратилась в Париж, открыла светский салон, о котором еще будем говорить более подробно. Пока же отметим, что в числе постоянных посетителей были многие из тех, кто принадлежал к старшему поколению и оставался носителем традиций старой аристократии. А в этих традициях литературные опыты зачастую ограничивались рамками гостиной и близкого круга людей. В 1841 г. Софи д'Арбувиль опубликовала очень малым тиражом небольшую книгу стихов и прозы, адресованную лишь самым близким знакомым и родным. Эта книга изначально была величайшим раритетом, но известно, например, что она имелась в личной библиотеке дядюшки Софи – барона де Баранта [68, р. 72]. По его словам, Софи избегала огласки своих литературных опытов по вполне вызревшему убеждению: «Занять положение писательницы показалось бы ей нарушением семейных привычек, неверностью интимной жизни» [63, р. XI].

Книга называлась «Рукопись моей двоюродной бабушки» [“Le Manuscrit de ma grand'tante”]. По существу, это стихотворный элегический дневник главной героини, обрамленный в рамку новеллы. По сюжету, «дневник» принадлежал молодой женщине, выросшей в бедной семье, но вышедшей замуж за престарелого маркиза. Маркиз расценивал этот союз исключительно как возможность обеспечить будущее своей избраннице, и она в ответ испытывала к старику искреннюю благодарность и привязанность. Жизнь в замке, в достатке и покое, настраивала ее на размышления о религии, смысле бытия, природе человеческих чувств и устремлений. Привыкнув к сосредоточенному внутреннему диалогу, она придавала своим размышлениям стихотворную форму. Финал истории трагичен: молодую маркизу поражает болезнь, медленно сводящая ее в могилу. Предчувствие скорого ухода наполняет ее рассуждения особой проникновенностью и смирением. После смерти маркизы рукопись ее дневника оказывается в руках наследника – молодого графа-парижанина, который чрезвычайно тронут прочитанным и решается текст напечатать.

Во всей этой истории угадываются следы автобиографизма: приблизительно так – в покое и достатке, но и в одиночестве – могла проводить время Софи д'Арбувиль в тех местечках, где служил ее супруг. Прозрачный автобиографизм делал книжку тем более делом семейным. Что касается тематики и религиозного настроения, то и

здесь проглядывают семейные и сословные традиции. Известно, что Софи была воспитана матерью в «очень христианском духе» [104, р. 17], предпочитала поэзию Ламартина [63, р. VI], а от своей тетушки мадам де ла Бриш переняла интерес к мистицизму [105, р. 138]. Софи ориентировалась именно на «домашние» литературные интересы.

Еще одну книжку Софи д'Арбувиль издала в 1843 г., однако не по собственной инициативе. В феврале того года произошло катастрофическое землетрясение в Гваделупе, и в Париже состоялся ряд благотворительных акций в помощь пострадавшим. В Поле-Рояле была развернута благотворительная торговля [25, с. 168]. Королева Амалия изъявила желание напечатать в королевской типографии сочинения Софи д'Арбувиль, чтобы выставить их на продажу в качестве благотворительного лота [96, с. 262]. В книжку вошли три новеллы: «Мария Магдалина», «Счастливая жизнь» и «Безропотность» [61]. Но важно, что имя автора на обложке не печаталось, а в предисловии сообщалось, что эти рассказы изначально не предназначались для печати. Судя по всему, это было принципиальной позицией д'Арбувиль, что подтверждается сообщением о благотворительной ярмарке, опубликованным Сент-Бёвом. Он находился в очень доверительных отношениях с Софи и, безусловно, сообщая о распродаже книги, опирался на ее пожелания. Так вот в «Швейцарском обозрении» он писал, что книга сочинена некой «светской молодой женщиной для себя и нескольких друзей», а опубликована лишь по настоянию королевы [102, р. 28].

Но это еще не все. В мае того же 1843 г. в «Revue des Deux Mondes» появилась развернутая рецензия на это благотворительное издание Софи д'Арбувиль. Статья подписана псевдонимом F. de Lagenevais, за которым скрылся критик Шарль Лабитт [96, с. 262; 104, р. 21, 66]. Заглавие статьи – «Le roman dans le monde» – буквально стоило бы переводить как «Роман в свете», но, кажется, содержанию более соответствовал бы такой вариант: «Светский роман». Это довольно пространное и горячее рассуждение о том, что жанр романа пришел в упадок. Причину критик видит в том, что литературные занятия превратились в ремесленничество, журнальная литература стала диктовать публике свои вкусы, а сочинители преследуют лишь коммерческие интересы. Спасти жанр романа, по мнению критика, может лишь литература, создаваемая светскими людьми, поскольку они руководствуются стремлением получить наслаждение от самого творческого процесса [85, р. 586–592]. И в качестве образца «светского романа» рецензент представлял анонимно изданную книгу Софи д'Арбувиль.

Известный знаток биографии Сент-Бёва Леон Сешэ очень точно отмечал, что в данном случае Лабитт выступил в качестве «alter ego» Сент-Бёва [105, р. 145], который, напомним, был близок с Софи д'Арбувиль и, можно не сомневаться, инспирировал публикацию рецензии в «Revue des Deux Mondes». Главная мысль статьи – о тотальном и пагубном подчинении литературы коммерческим принципам – это мысль, которую Сент-Бёв ярко и подробно выразил на страницах того же «Revue des Deux Mondes» четырьмя годами ранее в статье «De la littérature industrielle» [103] («О промышленной литературе», или как еще принято переводить это заглавие «Меркантилизм в литературе»). Теперь статья Ш. Лабитта подсказывала средство от «промышленного зла» в литературе – творчество аристократического круга.

Вернемся к Ф. Ж. де Базанкуру. Его позиция в отношении литературного труда была иной: он стремился публиковать свои сочинения, активно сотрудничал со многими периодическими изданиями. Правда, свои хроники в «Le Messenger» (возможно, как принадлежащие жанру откровенного журнального ремесленничества) подписывал псевдонимом «Victor Bonin» или литерой «В...» [34, с. 49–51], но все его романы-фельетоны печатались под псевдонимом «Барон де Базанкур». А следует учесть, что роман-фельетон воспринимался критиками как наиболее характерное проявление «промышленного подхода», понижающего планку художественного вкуса [24, с. 170–172; 39, с. 133].

Легко объяснить, почему Базанкур не избегал причастности к сфере «промышленной литературы»: она обеспечивала скорую и широкую известность, помогала налаживать связи, вознаграждалась материально и проч. Но если Базанкур находил применение своим литературным навыкам в, казалось бы, «неаристократической» области беллетристики, почему его литературная «самопрезентация» была подчеркнута ориентирована на аристократизм?

Аристократический салон той эпохи представлял собой смешение «старых» и «новых» поколений, нравов и взглядов, и это очень хорошо демонстрирует салон г-жи д'Арбувиль, где по понятным причинам Базанкур был постоянным посетителем. Салон располагался в доме на Вандомской площади, «в сердце Парижа» [104, р. 46]. Конечно, здесь были живы воспоминания о традициях XVIII в. Однако обычный круг наиболее известных посетителей составляло то поколение, которое было родом из века XVIII, но свой характер формировало уже после Великой французской революции в эпоху Наполеона. Это были политические деятели (конечно же, причастные к науке, публицистике и литературе), которые должны были восприниматься Базанкуром как представители старшего поколения: Виктор Кузен, граф Н.-А. де Сальванди, граф Шарль де Ремюза. Здесь же следует упомянуть дядюшек Базанкура – графа Л.-М. Моле и барона П. де Баранта. Видимо, отдельную группу составляли военные – друзья генерала д'Арбувиля, среди которых был, например, генерал Н. Шангарнье [84, р. 160]. Они тоже были старше Базанкура. Приблизительно одного поколения с ним были литераторы: наиболее близкий друг хозяйки Ш. О. Сент-Бёв, П. Мериме, К. Мармье и еще целый «хор литераторов, любивших этот салон, потому что их там любили» [84, р. 160].

В светских салонах превалировали литературные интересы [25, с. 181–187], и салоны были важным звеном литературной жизни. Мысли, запечатлевавшиеся в журнальных спорах, поначалу «обкатывались», а после получали продолжение в светских беседах. Салоны, наряду с критикой, формировали литературные репутации и могли обеспечить социальное продвижение автора [54, с. 74]. В этом отношении салон г-жи д'Арбувиль был весьма влиятелен. Виконтесса Алекс де Жанзе утверждала, что хозяйка салона, скажем, оказывала протекцию А. де Мюссе:

«Все это окружение давало мадам д'Арбувиль большое влияние в литературном мире. Когда после смерти Дюпати во Французской академии образовалась вакансия, она принялась хлопотать о кандидатуре автора “Ночей” и покровительствовала ему с таким усердием, что люди в шутку говорили: “Мадам д'Арбувиль, которая посещает Альфреда де Мюссе”».

Другая женщина, столь же отличавшаяся своими талантами и остроумием, мадам Ансело, объединила свои усилия с усилиями мадам д'Арбувиль и способствовала победе Мюссе» [84, р. 160].

Салон интересовался литературой во всех ее проявлениях, и формат творчества «для узкого круга» сосуществовал с писательством «для широкой публики». Впрочем, возникает вопрос по поводу этой широкой публики. Например, на какую часть этой публики ориентируется автор: на более или менее искушенного читателя или на всякого, кто способен приобрести газету? Чему подчиняет автор свое творчество: неким высоким художественным принципам или вкусам «толпы»?

Базанкур вступал на поприще беллетристики в эпоху быстрой демократизации литературы. Этот процесс сопровождался «наведением мостов» между литераторами-аристократами и литераторами-представителями среднего сословия, между салонной и журнальной литературой. При этом нюансы эстетики закономерно переплетались с мировоззренческими принципами и проблемами материальной прибыли.

При всей несхожести и литературной, и социальной ситуации во Франции и России русская литература той поры ярко демонстрирует, насколько острым может быть этот процесс. Имеем в виду известную полемику по поводу «литературной аристократии», разразившуюся в 1830 г. между авторами пушкинского круга и «литературными промышленниками» – Ф. В. Булгариным, Н. И. Гречем, Н. А. Полевым. Литературная составляющая конфликта сводилась к разности взглядов на подчинение эстетики коммерческим интересам, а стало быть, запросам широкой публики. Однако само «насмешливое прозвище» [11, с. 56] «литературные аристократы», которое пустили в ход противники Пушкина и его единомышленников, демонстрировало, что за литературным спором скрывался целый комплекс противоречий сословного и политического порядка [41, с. 315], которые образовывали пропасть между «третьесословной журналистикой» [19, с. 22] и литераторами-дворянами. Даже на уровне полемических приемов и стилистики ощущалась принципиальная разница. Если соратник Пушкина П. А. Вяземский в статье «О духе партий» пытался перевести дискуссию «в плоскость чисто литературной полемики» [19, с. 23], удерживая стиль в рамках аристократического достоинства, то выпады Ф. В. Булгарина «акцентировали социальный аспект» [19, с. 22], а временами имели вид доноса [37, с. 246; 9, с. 406] и клеветы [12, с. 237, 240, 251].

В эстетическом плане литературная позиция «аристократов» характеризовалась тем, что они «сохраняли свою “старомодную” приверженность к изяществу, легкости, уравновешенной непринужденности изложения, унаследованным от французской салонной культуры XVIII века, с ее “легкой поэзией” и блестящей, ироничной прозой и публицистикой» [11, с. 59], но за этим следовали и неприятие «торгового» отношения к творчеству, и антибуржуазная позиция [8, с. 186], и симпатия к «старой», нечиновной аристократии [8, с. 186; 39, с. 315], и сопряжение норм литературного поведения со светским обычаем. Всё это плохо согласовывалось с запросами растущего «литературного рынка», и ситуация становилась драматично трудной. Так, В. Э. Вацуро констатировал, что Пушкин, «будучи сам

профессионалом-литератором», «понимая неизбежность и закономерность превращения литературы в “отрасль промышленности”», в то же время «решительно не приемлет “торговой” словесности, опускающейся до уровня литературы массового потребления» [8, с. 186]. Собственно, издание «Современника» было попыткой Пушкина нащупать литературную нишу, где коммерческая заинтересованность не противоречит принципу творческой свободы. Однако журнал оказался убыточным. После смерти поэта его литературные соратники продолжили в «Современнике» борьбу с «торговым направлением» и имели в этом союзников [42, с. 188], но найти «золотую середину» между рыночной реальностью и принципами чистого творчества так и не смогли. Журнал терпел убытки. Издательской неудаче было много причин, но одно ясно: в новом литературном мире для выживания было необходимо адаптировать свои взгляды к условиям изменившейся социально-экономической ситуации, жертвовать если не художественными, то, по крайней мере, сословными принципами.

Во Франции ситуация была несколько иной. Революция 1830 г. хоть и не сняла окончательно сословных противоречий, но заставила общество активно осваивать тактику «классового компромисса». Поэтому в литературной полемике сословная тема либо вовсе не звучала [28], либо затрагивалась вскользь – как в упомянутой статье Ш. Лабитта по поводу новелл Софи д’Арбувилль. В обществе существовал процесс, который можно было бы назвать «встречным движением сословий».

С одной стороны, для среднего сословия дворянский статус и аристократический образ жизни имели высочайшую степень привлекательности. Бальзак, конечно, создавал картины (и был в этом объективен) «умирающей аристократии в Париже или в отдаленных провинциальных городах» [22, с. VII], но крайне дорожил частицей «де» в своей фамилии и в быту демонстрировал привычки вельможи. Ф. Гизо – по существу, идеолог и политический глава среднего сословия – купил в Нормандии аббатство с земельными угодьями и стал обустривать там родовое имение в совершенно дворянском духе [53, с. 146–147].

С другой стороны, аристократия прекрасно сознавала, что среднее сословие прочно завладело ведущими позициями в экономической и политической жизни. Новая социальная реальность уравнила старую аристократию и дворянство империи, всемогущих банкиров и успешных промышленников [52, с. 102]. В таких условиях сословная самоизоляция лишила бы аристократию всяких перспектив. Если говорить о Базанкуре, то по мироощущению он, видимо, был ближе всего к политической группе доктринеров (или умеренных либералов) [53, с. 30–32], которые воспринимали средний класс в качестве политической силы, способной обеспечить прочность представительного правления [26, с. 185]. Во всяком случае, к кружку доктринеров принадлежал дядюшка Базанкура П. де Барант, а в салоне сестры Базанкура доктринеры были настолько частыми гостями, что и она сама воспринималась как «женщина из круга доктринеров» [38, с. 446].

Судя по всему, Базанкур гордился своим аристократическим происхождением, но не готов был платить дань сословным предрассудкам, а стремился использовать преимущества врожденного аристократизма в условиях «индустриализации» литературы. И выгода от этого была двойной.

В дворянском кругу барон де Базанкур должен был видеться как свой «представитель» в пестром литературном мире, сохраняющий и пропагандирующий аристократические вкусы и ценности. И эта роль ему удавалась. Уже первый роман «Летучий эскадрон королевы» был экскурсом в мир старой Франции, где представители высшего дворянства – свободолюбивые и наделенные мощными характерами – представлены главными действующими лицами. В большинстве следующих произведений действие также разворачивается в дворянской среде. Неудивительно, что многие словари и справочники (а они формулируют основные черты авторской репутации), представляли барона де Базанкура как романиста, «изображающего аристократические нравы» [75, р. 439; 86, р. 417; 112, р. 138]. Многие его произведения лишь по способу публикации могут быть отнесены к роману-фельетону, по всем же иным признакам они гораздо более соотносятся с жанром светской повести. Повествовательный стиль Базанкура напоминал продолжение непринужденной, изящной и остроумной светской беседы (и в этом он близок «литературным аристократам» России) и должен был позитивно восприниматься салонным окружением автора. Во всяком случае, один из отзывов на роман Базанкура «Последнее воспоминание» (1839) гласил, что «книга г-на де Базанкура имеет истинный успех в салонах» [77, р. 2].

Учтем и то, что самого факта публикации Базанкуром романов-фельетонов было недостаточно, чтобы поставить под сомнение аристократизм автора. Сегодня мы привыкли воспринимать роман-фельетон как некий корень, из которого выросла массовая литература. Это, безусловно, верно, но в саму эпоху «фельетонной лихорадки» [24, с. 170], роман-фельетон не воспринимался однозначно как «что-то для толпы». Достаточно вспомнить, что утверждению моды на роман-фельетон во многом способствовала газетная публикация «Старой девы» О. де Бальзака. И следует согласиться с очень точным замечанием Н. Т. Пахсарьян: «Контрастная картина последовательного противостояния “элитарной” и “промышленной” романистики не соответствует действительности, поскольку, по крайней мере в 1830–1840-е годы, во Франции романтическая писательская “элита” и сочинители “второго ряда” часто ощущали себя и оценивались публикой – а порой и критиками – как единое сообщество» [39, с. 128]. «Промышленная литература» вызывала раздражение не финансовой заинтересованностью автора, а его готовностью угождать низкопробным вкусам. Но как помним, барон де Базанкур был последователен в своих художественных предпочтениях и должен был восприниматься элитарным читателем как аристократ и по рождению, и по литературному стилю, что достойно характеризовало его в аристократическом кругу.

Но была и другая сторона вопроса. Хоть элитарный читатель и не отказывался от романа-фельетона, ему все же приходилось «делить» этот жанр с «простым человеком» [58, с. 188], который «голосовал франком» за полюбившихся авторов. Но и здесь аристократический образ барона де Базанкура был выигрышным, поскольку оказывался притягательным в глазах не только элитарного, но и широкого читательского круга, которому «жизнь аристократа» была любопытна.

«Под сению кулис...»

В феврале 1855 г. главный редактор «Фигаро» Ипполит де Вильмессан и один из сотрудников редакции (зять Вильмессана) Бенуа Жувен разместили в газете свои воспоминания о парижском Варьете. Текст получился довольно эпатажным, поскольку откровенно представлял мир театрального закулисья с его интригами и секретами. Причем имена причастных к этим интригам и секретам указывались без всякого стеснения. Упомянут здесь и барон де Базанкур – в связи с рассказом о судьбе актрисы Алисы Ози. По словам мемуаристов, Ози дебютировала в Варьете в 1840 г. и добилась успеха. Именно в то время ей был представлен барон де Базанкур, который сумел «вложить в свои речи всю увлекательность, которую мы обнаруживаем в его романах» [117, р. 3]. Это покорило Ози, и она рассталась ради Базанкура с возлюбленным – актером Бриндо. «Однако, – гласило повествование в “Фигаро”, – к концу года у Базанкура закончились самые интересные истории, и Ози, заскучав, выбросила свою любовь в окошко» [117, р. 3]. После этого она «стала исповедовать культ Польши» и завела себе нового возлюбленного – польского аристократа Велопольского. Но поскольку Базанкур не готов был отказаться от возлюбленной, то соперники попросту условились делить время актрисы поровну: по двенадцать часов каждому [117, р. 3].

Пикантность не только в описанной ситуации, но и в том, что основные ее участники: и Базанкур, и Ози были живы и продолжали активную деятельность. Базанкур в момент этой публикации находился в военном лагере под Севастополем. При этом авторы публикации рекомендовали Базанкура как «своего друга» [117, р. 3]. Как может увязываться «дружба» с публикацией компрометирующих материалов о связи Базанкура с куртизанкой?

Во-первых, сразу скажем, что история о романе между Базанкуром и Ози хотя бы отчасти основана на реальности. Известно, что Луиза Ози (урожденная Жюли Жюстин Пилуа) родилась 6 августа 1820 г. [89, р. 15], в 19 лет дебютировала в театре Шантерен, а уже с начала 1840 г. действительно выступала в театре Варьете [89, р. 18]. Известно, что Базанкур в 1838 г. в «Фигаро» (газета тогда была под другой редакцией) помещал театральные хроники, причем на первой полосе указывалось, что он писал именно о жизни Варьете [78, р. 1]. Более того, в 1920 г. драматург Эжен Эро обнаружил личную переписку между Базанкуром и Ози [80, р. 189]. Эта переписка, кажется, так и не была опубликована [109, р. 213], но сам факт ее существования уже о многом говорит. Как раз в 1840 г. Базанкур тесно сотрудничал Вильмессаном, постоянно публикуясь в его журнале «Сильфида», так что Вильмессан вполне мог знать о сердечном увлечении барона. Но зачем он вынес эту информацию на всеобщее обозрение в 1855 г.?

Вильмессан купил газету «Фигаро» в 1854 г. До этого она была заметным, но не самым успешным изданием. Пытаясь вдохнуть в газету новую жизнь (что ему и удалось), Вильмессан заполнил полосы светскими анекдотами, рассказами о скандалах, эпизодами из богемной жизни. Все это позволяло читателю, не вхожему в мир аристократии и богемы, постоянно туда заглядывать. Неслучайно братья Гонкур в романе «Шарль Демайи» вывели Вильмессана в образе Монбайра – редактора газеты «Скандал» [14, с. 301].

Именно в контексте эпатажной редакционной политики и следует воспринимать публикацию об актрисе Ози. Следует также учесть, что материал об актрисе Ози не завершался Базанкуром. Далее столь же откровенно рассказывалось о ее связи с герцогом Омальским, с отцом и сыном Гюго и т. д. и т. п. Так что Базанкур на общем фоне не выглядел наиболее скомпрометированным.

Что характерно, история с этой публикацией не испортила отношения между Базанкуром и Вильмессаном. Когда через десять лет барон скоропостижно уйдет из жизни, Вильмессан опубликует очень проникновенный некролог, в котором будут такие строки:

«У нас тысячи знакомых, но – всего несколько друзей; тех людей, о ком мы думаем прежде всего и поддержку кого встречаем в дни бедствий. Базанкур был для меня одним из них. Всякий раз, когда в моей полной превратностей карьере мне требовалась помощь благовоспитанного и добросердечного человека, я обращался к нему.

Наконец, он был более, чем другом, мы вполне считали его членом семьи, поскольку он был крестным отцом одной из моих дочерей – мадам Жувен» [115, р. 3].

Кажется, Вильмессан вовсе не считал публикацию о Базанкуре вредной для репутации друга. Во всяком случае, в 1880-х гг. он перепечатает ее в составе своих воспоминаний [116, р. 138].

Но почему сам Базанкур, по-видимому, вполне равнодушно отнесся к скандальной публикации?

Во-первых, надо полагать, именно из-за самой скандальности материала: чем более эпатажен материал, тем проще откреститься от того, что в нем содержится. Во-вторых, как это ни странно, но подобная история действительно не могла испортить репутацию.

Ю. И. Лотман замечал, что авторам эпохи классицизма было трудно реализовать литературные представления в реальной жизни, поскольку эти представления стремились к абсолютному идеалу. Романтическое же поведение оказалось гораздо доступнее для его переноса в повседневный быт, «поскольку включает в себя не только литературные добродетели, но и литературные пороки» [20, с. 40]. Более того, некоторые «пороки» даже придают образу обаяние и входят в моду – как байронический эгоизм.

Увлечение Базанкура юной и успешной актрисой по любым меркам не было «пороком», который превышал бы лимит дозволенного «романтическому герою». Это, скорее, было пикантной чертой, которая оживляла образ «литератора барона де Базанкура». Было известно, что барон большой любитель и знаток театра. Помимо того, что он писал театральные хроники, он был завсегдатаем закулисья. В анонимных мемуарах об оперной жизни Парижа той поры находим такой эпизод о классе танца в Опере на улице Пелетье:

«Я прекрасно понимаю, что в целом эта старая Опера не была столь же просторной и удобной, столь же великолепной, что и новая. Танцевальный зал не блистал ни роскошью, ни уютom: это была большая комната <...>, довольно плохо освещенная, меблированная потертой

скамьей красного бархата, отделанная резьбой по дереву в моде прошлого века и украшенная помутневшими зеркалами в облупленных и потускневших золотых рамах. <...>

Да, но эту скамью занимал, в этих зеркалах отражался целый мир собеседников и посетителей, замену которым трудно найти среди завсегдаев нынешней эпохи: Бальзак, Жанен, Готье, Мери, Роже де Бовуар, Роль, Альтарош, Рокплан, барон де Базанкур <...>» [111, р. 270].

Читатель «Фигаро» желал заглянуть в этот мир, желал хоть издали коснуться его скрытой стороны, желал убедиться, что за блеском сцены и аристократической логи скрываются интригующие секреты. Вильмессан давал читателю такую возможность и делал барона де Базанкура одним из персонажей этой блестящей и тайной жизни, пускай даже делал это несколько скандально.

Впрочем, такого рода эпизоды для публичной биографии Базанкура – исключение. Читателю-современнику он был более известен в иной ипостаси.

«...Но к шпаге чувствую талант»

Природа притягательности аристократизма для среднего сословия и широкой публики была глубже, нежели банальное пристрастие к блеску светского быта. Л. И. Вольперт замечала, что дочь банкира мадам де Сталь испытывала чувство преклонения перед старинной аристократией: «<...> де Сталь живо ощущает и то свободолюбивое начало, которое связано со стремлением дворянства к независимости, и историческую роль древних прославленных родов. В ее глазах, они как бы представляют живую историю Франции, они носители культуры, лучших традиций рыцарских времен, “благородного кодекса чести”» [9, с. 407]. В связи с «благородным кодексом чести» уместно вспомнить и слова Н. А. Бердяева: «Чувство чести <...> в современном буржуазном мире идет от преданий рыцарства» [5, с. 146]. Общество и литература возводили в степень идеала «культивированные аристократией формы социального поведения как “рыцарство”, благородство, личная верность, культ служения, фаталистичность» [15, с. 124], но если в литературе этот идеал воплотить было легко, то в реальности его явно не хватало. У Б. Г. Реизова есть интересные наблюдения относительно читательского запроса 1820-х гг.: французам чрезвычайно нравились описание прошлых нравов – дуэлей, мастерского владения оружием, «ребяческой кичливости и химерической рыцарской чести» [44, с. 162], «физической отваги» [45, с. 378], – поскольку в современности им всего этого недоставало [45, с. 378–379]. Добавим: то же самое французы искали и в литературе следующих десятилетий, и подтверждение тому – успех романов А. Дюма. Но нас сейчас более интересует недостаток всех этих атрибутов рыцарской эпохи не в литературе, а в реальной французской жизни XIX в. Базанкур, несомненно, чувствовал этот пробел и, кажется, отчасти восполнял его, формируя литературную личность «барона де Базанкура» в «свете романтических идеалов» [35, с. 41], которые предполагали неординарность авторского образа [17, с. 8].

Как помним, в возрасте двенадцати лет Базанкур «начал фехтовать, к чему почувствовал неодолимую склонность» [100]. В дворянской среде обучение фехтованию воспринималось как важная часть воспитания – и не только во Франции.

Например, уроки фехтования входили в программу Царскосельского лицея, причем Пушкин демонстрировал в этой дисциплине успехи [47]. Его учителем был француз А. Вальвиль, который обнаруживал в выпадах будущего поэта «воображение» [30, с. 92], что следует расценивать, как одобрительную оценку со стороны признанного мастера. Вальвиль стал преподавателем лицея, пройдя серьезный отбор, а в 1817 г. он выпустил в русско-французском исполнении учебник по фехтованию [7]. Как известно, Лермонтов обучался фехтованию в Благородном пансионе [6, с. 102], а позднее был одним из лучших фехтовальщиков в юнкерской школе [1, с. 605]. Однако далеко не всякий аристократ готов был превратить фехтование чуть ли не в основное свое занятие.

В спортивном мире Базанкура сегодня помнят прежде всего в качестве не литератора или историка, а именно – фехтовальщика. Показательно, что единственный известный нам биографический очерк о Базанкуре был опубликован в 1874 г. в первой французской спортивной газете «Le Sport» (основана в 1854 г.). Обратимся к этой публикации, но сначала сделаем важные оговорки.

Очерк о бароне де Базанкуре принадлежит Альберу де Сент-Альбену, личность которого заслуживает нескольких слов. «Де Сент-Альбен» – псевдоним, доставшийся Альберу от отца – Наполеона-Дезире Нейруда-Лагайера (Napoléon-Désiré Neyroud-Lagayère) [81, р. 291], который редактировал ту самую газету «Le Sport». Альбер де Сент-Альбен под другим псевдонимом – Робер Мильтон [81, р. 291; 113, р. 45.] – вел спортивную хронику в «Фигаро», а кроме того, был известным фехтовальщиком и имел широкие знакомства в спортивной среде [113, р. 45–46]. В 1875 г. он издаст книгу «Фехтовальные залы Парижа» [101], в которой расскажет об основных фехтовальных школах, известных фехтмейстерах и фехтовальщиках. Видимо, в рамках подготовки этой книги и был написан очерк о Базанкуре; во всяком случае, в газете «Le Sport» он вышел под рубрикой «Фехтовальные залы Парижа» (1874). Но вот в чем странность: в книгу очерк не вошел. Почему?

Альбер де Сент-Альбен родился в 1843 г., то есть был на 32 года младше Базанкура. Очерк был написан в 1874 г. – через 9 лет после смерти Базанкура. Справедливо предположить, что автор очерка, хотя и мог встречаться с Базанкуром, вряд ли был с ним в тесном знакомстве и получал от него какие-либо сведения личного характера. Скорее всего, информацию он собирал по отзывам людей, некогда занимавшихся фехтованием вместе с Базанкуром или общавшихся с ним в свете. Именно такая опосредованность источников и привела к тому, что в очерке, скажем, неверно указан год смерти барона: 1869-й вместо 1865-го. Видимо, сознавая недостаток фактографичности, Альбер де Сент-Альбен и решил не включать очерк о Базанкуре в книгу «Фехтовальные залы Парижа», хотя отдельные и неизменно уважительные упоминания о бароне на ее страницах весьма часты.

Итак, в очерке де Сент-Альбена представлена не биография Базанкура, а его «репутация», то есть как раз то, что нас в данный момент наиболее интересует. Но начнем с информации, которая может претендовать на фактическую точность, поскольку подтверждается другими источниками.

По словам де Сент-Альбена, первым и единственным учителем фехтования барона де Базанкура был Шарль Понс. Фигура примечательная. Понс некогда

преподавал владение клинком в 5-ом королевском пехотном полку. Через много лет он стал учителем фехтования для королевского сына – герцога Омальского. Но наибольшую известность Понс снискал благодаря фехтовальной школе, которую открыл в Париже и называл Академией фехтования [101, р. 11–12]. «Академия» располагалась на улице Сент-Оноре в бывшем отеле герцога Монморанси, где занимала несколько обширных помещений. Школа Понса слыла одной из самых уважаемых, поскольку фехтмейстер сумел собрать здесь «лучшие имена Франции», так что «оказаться причастным к этому сообществу, где царил абсолютное братство, было истинным проявлением хорошего тона» [101, р. 15]. Так вот среди всех именитых участников школы (а это более сотни человек) Базанкур считался «лучшим бойцом, который когда-либо посещал этот зал» [101, р. 15], и это подтверждается особым статусом барона.

Помещения школы были обставлены подобно музею, «посвященному фехтованию и его адептам» [106, р. 248]. В вестибюле стены были увешаны холодным оружием и прочими батальными предметами, среди которых, например, были останки дикарского вождя, привезенные из Сенегала, и шлем русского солдата, убитого под Севастополем. Среди этих реликвий были и групповые портреты фехтовальщиков, но был лишь один персональный портрет – портрет Базанкура [101, р. 13]. Непосредственно в фехтовальном зале также висели два портрета маслом: Базанкура и графа де Мак-Карти [101, р. 14]. Есть упоминание, что рядом с портретом Базанкура располагались портреты еще двоих известных фехтовальщиков – маркиза де л'Англь-Бомануара (по прозвищу Грозный маркиз [101, р. 123]) [99, р. 105] и герцога Ровиго – все изображенные были похожи «на богов-покровителей этого храма» [106, р. 248].

Де Сент-Альбен утверждает, что Базанкур имел склонность и к искусствам, и фехтованию, однако «всегда отдавал предпочтение последнему» [100]. Среди преимуществ барона была и физическая сила, и то, что он был левшой [106, р. 250], но важное значение имела и искренность его увлечения клинком. Где бы ни оказывался барон, он находил возможность развивать боевые навыки. Так, в Италии де Базанкур совершенствовался у мастеров местной фехтовальной традиции. Он вступал в поединки с представителями других школ (скажем, в зале лорда Сеймура [116, р. 220]), состязался со всеми известными фехтовальщиками [100], и вполне закономерно, что в какой-то период стал президентом Общества фехтовальщиков [82, р. 2].

Нет сомнений, что достижения во владении клинком барона де Базанкура были действительно впечатляющими, поскольку они констатировались почти при всяком упоминании о Базанкуре в прессе и других источниках. То есть мастерство фехтовальщика – важнейшая часть его репутации. Но очерк де Сент-Альбена любопытен еще и тем, что представляет обобщенный, легендарный образ барона во всей полноте красок и деталей. И тут позволим себе обширную цитату:

«Наследник прекрасного состояния, он любил сорить деньгами; всегда щедрый, но еще более богатый надеждами, которые подавал, нежели своим кошельком, похожим на бочку Данаид, он воплощал тип аристократов великого века, которые, царствуя над миром по праву

рождения, считали деньги простым аксессуаром, чем-то вроде самого смиренного слуги их мотовства. Он любил светскую жизнь, в которой играл роль, срывающую аплодисменты, любил нравиться женщинам, был прекрасным кавалером, обладал чрезвычайно утонченными манерами, был сведущ во всех тонкостях галантности и, главное, был очень расточителен.

Он обладал необычайной силой, чрезмерно, быть может, энергичным темпераментом, и удовлетворял требованиям этих свойств натуры только благодаря аппетиту Гаргантюа <...>.

Принадлежа к высшему свету, он умел сочетать его манеры со вкусом к легкой и артистичной жизни, куда природные дарования и таланты открывали ему широкую дорогу. Он представлял то даровитым художником, то дилетантом, то историком, то романистом. Он никогда не испытывал недостатка в элегантности и врожденном благородстве, которые ставили его столь высоко, что делали простительным небольшое распутство, не лишенное, впрочем, изящества. Исключительный в своих дружеских чувствах, он проявлял гордыню и ледяную вежливость в отношении людей, к которым был равнодушен. Он обладал ровным характером и верностью в отношениях, благодаря чему в память о нем остались самые теплые чувства» [100].

Повторим: этот портрет – обобщенный по светским легендам образ, который говорит нам, что барон де Базанкур воспринимался в образе не просто аристократа, а аристократа в высшем проявлении, аристократа из достославных рыцарских времен, в качестве человека, похожего на благородного Атоса, в котором «аристократа можно было признать за целое лье» [76, р. 64]. И важнейшим атрибутом такого архаичного аристократизма было не только владение оружием, но следование рыцарскому кодексу чести. О рыцарских принципах барона складывались легенды, которые до нас дошли в виде небольших опубликованных историй, то есть в терминологии той поры [40, с. 181] – анекдотов, служащих важным атрибутом светской и литературной репутации [23, с. 11].

Один из них приводится в том же очерке де Сент-Альбена:

«Однажды вечером в салоне Базанкур встречает противника, с которым дрался на дуэли, которого ранил и от которого он сам получил удар клинком. Последний подходит к нему и спрашивает о нанесенной им ране.

– А как ваша? – отвечает Базанкур,

– Выздоровливает, – говорит тот.

– В таком случае ничто не мешает нам начать заново.

Они вернулись в поле. Атаковав, де Базанкур обезоружил своего противника и, резко остановившись на половине дела, салютовал ему шпагой и удалился. Это благородное поведение положило конец поединку» [100].

Еще один случай – из газеты «Фигаро» за 1865 г. Происшествие приписывается к эпохе 1849 или 1850 г. На собрании Общества литераторов кто-то начал возмущаться, что многие светские люди из числа членов Общества сохранили титулы и частицы, указывающие на дворянство, хотя декретом 1848 г. они упразднены. Заявление имело резонанс:

«Из-за этого политического обвинения, озвученного в сообществе исключительно литературном, в зале поднялась большая суматоха.

Реплики сыпались со всех сторон. И голос оратора перестал быть слышен.

– Дайте же ему продолжить, – воскликнул г-н де Базанкур, – Он меня так забавляет.

После этих слов суматоха лишь усилилась. А один из друзей и собратьев оратора прокричал:

– С точки зрения хорошего тона, говоривший сейчас аристократ – неотесанный крестьянин!

Эта фраза повергла всех в оцепенение. Все ждали дуэли. На перебившего уже смотрели как на мертвеца.

Однако г-н де Базанкур сохранял добродушную улыбку.

– Полагаю, – произнес он, – что я был бы не достоин называться литератором, если бы рассердился на простую антиитезу» [98, р. 6].

Впрочем, другой рассказ – из газеты «Le Monde illustré» – свидетельствует, что Базанкур воспринимался как человек, чрезвычайно щепетильный в вопросах чести и не прощавший трусости:

«Однажды к нему подошел некий щеголь, которого он встречал раз или два в свете, и стал упрашивать его выступить секундантом. Речь шла о серьезном деле, поскольку фат получил пощечину от одного из своих друзей.

– В таком случае, – сказал барон, – я принимаю предложение. Правда на вашей стороне. Предпочитаете шпагу?

– Я в этом не очень силен.

– Тогда пистолет?

– Я плохо представляю, как с ним управляться.

– Тем не менее, вам придется.

– Да я и не говорю... – Забормотал юноша, очевидно, переполняемый задними мыслями. – Если только... Полагаете, это дело можно уладить? Мы учились вместе... Он имеет сноровку... У нас с Х... столько точек соприкосновения...

– Это правда, – произнес г-н де Базанкур. – Первая из них – ваша щека! И он отвернулся от бедняги» [94].

Офицер национальной гвардии

Рыцарский ореол, которым был окружен образ барона де Базанкура, видимо, даже на уровне ассоциаций связывал писателя с читательскими представлениями о воинской службе и воинском долге. Когда в 1865 г. Базанкур ушел из жизни, две газеты – «Correspondance Parisienne» и «Journal de la Corse» – напечатали некролог, в котором рекомендовали барона, как «бывшего кавалерийского офицера» [90; 91]. Никакими известными источниками эта информация не подтверждается. Видимо, автор некролога смешал сведения, известные ему понаслышке: воинственная репутация Базанкура, его присутствие у стен осажденного Севастополя, его книги по военной истории, и... кажется, еще один факт.

6 апреля 1846 г. указом короля барон де Базанкур был назначен капитаном национальной гвардии [95]. Не следует отождествлять службу в национальной гвардии со службой в регулярной армии. Национальная гвардия представляла собой род ополчения и использовалась в основном для охраны отдельных объектов и поддержания общественного порядка. Теоретически проходить службу в национальной гвардии были обязаны все мужчины в возрасте от 20 до 60 лет; аристократы служили в основном в кавалерии [29, 138–139]. Служба проходила по месту жительства, а напряженность службы в разные эпохи была разной: от одного дежурства в пять дней до двух дежурств в месяц [29, 139–140]. Хотя в эпоху Базанкура график службы не был напряженным, далеко не все соглашались тратить время на исполнение этого общественного долга, который, похоже, воспринимался, скорее, данью традиции, нежели насущной необходимостью.

Известно, например, что Теофиль Готье за злостное уклонение от дежурств в национальной гвардии (он считал их нелепым издевательством) не раз оказывался под арестом [69, р. 278]. В 1836 г. за неявку на обязательное дежурство в рядах национальной гвардии был подвергнут аресту О. де Бальзак [92, р. 363].

Ирония в том, что арестный дом, куда вплоть до 1837 г. [69, р. 281] отправляли «уклонистов», располагался в особняке Базанкур на улице Рва Святого Бернарда [29, с. 140]. Неизвестно, связано ли название особняка с дворянским родом Базанкуров, но кажется, единственной возможностью для барона эту связь установить и тем самым дать повод для каламбуров было бы уклонение от обязательных дежурств. Пребывание в особняке Базанкур было далеким от комфорта. Во всяком случае, с намеком на «специфическую пищу, которую там получали заключенные», его прозвали «Бобовым отелем» [97, р. 599].

Но дело, конечно, не в этом. Уклонение от службы в национальной гвардии вполне вязалось с писательской репутацией Бальзака, но плохо согласовывалось с образом барона де Базанкура. Это было бы не в его стиле. Назначение в капитанский чин не могло быть случайным и неожиданным для Базанкура. Думается, это было средством приобретения некоего дополнительного общественного статуса по принципу: если уж нельзя уклониться от неприятной обязанности, то, по крайней мере, следует извлечь из этой ситуации хоть какую-то пользу. Так или иначе, но служба Базанкура в национальной гвардии слабо запечатлелась в его биографии, чего не скажешь о другой жизненной сфере, где его знания фехтовальные навыки и познания оказались более востребованными.

«Хоть бог и запретил дуэли...»

В интересующую нас эпоху отношение к дуэлям во Франции было довольно мягким. Укоренившись в моральном кодексе, дуэль столетиями преодолевала любые запреты [32], а в начале XIX в. фактически оказалась легализованной. Поскольку кодекс 1810 года обошел дуэли вниманием, то они, по существу, перестали считаться преступлением. С 1819 по 1837 г. судебная практика склонялась к тому, что дуэль не является наказуемой [31, р. 9].

Историк дуэлей Эмиль Лорен отмечал, что после 1830 г. «разгоряченные революцией политические страсти» переросли в «почти ежедневные дуэли» [87, р. 127]. Причем зачастую к поединкам приводили ожесточенные перепалки журналистов [87, р. 128–130]. Э. Лорен в хронологическом порядке собрал рассказы о самых шумевших дуэлях с 1830 по 1860 гг., и получился внушительный список почти ежемесячных вооруженных схваток между людьми довольно известными [87, р. 127–208]. Достаточно упомянуть дуэль между Э. де Жирарденом и А. Каррелем (1836), в результате которой последний был убит.

После революции 1830 г. дуэль демократизировалась так же, как другие сферы жизни. Теперь путем поединка вопросы решали не только аристократы, но и буржуа. Дуэли происходили среди мировых судей и государственных служащих. В течение 1834 г. провинциальные газеты сообщили о трех дуэлях с участием членов местной администрации и судейского корпуса [79, р. 62]. И все же наиболее часто дуэли происходили между политиками и литераторами [79, р. 64]. С 1837 г. в судебной практике возобладала точка зрения, которая требовала рассматривать убийство на дуэли как всякое другое умышленное убийство [31, р. 9], однако приговоры зачастую выглядели довольно мягкими.

В 1839 г. разгорелся очередной дуэльный скандал, и к нему был причастен барон де Базанкур. 7 марта в Сен-Жерменском лесу произошла дуэль между 21-летним Альдериком де Сен-Пьером и 22-летним маркизом де Ровиго. Заметим, что позднее портрет маркиза де Ровиго окажется рядом с портретом Базанкура на стенах фехтовального зала Понса, а сам Ровиго станет вице-президентом Общества фехтовальщиков [82, р. 2], так что вполне объяснимо, что в 1839 г. одним из секундантов Ровиго выступил барон де Базанкур. Поединок развивался драматично. В самом начале схватки сломался клинок Сен-Пьера. Пришлось искать новое оружие. После возобновления боя оба участника получили более или менее серьезные ранения [107].

Суд Версаля разбирал дело 7 апреля 1840 г. Материалы дела и решение широко публиковались в прессе. 9 апреля «Journal des Débats» сообщал, что суд приговорил маркиза де Ровиго к восьми месяцам тюремного заключения и 500 франков штрафа, а Альдерика де Сен-Пьер к одному месяцу тюрьмы и 50 франков штрафа. Из четырех секундантов к наказанию приговорили лишь троих, причем для Базанкура приговор оказался наиболее суровым. Если секунданты де Сен-Пьера получали по 6 дней тюремного заключения и 50 франков штрафа, то барон должен был провести в заключении 6 месяцев и выплатить 400 франков штрафа [107]. Очевидно, что Базанкур и его подопечный были признаны более агрессивными участниками дуэли: Ровиго нес наказание за разжигание конфликта, а Базанкур за то, что способствовал продолжению схватки даже после того, как были нанесены первые раны и сломан клинок [108].

Уже на следующий день после публикации судебного решения – 10 апреля – барон де Базанкур поместил в «Journal des Débats» открытое письмо, в котором указывал, что его роль в дуэли была неверно расценена и, дабы защитить свое доброе имя, он подает апелляцию [64].

Апелляционное заседание действительно состоялось, и уже в 28 мая «Journal des Débats» напечатал отчет о его работе. Центральное место заняло весьма красноречивое и пафосное выступление Базанкура в свою защиту. Он доказывал, что всеми силами и не менее других способствовал умиротворению соперников. Например, такой фрагмент:

«О, Господи! Мой поступок можно если не простить, то хотя бы понять. Ко мне приходит друг и просит помочь ему в деле, касающемся его чести; дружба, давно связывающая меня с ним и его семьей, обязывает меня принять эту миссию, исполненную преданности и самоотвержения; нас было четверо, принявших эту же миссию; всех четверых объединяли одно дело, одно желание, одна надежда; и вдруг нас разделяет приговор: им присуждают шесть дней тюрьмы, и лишь мне одному – шесть месяцев. Суд осуждает их юридически, но оправдывает морально. Я один осужден и юридически, и морально» [74, р. 2].

В результате приговор смягчили: маркизу де Ровиго дали 1 месяц тюрьмы и 50 франков штрафа, а Базанкуру – 6 дней тюрьмы и 50 франков штрафа [74, р. 2].

Итак, дело получилось шумным, но без тяжелых последствий. Кроме того, оно, надо полагать, сослужило роль прекрасной рекламы для романа барона де Базанкура «Последнее воспоминание» (1839), где, кстати, присутствуют дуэльные эпизоды [34, с. 54–55]. К слову, анонсы и разборы романа появлялись в тех же газетах, что и отчеты о дуэльном скандале с участием Базанкура [83, р. 2; 88; 110].

Следующий скандал с дуэлью разразился через десятилетие и имел, так сказать, литературный характер.

4 июня 1850 г. [73, р. 1] произошла дуэль между известными литераторами Амедеем Ашаром и Пьером Фиорентино. Амедей Ашар известен как плодовитый литератор, из-под пера которого вышло немало романов, в том числе приключенческих. Он считается одним из основателей жанра «роман плаща и шпаги», пользовался признанием самого Александра Дюма. Ашар активно публиковался в прессе, придавая своим статьям острое сатирическое звучание. Что касается Пьера Фиорентино, то он начинал литературную карьеру в Италии, но в 1835 г. переехал в Париж, где занял заметное место в литературном и журналистском мире: тесно сотрудничал с Александром Дюма, создал перевод «Божественной комедии», регулярно выступал в прессе. Причем за свои статьи «он постоянно подвергался нападкам со стороны как органов печати, так и литературного общества (“Société des gens de lettres”») [60, с. 86–87].

Между А. Ашаром и П. Фиорентино завязалась журнальная перебранка, которая привела к личному конфликту [72, с. 2]. Роль арбитра попыталось сыграть Общество литераторов, однако это лишь усугубило проблему и расширило огласку конфликта. Доверенные лица Ашара, де Базанкур и Ш. Э. де Рэн (тоже литератор), попытались

получить от Фиорентино извинительные разъяснения, но после его ответов дуэль оказалась неизбежной [73, р. 2]. Секундантами Фиорентино были господа де Ровиго (уже хорошо нам известный) и Л. Гатайе. Поединок состоялся в Болонском лесу. Дрались холодным оружием. После скоротечной схватки Фиорентино удалось поразить Ашара в правое легкое [71, р. 104]. После этого, как гласят материалы судебного разбирательства, «г-н де Базанкур поспешил снять с него рубашку, и обильно хлынула кровь» [73, р. 2].

Ранение оказалось столь серьезным, что Ашар несколько суток находился в критическом состоянии, а потом долгое время был на излечении. Это вызывало в обществе большое сочувствие к нему. Его навещали многие известные литераторы, среди которых был и Бальзак [71, р. 104]. Словом, история долго оставалась на слуху. А вскоре состоялся суд присяжных, который оправдал всех участников, однако протокол суда был помещен в прессе, и по нему можно было представить всю историю в живых красках, что должно было вызвать интерес публики. В материалах, естественно, фигурировали показания Ф. Ж. де Базанкура.

Клинок и перо

Итак, владение клинком и дуэли сделали Базанкуру «репутацию, благодаря которой он неоднократно выступал арбитром в делах чести» [94, р. 67]. И, судя по всему, эта репутация была результатом не столько «литературной игры», сколько природных склонностей барона. В 1862 г. он выпустит книгу «Гайны клинка» [65], где сумеет объединить литературный и фехтовальный таланты.

Из всех произведений Базанкура это сочинение выглядит одним из наиболее оригинальных. Это не мемуары, не учебник по фехтованию, не приключенческий роман, хотя элементы всех этих жанров здесь присутствуют. Если говорить о структуре, то это цикл «вечеров», подчиненный образовательной целесообразности и художественной традиции.

Во вступлении, служащем обрамлением для цикла, рассказчик создает экспозицию: он гостит у друзей в старинном замке, где все располагает к неторопливым беседам:

«Осень уже засеяла леса и поля опавшими листьями и пожелтевшими растениями. Это прекрасная пора для поэтов, поскольку природа, приближаясь к зимнему сну, принимает вид меланхолии и покоя, располагая к мечтательности и окрыляя мысли» [65, р. 2].

Компания охотников, к которой принадлежит и рассказчик, проводит день в полях, а вечером возвращается в замок и в отдыхе проводит время, покуривая сигары и «болтая о тысяче разных вещей» [65, р. 3]. Разговор случайно склоняется к близкой для рассказчика теме фехтования, и, отвечая на вопросы мало сведущих в этом деле собеседников, он излагает философию владения клинком:

«Это борьба, требующая ловкости, сноровки, навыков, проциательности, энергии, рассудочности, и все умственные и физические способности задействованы в ней одновременно и приходят на помощь друг другу. <...> Клинок хранит бесконечные тайны; он меняется под

направляющей его рукой; он быстр, внимателен, податлив, умен, он подчиняется малейшему движению мысли. С одним – он крепок и грозен, с другим – легок и расчетлив; иногда он – колющее острие, иногда – парирующий щит» [65, р. 4].

Рассказчик соглашается со своими слушателями, что большинство учебников по фехтованию представляют собой трактаты и диссертации, переполненные терминами, аналитическими выкладками и описаниями бесконечного числа мелочей, и это заставляет впасть в уныние всякого энтузиаста-любителя. «Я бы, напротив, – рассуждает рассказчик, – стремился доказать, что без геркулесовских усилий можно вполне сносно овладеть клинком и находить в упражнениях с ним отдохновение, полное прелести и благородной состязательности» [65, р. 7]. «Фехтование, – продолжает рассказчик, – одно из самых полезных для здоровья занятий, которое развивает и укрепляет слабые организации и может спасти ваше существование от провокаций бретера или грубости мужлана» [65, р. 7]. Слушатели поддаются обаянию этих слов и просят рассказчика поведать о постигнутых им за многие годы секретах фехтования.

Далее следуют одиннадцать глав, или одиннадцать «вечеров», в течение которых рассказчик делится со слушателями своим опытом владения клинком. Получается своеобразное обучение в ходе приятельских бесед. И заметно, что Базанкуру пригодились литературные навыки, в частности, умение входить в роль рассказчика, неоднократно апробированное им прежде в светских повестях и романах-фельетонах. Чередуя форму монолога и диалога, ему удается очень непринужденно объединить самую разнородную информацию: о тактике боя, об основных позициях фехтовальщиков, о лучших приемах нападения и защиты, о различных стилях фехтования, об известных фехтовальщиках, о правилах проведения дуэли и т. д.

И неожиданный формат повествования, и специфика темы, и авторская репутация известного фехтовальщика – всё гарантировало книге успех. Наиболее развернутый отзыв был опубликован газетой «Le Sport» ее основателем и редактором Эженом Шапю, который считается основоположником спортивной журналистики во Франции:

«“Тайны клинка” – книга 2-на барона де Базанкура, где мы находим факты, анекдоты и уроки, изложенные с изящной легкостью одним из наиболее любимых талантов, которым в нашу эпоху удастся соединять владение клинком и пером. В силу своих привычек и традиций барон де Базанкур оказался именно тем человеком, который с наибольшим успехом мог исполнить труд, не имеющий ничего общего с классическим трактатом – всегда запутанным и не способным воспитать ученика. Г-н де Базанкур дает наставления, позволяющие обычному фехтовальщику избавиться от недочетов, исправить ошибки. Он раскрывает вопросы касательно дуэлей, и его суждения, имеющие практическое преломление, призваны облегчить тяжкую обязанность, которая ложится на плечи секундантов в делах чести, упростить выполнение их долга.

<...> «Тайны клинка» – истинная книга «плаща и шпаги», как говорили прежде. И по содержанию, и особенно по форме она написана изящно, легко и дерзко. В этом всем проявляется аристократ. Это одна из тех книг, которые рождаются счастливыми и прямой дорогой идут к успеху» [70, р. 3].

Рецензент не ошибся. Книга пользовалась большой известностью. В 1876 г. она была переиздана с предисловием от издателя, который рекомендовал уже ушедшего из жизни автора как «лучшего фехтовальщика эпохи и эрудита в науке поединков» [66, р. III]. Правда, в 1882 г. фехтовальщик и фехтмейстер Наполеона III Арсен Вижан, составляя «Библиографию фехтования», отозвался о книге Базанкура с долей критицизма: он полагал, что подходы барона к фехтованию не вполне безопасны [114, р. 34]. Однако на популярности книги Базанкура это замечание не сказалось. В 1900 г. она была переиздана с иллюстрациями в Лондоне на английском языке [67]. В 1958 г. английский фехтовальщик и историк фехтования Джей Ди Эйлуорд опубликовал статью о Базанкуре, назвав его книгу «шедевром в своем жанре» [62, р. 5]. Сегодня «Тайны клинка» можно обнаружить почти в любой подборке литературы по истории и практике фехтования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зачастую рассуждения о формировании «литературной личности» категоричны: почти всякий авторский поступок объясняется «литературной игрой» и стремлением к мифотворчеству, уподобляется «литературной мистификации», служащей к привлечению читательского интереса. Между тем «литературная личность» – лишь отчасти осознанный автором конструкт, отчасти же – результат естественного, стихийного хода вещей. Порою сложно доказать, что тот или иной поступок писателя был осознанно ориентирован на формирование «литературной личности», а не явился следствием чисто жизненных обстоятельств, индивидуально-психологических особенностей или попросту случайности. При всей литературоцентричности первой половины XIX в. у литератора той поры оставалось «личное пространство», где он жил по своим правилам и желаниям и куда допускал читателя лишь дозированно – когда ощущал, что привычки повседневности не компрометируют «литературную личность». То есть в ряде случаев писательское поведение не программировалось литературной задачей, а лишь не противоречило ей.

Что касается барона де Базанкура, то, судя по всему, в основе его поведения литературные задачи не были первостепенными. Его «амплуа аристократа», подсказывалось и происхождением, и воспитанием, и кругом общения и было ориентировано, прежде всего, на условия светского быта, а востребованность этого амплуа в быту литературном оказывалось удачным стечением обстоятельств, позволяющим барону оставаться одним и тем же человеком и в светском салоне, и в фехтовальном зале, и в редакции популярной газеты. Разумеется, в его поступках можно обнаружить «игру на публику», но лишь в той степени, в какой такая «игра» характерна для всякого человека, не равнодушного к своей общественной репутации.

Сопряжение авторских природных склонностей с литературными задачами – процесс более сложный, нежели постоянный отказ от первого в пользу второго, а в «литературной личности» зачастую удается рассмотреть не только мифологемы, но и черты личности вполне реальной – с присущими ей достоинствами и слабостями, убеждениями и пристрастиями.

Так или иначе, но многое в образе «барона де Базанкура»: аристократические манеры, принадлежность к высшему общественному кругу, строгое подчинение кодексу чести, и наконец, владение оружием на уровне гораздо выше заурядного – всё это воспринималось как характеристики реальной личности. И думается, это имело не последнее значение при выборе кандидата, которому в 1854 г. доверяют миссию корреспондента и историографа в условиях боевых действий под Севастополем. Но... до той поры барону де Базанкуру еще предстояло проявить себя в роли историка.

Список литературы

1. Андроников И. Л. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. Лермонтов: Исследования и находки. – М.: Худож. лит., 1981. – 656 с.
2. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского: монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 184 с.
3. Баранская Е. М. «Пушкинский Крым» и «романтическое житнетворчество» Я. П. Полонского // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 3–17.
4. Батюшков К. Н. Сочинения: В 2-х т. Т. 1: Опыты в стихах и прозе. Произведения, не вошедшие в «Опыты...» / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
6. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография, 1814–1832. Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1945. – 348 с.
7. Вальвиль А. Рассуждение об искусстве владеть шпагою. – С-Пб.: Тип-я Карла Крайя, 1817. – 95 с.
8. Вацуро В. Э. Пушкинская пора: Сб. статей. – СПб: Академический проект, 2000. – 624 с.
9. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. – Тарту: Тартуский университет, 2010. – 570 с.
10. Гаврилова А. А. Литературная репутация В. Г. Бенедиктова // [Электронный журнал] Язык. Культура. Коммуникации. – 2015. – № 2. Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/146/357> (Дата обращения: 27.11.2023).
11. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб: Академический проект, 1999. – 400 с.
12. Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 6. – С. 235–255.
13. Голубков М. М. Русская литература XX века: После раскола: Учеб. пособ. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
14. Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы. В 2-х т. – М.: Худ. лит, 1964. – Т. 1. – 710 с.
15. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный феномен (Статьи по социологии литературы). – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.
16. Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 488 с.

17. *Козлов А. Е.* Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы. *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*. – Tartu: Tartu University Press, 2021. – 242 с.
18. *Костионова М. В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»). Автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.08. – М., 2015. – 26 с.
19. *Ларионова Е. О.* «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, 2001. – С. 5–25.
20. *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л.: Наука, 1975. – С. 25–74.
21. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
22. *Лукач Г.* Бальзак («Крестьяне») // Бальзак О. де. Крестьяне. – М.–Л.: Academia, 1935. – С. VII–XLIV.
23. *Магомедова Д. М.* Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А. П. Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 11–19.
24. *Макарова П. А.* Литературная обстановка во Франции в 1840–1850-х гг.: зарождение романа-фельетона и возникновение популярной беллетристики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 168–190.
25. *Мартен-Фюжье, А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848 / Пер. с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мильчиной; Вступ. ст. В. А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 480 с.
26. *Матвеев С. Р.* Идея «среднего класса» в мемуарах Франсуа Гизо // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 42. – С. 180–193.
27. *Мельников Н. Г.* «Творимая легенда» Владимира Набокова. О «литературной личности» писателя // Русская словесность. – 2003. – № 1. – С. 11–20.
28. *Мильчина В. А.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
29. *Мильчина В. А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 944 с.
30. *Мишенев С. В.* Учитель Пушкина. Французский фехтмейстер на русской службе // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. – 2007. – № 9. – С. 92–93.
31. *Набоков В. Д.* Дуэль и уголовный закон. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. – 52 с.
32. *Новоселов В. Р.* Дуэль во Франции XVI–XVII веков // Средние века. – 2001. – Вып. 62. – С. 146–165.
33. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
34. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть II. «Неистовые» черты романа-фельетона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 48–72.
35. *Орехова Л. А.* Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): Учеб. пособ. – Киев: УМК ВО, 1992. – 92 с.
36. *Орехова Л. А.* Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.01; 10.01.08. Симферополь, 1992. – 328 с.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

37. Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т.1. VXIII век и первая половина XIX века. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1950. – 604 с.
38. П. У...вь. <Лавров П. Л.> Сент-Бёв как человек // Отечественные записки. – 1881. – № 2. – С. 435–464.
39. Пахсарьян Н. Т. Французский романтизм и генезис массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 3 (102). – С. 125–140.
40. Первых Д. К. Нарративный «фольклор» как информационное оружие прошлого и настоящего // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 180–190.
41. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М.: ОГИ, 2000. – 366 с.
42. Проскурина В. Ю. Литературная позиция журнала «Современник» (1838–1846 годы): Дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.01. М., 1985. – 309 с.
43. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. Т. 16: Переписка. 1835–1837. – М.: Воскресенье, 1997. – 503 с.
44. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. – 533 с.
45. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. дит., 1958. – 568 с.
46. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 336 с.
47. Рейтблат А. И. Пушкин-гуманист // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 5. Режим доступа:
https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10631/. – (Дата обращения: 23.11.2023).
48. Рождественский Ю. В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
49. Розанов И. Н. Литературные репутации. – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.
50. Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки. – М.: Худож. лит., 1970. – 585 с.
51. Таньшина Н. П. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. – 2010. – № 2. – С. 184–204.
52. Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 333 с.
53. Таньшина Н. П. Франсуа Гизо: Политическая биография: Монография. – М.: МПГУ, 2015. – 364 с.
54. Тодд III Уильям Миллз. Литература и общество в эпоху Пушкина. – СПб.: Академический проект, 1996. – 306 с.
55. Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. – 1923. – № 4 (28). – С. 6–9.
56. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
57. Хандарова О. В. Литературная репутация как литературоведческая категория // Вестник Калужского университета. – 2018. – № 3 (38). – С. 106–108.
58. Шейко А. А. Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 178–189.
59. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. – М.: Советский писатель, 1987. – 544 с.
60. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVI. – СПб.: Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. – 495 с.
61. [Arbouville, S. d']. Marie-Madeleine. Une vie heureuse. Résignation. – Paris: Imprimerie Royale, 1843. – 256 p.

62. *Aylward J.-D.* Le baron de Bazancourt // L'Escrime française. – 1958. – № 126. – P. 5–6.
63. *Barante P. de.* [Préface] «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d'. Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Vol. 1. – P. I–XV.
64. *Bazancourt baron de.* A m. le Rédacteur en chef du Droit // Journal des Débats. – 1840. – 10 Avril. – P. 3.
65. *Bazancourt baron de.* Les secrets de l'épée. – Paris: Amyot, 1862. – 287 p.
66. *Bazancourt, baron de.* Les secrets de l'épée. – Paris: Amyot, 1876. – 288 p.
67. *Bazancourt, baron de.* Secrets of the Sword. – London: George Bell & Sons, 1900. – 247 p.
68. Bibliothèque de Barante // Hôtel des Ventes de Clermont-Ferrand. 2021. – 314 p. Available from https://docs.pro-indb.io/2021/02/23/121854_925392045_19a67acff3f6006fd396f9fef325db4.pdf (accessed 27 November 2021).
69. *Book C. M.* Théophile Gautier et l'Hôtel des Haricots // Revue d'histoire littéraire de la France. – 1965. – № 2. – P. 277–286.
70. *Chapus E.* La vie à Paris // Le Sport: journal des gens du monde. – 1862. – 12 Mars. – № 11. – P. 2–3.
71. *Claudin G.* Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – 346 p.
72. Cour d'Assises de la Seine. 31 août // Le Constitutionnel. – 1850. – 1 Septembre. – P. 2–3.
73. Cour d'Assises de la Seine // Le Corsaire. – 1850. – 1 Septembre. – P. 1–3.
74. Dépêche télégraphique // Journal des Débats. – 1840. – 28 Mai. – P. 2–3.
75. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1. – Paris: Firmin-Didot frères, 1864. – 800 p.
76. *Dumas A.* Les Trois Mousquetaires. – Paris: MM. Dufour et Mulat, 1849. – 520 p.
77. *Eyma L.-X.* Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer. – 1840. – 12 mars. – № 97. – P. 1–2.
78. Figaro. – 1838. – 30 Mai. – № 228. – P. 1–4.
79. *Guillet F.* L'honneur en partage. Le duel et les classes bourgeoises en France au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. – 2007. – Vol. 1. – № 34. – P. 55–70.
80. *Héros E.* Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. – 1920. – № 1516. – Vol. LXXXI. – P. 189–190.
81. *Heylli G. de.* Dictionnaire des pseudonyms. – Paris: E. Dentu, 1887. – 560 p.
82. *Ivoi P. de.* Courrier de Paris // Figaro. – 1860. – 19 Avril. – № 549. – P. 1–3.
83. *J. J.* Théâtre des Variétés // Journal des Débats. – 1840. – 17 Février. – P. 2–3.
84. *Janzé, Alix de.* Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris: E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
85. *Lagenevais F. de.* Le roman dans le monde // Revue des Deux Mondes. – 1843. – T. II. – Mai. – P. 586–614.
86. *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2. – Paris: Larousse, 1867. – 1463 p.
87. *Laurent É.* Histoire anecdotique du duel dans tous les temps et dans tous les pays. – Bruxelles: Meline, Cans et Cie, [18..]. – 342 p.
88. Le nouveau roman de M. de Bazancourt... // Le Courrier français. – 1839. – 16 Avril. – № 106. – P. 4.
89. *Loviot L.* Alice Ozy. – Paris: Les bibliophiles fantaisistes, 1910. – 123 p.
90. *Marsay L. de.* Correspondance Parisienne // Journal de Montpellier. – 1865. – 4 Février. – № 5. – P. 2–3.
91. *Marsay L. de.* Lettre Parisienne // Journal de la Corse. – 1865. – 7 Février. – № 6. – P. 2–3.
92. *Maurois A.* Prométhée ou la vie de Balzac. – Paris: Flammarion, 1974. – 698 p.
93. *Mullié Ch.* Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
94. *Neuter.* Courrier de Paris // Le Monde illustré. – 1865. – 4 Février. – № 408. – P. 66–67.
95. Ordonnances de Roi // Moniteur universel. – 1846. – 8 Avril. – № 98. – P. 1.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

96. *Quérard J.-M.* Les supercheries littéraires dévoilées. T. V. – Paris, 1853. – 410 p.
97. *Pessard G.* Nouveau dictionnaire historique de Paris. – Paris: Eugène Rey, 1904. – 1693 p.
98. *Rousseau J.* Propos du jour // Figaro. – 1865. – 2 Février. – № 1040. – P. 5–6.
99. *Saint-Albin A. de.* A travers les salles d'armes. – Paris: A la Librairie illustrée, (s. d.). – 243 p.
100. *Saint-Albin A. de.* Le baron de Bazancourt // Le Sport: journal des gens du monde. – 1874. – 30 Mai. – № 43. – P. 2.
101. *Saint-Albin A. de.* Les Salles d'armes de Paris. – Paris: Glady Frères éditeurs, 1875. – 274 p.
102. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Chroniques parisiennes (1843–1845). – Paris: Calmann Lévy, 1876. – 364 p.
103. *Sainte-Beuve Ch.-A.* De la littérature industrielle // La Revue des Deux Mondes. – 1839. – T. 19. – Septembre. – P. 675–691.
104. *Séché L.* Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
105. *Séché L.* Sainte-Beuve: études d'histoire romantique. Ses moeurs. – Paris: Société du Mercur de France, 1904. – 331 p.
106. *Tavernier A.* Amateurs et Salles d'armes de Paris. – Paris: C. Marpon et E. Flammarion, 1886. – 341 p.
107. Tribunal correctionnel de Versailles // Journal des Débats. – 1840. – 9 Avril. – P. 2.
108. Tribunaux // Le Courrier français. – 1840. – 28 Mai. – № 149. – P. 4.
109. *Un Bibliophile Comtois.* Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. – 1920. – № 1518. – Vol. LXXXI. – P. 311–312.
110. Un Dernier souvenir, par le baron de Bazancourt // Journal des Débats. – 1840. – 16 Février. – P. 4.
111. *Un vieil abonné.* Ces demoiselles de l'Opéra. – Paris: Tresse et Stock, 1887. – 294 p.
112. *Vapereau G.* Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1. – Paris, 1858. – 920 p.
113. *Vaux Ch.-M. de.* Les Hommes d'épée. – Paris: É. Rouveyre, 1882. – 280 p.
114. *Vigeant A.* La bibliographie de l'escrime ancienne et moderne. – Paris, 1882. – 172 p.
115. *Villemessant H. de.* Le baron de Bazancourt // Figaro. – 1865. – 29 Janvier. – P. 3–4.
116. *Villemessant H. de.* Mémoires d'un journaliste. Vol. I. – Paris: Dentu, 1884. – 326 p.
117. *Villemessant H. de., Jouvin B.* Théâtre des Variétés // Figaro. – 1855. – 25 Février. – № 48. – P. 2–4.

References

1. Andronikov I. L. *Sobr. soch.: V 3-h t. T. 3. Lermontov: Issledovanija i nahodki* [Collected Works. In 3 vols. T. 3. Lermontov: Research and Findings]. Moscow, Hudozhstvennaja literatura Publ., 1981. 656 p.
2. Baranskaja E. M. *Liricheskij geroj i literaturnaja lichnost' Ja. P. Polonskogo: monografija.* [Lyrical hero and literary personality of Ya. P. Polonsky: monograph]. Simferopol, IT “ARIAL” Publ., 2020. 184 p.
3. Baranskaja E. M. «*Pushkinskij Krym*» i «*romanticheskoe zhiznetvorchestvo*» Ja. P. Polonskogo [“Pushkin’s Crimea” and “romantic life-creativity” by Ya. P. Polonsky]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 3–17.
4. Batjushkov K. N. *Sochinenija: V 2-h t. T. 1: Opyty v stihah i proze. Proizvedenija, ne voshedshie v «Opyty...»* [Works: In 2 vols T. 1: Experiments in poetry and prose. Works not included in “Experiments...”]. Ed. by V. A. Koshelev. Moscow, Hudozhstvennaja literatura Publ., 1989. – 511 p.
5. Berdjaev N. A. *Filosofija neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2012. 624 p.

6. Brodskij N. L. *M. Ju. Lermontov: Biografija, 1814–1832. T. 1* [M. Yu. Lermontov: Biography, 1814–1832. T. 1.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1945. 348 p.
7. Val'vil' A. *Rassuzhdenie ob iskusstve vladet' shpagoju* [Discourse on the art of wielding a sword]. St. Petersburg, Tipografija Karla Krajja Publ., 1817. 95 p.
8. Vacuro V. Je. *Pushkinskaja pora: Sb. statej* [Pushkin's era: Collection of articles]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000. 624 p.
9. Vol'pert L. I. *Pushkinskaja Francija* [Pushkin's France]. Tartu, Tartuskij universitet Publ., 2010. 570 p.
10. Gavrilova A. A. *Literaturnaja reputacija V. G. Benediktova* [Literary reputation of V. G. Benediktov]. *Jelektronnyj zhurnal. Jazyk. Kul'tura. Kommunikacii*, 2015, no. 2. Available from: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/146/357> (accessed 27 November 2023).
11. Gasparov B. M. *Pojeticheskij jazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo jazyka* [Pushkin's poetic language as a fact of the history of the Russian literary language]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999. 400 p.
12. Gippius V. V. *Pushkin v bor'be s Bulgarinym v 1830–1831 gg.* [Pushkin in the fight against Bulgarin in 1830–1831]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, vol. 6, pp. 235–255.
13. Golubkov M. M. *Russkaja literatura XX veka: Posle raskola: Uceb. posob. dlja vuzov* [Russian literature of the 20th century: After the split: Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 267 p.
14. Gonkur Je. de, Gonkur Zh. de. *Dnevnik. Zapiski o literaturnoj zhizni. izbrannye stranicy. V 2-h t.* [Diary. Notes on literary life. favorite pages. In 2 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1964, vol. 1. 710 p.
15. Gudkov L., Dubin B. *Literatura kak social'nyj fenomen (Stat'i po sociologii literatury)* [Literature as a social phenomenon (Articles on the sociology of literature)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 352 p.
16. Derzhavin G. R. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1957. 488 p.
17. Kozlov A. E. *Literaturnaja reputacija pisatelja-belletrista: N. D. Ahsharumov v 1850–1880-e gody* [Literary reputation of a fiction writer: N. D. Akhsharumov in the 1850–1880s.]. *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*. Tartu: Tartu University Press, 2021. 242 p.
18. Kostionova M. V. *Literaturnaja reputacija pisatelja v Rossii: perevod kak otrazhenie i faktor formirovanija (russkie perevody romana Ch. Dikkensa «Zapiski Pikvikskogo kluba»)* [The literary reputation of a writer in Russia: translation as a reflection and a formation factor (Russian translations of Charles Dickens's novel "The Pickwick Papers"). Abstract of thesis]. Avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.01.08. Moscow, 2015. 26 p.
19. Larionova E. O. «*Uslyshish' sud glupca...*» (*Zhurnal'nye otnoshenija Pushkina v 1828–1830 gg.*) [“You will hear the judgment of a fool...” (Journal relations of Pushkin in 1828–1830)]. *Pushkin v przhiznennoj kritike. 1828–1830*. St. Petersburg, Gosudarstvennyj pushkinskij teatral'nyj centr Publ., 2001, pp. 5–25.
20. Lotman Ju. M. *Dekabrist v povsednevnoj zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psihologicheskaja kategorija)* [Decembrist in everyday life (Everyday behavior as a historical and psychological category)]. *Literaturnoe nasledie dekabristov*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 25–74.
21. Lotman Ju. M. *Izbrannye stat'i: V 3-h tt. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: In 3 vols. T. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 479 p.
22. Lukach G. *Bal'zak («Krest'jane»)* [Balzac (“The Peasants”)]. *Bal'zak O. de. Krest'jane*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, pp. VII–XLIV.

23. Magomedova D. M. *Modeli pisatel'skih biografij kak literaturnye universalii* [Models of writer's biographies as literary universals]. *Problemy pisatel'skoj biografii: K 150-letiju A. P. Chehova*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 11–19.
24. Makarova P. A. *Literaturnaja obstanovka vo Francii v 1840–1850-h gg.: zarozhdenie romana-fel'etona i voznikovenie populjarnoj belletristiki* [Literary situation in France in the 1840–1850s: the origin of the feuilleton novel and the emergence of popular fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, 2017, no. 3, pp. 168–190.
25. Marten-Fjuzh'e A. *Jelegantnaja zhizn', ili Kak voznik «ves' Parizh», 1815–1848* [Elegant life, or How “all Paris” came into being, 1815–1848]. Ed. by V. A. Mil'china. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh Publ., 1998. 480 p.
26. Matveev S. R. *Ideja «srednego klassa» v memuarah Fransua Gizo* [The idea of the “middle class” in the memoirs of Francois Guizot]. *Dialog so vremenem*, 2013, no. 42, pp. 180–193.
27. Mel'nikov N. G. *«Tvorimaja legenda» Vladimira Nabokova. O «literaturnoj lichnosti» pisatelja* [“The Legend in the Making” of Vladimir Nabokov. On the “literary personality” of the writer]. *Russkaja slovesnost'*, 2003, no. 1, pp. 11–20.
28. Mil'china V. A. *«Literaturnaja prijazn'» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «znamenitye druž'ja»* [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
29. Mil'china V. A. *Parizh v 1814–1848 godah: povsednevnaia zhizn'* [Paris in 1814–1848: everyday life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 944 p.
30. Mishenev S. V. *Uchitel' Pushkina. Francuzskij fehtmejster na russkoj sluzhbe* [Pushkin's teacher. French fencing master in Russian service]. *Kalashnikov. Oruzhie, boepripy, snarjazhenie*, 2007, no. 9, pp. 92–93.
31. Nabokov V. D. *Dujel' i ugovolnyj zakon* [Duel and criminal law]. St. Petersburg, Obshhestvennaja pol'za Publ., 1910. 52 p.
32. Novoselov V. R. *Dujel' vo Francii XVI–XVII vekov* [Duel in France of the 16th–17th centuries]. *Srednie veka*, 2001, no. 62, pp. 146–165.
33. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
34. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' II. «Neistovye» cherty romana-fel'etona* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part II. “Furious” features of the feuilleton novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 2, pp. 48–72.
35. Orehova L. A. *Avtorskoe mifotvorchestvo i russkij modernizm (liricheskaja proza): Ucheb. posob.* [Author's myth-making and Russian modernism (lyrical prose): Textbook]. Kyev, UMK VO Publ., 1992. 92 p.
36. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Dis. ... d-ra filol. n.: 10.01.01; 10.01.08.* [The image of the author and the poetics of the genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
37. *Ocherki po istorii russkoj zhurnalistiki i kritiki: V 2 t. T.1. VXIII vek i pervaja polovina XIX veka* [Essays on the history of Russian journalism and criticism: In 2 volumes. T.1. 18th century and first half of the 19th century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo Ordena Lenina universiteta Publ., 1950. 604 p.
38. P. U...v. <Lavrov P. L.> *Sent-Bjov kak chelovek* [Sainte-Beuve as a person]. *Otechestvennye zapiski*, 1881, no. 2, pp. 435–464.
39. Pahsar'jan N. T. *Francuzskij romantizm i genezis massovoj literatury* [French romanticism and the genesis of mass literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no. 3 (102), pp. 125–140.
40. Pervyh D. K. *Narrativnyj «fol'klor» kak informacionnoe oruzhie proshlogo i nastojashhego* [Narrative “folklore” as an information weapon of the past and present] // *Uchenye zapiski*

- Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 4, pp. 180–190.
41. Proskurin O. A. *Literaturnye skandaly pushkinskoj jepohi* [Literary scandals of the Pushkin era]. Moscow, OGI Publ., 2000. 366 p.
 42. Proskurina V. Ju. *Literaturnaja pozicija zhurnala «Sovremennik» (1838–1846 gody). Diss. kand. filol. n.* [Literary position of the magazine “Sovremennik” (1838–1846). Thesis]. Moscow, 1985. 309 p.
 43. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: [V 19 t.]. T. 16: Perepiska. 1835–1837* [Complete works: In 19 volumes. T. 16: Correspondence. 1835–1837]. Moscow, Voskresen'e, 1997. 503 p.
 44. Reizov B. G. *Francuzskaja romanticheskaja istoriografija (1815–1830)* [French romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1956. 533 p.
 45. Reizov B. G. *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1958. – 568 p.
 46. Rejtblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin became a genius]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 336 p.
 47. Rejtblat A. I. *Pushkin-gumanist* [Pushkin the humanist]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 5. Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10631/ (accessed 23 November 2023).
 48. Rozhdestvenskij Ju. V. *Obshhaja filologija* [General philology]. Moscow, Fond «Novoe tysjacheletie» Publ., 1996. 326 p.
 49. Rozanov I. N. *Literaturnye reputacii* [Literary reputations]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 464 p.
 50. Sent-Bjov Sh. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary portraits. Critical Essays]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1970. 585 p.
 51. Tan'shina N. P. *«Zametki o Rossii» francuzskogo diplomata barona de Baranta* [“Notes on Russia” by the French diplomat Baron de Barant]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2010, no. 2, pp. 184–204.
 52. Tan'shina N. P. *Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaja I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2018. 333 p.
 53. Tan'shina N. P. Fransua Gizo: Politicheskaja biografija: Monografija [Francois Guizot: Political biography: Monograph]. Moscow, MPGU Publ., 2015. 364 p.
 54. Todd III Uil'jam Millz. *Literatura i obshhestvo v jepohu Pushkina* [Literature and society in the era of Pushkin]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1996. 306 p.
 55. Tomashevskij B. V. *Literatura i biografija* [Literature and biography]. *Kniga i revoljucija*, 1923, no. 4 (28), pp. 6–9.
 56. Tynjanov Ju. N. *Pojetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p.
 57. Handarova O. V. *Literaturnaja reputacija kak literaturovedčeskaja kategorija* [Literary reputation as a literary category]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2018, no. 3 (38), pp. 106–108.
 58. Shejko A. A. *Zhanrovyje principy romana-fel'etona vo Francii i romana-seriala v Anglii* [Genre principles of the feuilleton novel in France and the serial novel in England]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9, Filologija*, 2017, no. 6, pp. 178–189.
 59. Jejhenbaum B. M. *O literature: Raboty raznyh let* [About literature: Works of different years]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1987. – 544 p.
 60. *Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona: T. XXXVI* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Vol. XXXVI]. St. Petersburg, Akcionernoe obshhestvo Brokgauz–Efron, 1902. 495 p.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ III.

61. [Arbouville, S. d']. *Marie-Madeleine. Une vie heureuse. Résignation.* Paris, Imprimerie Royale, 1843. – 256 p.
62. Aylward J.-D. *Le baron de Bazancourt // L'Escrime française*, 1958, no. 126, pp. 5–6.
63. Barante P. de. [Préface] «*Les poésies et les récits...*» // Arbouville, S. d'. *Poésies et nouvelles.* [En 3 vols]. Paris, Amyot, 1855, vol. 1, pp. I–XV.
64. Bazancourt baron de. *A m. le Rédacteur en chef du Droit // Journal des Débats*, 1840, 10 Avril, p. 3.
65. Bazancourt baron de. *Les secrets de l'épée.* Paris, Amyot, 1862. 287 p.
66. Bazancourt, baron de. *Les secrets de l'épée.* Paris, Amyot, 1876. 288 p.
67. Bazancourt, baron de. *Secrets of the Sword.* London, George Bell & Sons, 1900. 247 p.
68. *Bibliothèque de Barante // Hôtel des Ventes de Clermont-Ferrand.* 2021. – 314 p. Available from https://docs.prod-indb.io/2021/02/23/121854_925392045_19a67acff3f6006fd396f9fef325db4.pdf (accessed 27 November 2021).
69. Book C. M. *Théophile Gautier et l'Hôtel des Haricots // Revue d'histoire littéraire de la France*, 1965, no. 2, pp. 277–286.
70. Chapus E. *La vie à Paris // Le Sport: journal des gens du monde*, 1862, 12 Mars, no. 11, pp. 2–3.
71. Claudin G. *Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870.* Paris, Calmann Lévy, 1884. 346 p.
72. *Cour d'Assises de la Seine. 31 août // Le Constitutionnel*, 1850, 1 Septembre, pp. 2–3.
73. *Cour d'Assises de la Seine // Le Corsaire*, 1850, 1 Septembre, pp. 1–3.
74. *Dépêche télégraphique // Journal des Débats*, 1840, 28 Mai, pp. 2–3.
75. *Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1.* Paris, Firmin-Didot frères, 1864. 800 p.
76. Dumas A. *Les Trois Mousquetaires.* Paris, MM. Dufour et Mulat, 1849. 520 p.
77. Eyma L.-X. *Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer*, 1840, 12 Mars, no. 97, pp. 1–2.
78. *Figaro.* 1838, Mai, no. 228, pp. 1–4.
79. Guillet F. *L'honneur en partage. Le duel et les classes bourgeoises en France au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle*, 2007, vol. 1, no. 34, pp. 55–70.
80. Héros E. *Alice Ozy et le baron de Bazancourt // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux*, 1920, no. 1516, vol. LXXXI, pp. 189–190.
81. Heylli G. de. *Dictionnaire des pseudonyms.* Paris, E. Dentu, 1887. 560 p.
82. Ivoi P. de. *Courrier de Paris // Figaro*, 1860, 19 Avril, no. 549, pp. 1–3.
83. J. J. *Théâtre des Variétés // Journal des Débats*, 1840, 17 Février, pp. 2–3.
84. Janzé, Alix de. *Etude et récits sur Alfred de Musset.* Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
85. Lagenevais F. de. *Le roman dans le monde // Revue des Deux Mondes*, 1843, vol. II, Mai, pp. 586–614.
86. Larousse P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2.* Paris, Larousse, 1867. 1463 p.
87. Laurent É. *Histoire anecdotique du duel dans tous les temps et dans tous les pays.* Bruxelles, Meline, Cans et Cie, [18..]. 342 p.
88. *Le nouveau roman de M. de Bazancourt... // Le Courrier français*, 1839, 16 Avril, no. 106, p. 4.
89. Loviot L. *Alice Ozy.* Paris, Les bibliophiles fantaisistes, 1910. 123 p.
90. Marsay L. de. *Correspondance Parisienne // Journal de Montpellier*, 1865, 4 Février, no. 5, pp. 2–3.
91. Marsay L. de. *Lettre Parisienne // Journal de la Corse*, 1865, 7 Février, no. 6, pp. 2–3.
92. Maurois A. *Prométhée ou la vie de Balzac.* Paris, Flammarion, 1974. 698 p.
93. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II.* Paris: Poignavant, 1851. 559 p.
94. Neuter. *Courrier de Paris // Le Monde illustré*, 1865, 4 Février, no. 408, pp. 66–67.
95. *Ordonnances de Roi // Moniteur universel*, 1846, 8 Avril, no. 98, p. 1.
96. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. V.* Paris, 1853. 410 p.

Opexos B. B.

97. Pessard G. *Nouveau dictionnaire historique de Paris*. Paris, Eugène Rey, 1904. – 1693 p.
98. Rousseau J. *Propos du jour* // Figaro, 1865, 2 Février, no. 1040, pp. 5–6.
99. Saint-Albin A. de. *A travers les salles d'armes*. Paris, A la Librairie illustrée, (s. d.). 243 p.
100. Saint-Albin A. de. *Le baron de Bazancourt* // Le Sport: journal des gens du monde, 1874, 30 Mai, no. 43, p. 2.
101. Saint-Albin A. de. *Les Salles d'armes de Paris*. Paris, Glady Frères éditeurs, 1875. 274 p.
102. Sainte-Beuve Ch.-A. *Chroniques parisiennes (1843–1845)*. Paris, Calmann Lévy, 1876. 364 p.
103. Sainte-Beuve Ch.-A. *De la littérature industrielle* // La Revue des Deux Mondes, 1839, vol. 19, Septembre, pp. 675–691.
104. Séché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
105. Séché L. *Sainte-Beuve: études d'histoire romantique. Ses moeurs*. Paris, Société du Mercur de France, 1904. 331 p.
106. Tavernier A. *Amateurs et Salles d'armes de Paris*. Paris, C. Marpon et E. Flammarion, 1886. 341 p.
107. *Tribunal correctionnel de Versailles* // Journal des Débats, 1840, 9 Avril, p. 2.
108. *Tribunaux* // Le Courrier français, 1840, 28 Mai, no. 149, p. 4.
109. Un Bibliophile Comtois. *Alice Ozy et le baron de Bazancourt* // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux, 1920, no. 1518, vol. LXXXI, pp. 311–312.
110. *Un Dernier souvenir, par le baron de Bazancourt* // Journal des Débats, 1840, 16 Février, p. 4.
111. Un vieil abonné. *Ces demoiselles de l'Opéra*. Paris, Tresse et Stock, 1887. 294 p.
112. Vapereau G. *Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. I*. Paris, 1858. 920 p.
113. Vaux Ch.-M. de. *Les Hommes d'épée*. Paris, É. Rouveyre, 1882. 280 p.
114. Vigeant A. *La bibliographie de l'escrime ancienne et moderne*. Paris, 1882. 172 p.
115. Villemessant H. de. *Le baron de Bazancourt* // Figaro, 1865, 29 Janvier, pp. 3–4.
116. Villemessant H. de. *Mémoires d'un journaliste. Vol. I*. Paris, Dentu, 1884. 326 p.
117. Villemessant H. de., Jouvin B. *Théâtre des Variétés* // Figaro, 1855, 25 Février, no. 48, pp. 2–4.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART III.
SOCIETY PORTRAIT AND LITERARY PERSONALITY**

Orekhov V. V.

The article examines the features of the literary personality of Baron de Bazancourt. The era of romanticism turned “literary life” into an important component of the literary process. The idea of the author's life, his actions, and beliefs significantly influenced the horizon of reader expectations. Therefore, the author often subordinated his behavior to a certain literary canon, choosing a behavioral “role” legitimized by the preferences of the era. In this article, based on fragmentary data, it is possible to restore the main features that, in the eyes of contemporary readers, were inherent in the image of Baron de Bazancourt. The question of how much the behavior of F. J. de Bazancourt was subordinated to literary tasks is considered.

Key words: literary personality, literary reputation, duel, feuilleton novel, literary aristocracy, industrial literature.

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.41

«КУБАНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК» В СИСТЕМЕ ПЕРИОДИКИ ДЕНИКИНСКОГО ЕКАТЕРИНОДАРА¹

Лучинский Ю. В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mail: luv22@mail.ru*

В статье рассмотрена специфика информационной политики еженедельника «Кубанский церковный вестник», первого православного периодического издания в Кубанской области, выходящего в Екатеринодаре с мая по декабрь 1919 года, как в общей системе церковной прессы на Юге России, так и в системе периодики города Екатеринодара, сформировавшейся во время пребывания в нем Добровольческой армии. Проанализирована связь выхода в свет данного журнала с проведением Юго-Восточного русского церковного Собора в Ставрополе в мае 1919 года. Очерчен круг авторов журнала «Кубанский церковный вестник» и определена роль двух его редакторов – А. П. Рождественского и Г. П. Ломако.

Ключевые слова: «Кубанский церковный вестник», система церковной прессы, Добровольческая армия, Юго-Восточный русский церковный Собор, редакционная политика.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война значительно трансформировала систему периодики Кубанской области, так как власть на данной территории переходила из рук в руки – Кубанская республика сменилась Кубано-Черноморской советской республикой, конфисковавшей в Екатеринодаре частные типографии и закрывшей большинство периодических изданий. В августе большевики были вытеснены Добровольческой армией, и ситуация выпуском газет и журналов в столице Кубанской области снова изменилась, хотя и оставалась достаточно сложной с точки зрения столкновения различных идеологических позиций.

Этот период в истории кубанской журналистики еще недостаточно изучен, некоторые периодические издания 1918–1919 гг. сохранились в неполной комплектации, а некоторые, названия которых известны нам по справочнику «Периодика Кубано-Черноморского края. 1863–1925» Бориса Митрофановича Городецкого, еще предстоит найти в архивах.

Информационные потребности Добровольческой армии до прихода в Екатеринодар обеспечивались ежедневной газетой «Вестник Добровольческой армии», выходявшей с января 1918 г. 15 августа издание «Вестника Добровольческой Армии» было приостановлено. С этой даты под редакцией одного из идеологов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/8.

белого движения Василия Витальевича Шульгина стала выходить газета «Россия», позиционировавшая себя как «орган русской государственной и национальной мысли».

В общественном мнении редакционная политика газеты В. В. Шульгина связывалась с позицией командования Добровольческой армии, что отмечал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты»:

«В начале сентября выступил Шульгин с “Россией”, проводя с большою страстностью идеи монархизма и национализма. Загорелась жестокая полемика с органами левого и самостийного направления – “Вольной Кубанью” (правительственная газета), “Сыном Отечества” (газета Шрейдера), “Кубанским Краем” и др., отражая до известной степени течение борьбы между краевым правительством и командованием в области национальных задач. “Россию” считали нашим официозом и потому в ее лице направляли удары по адресу командования. Это было не совсем верное толкование. Газета всемерно поддерживала армию и имела близкую связь с нею, главным образом, благодаря личным дружественным отношениям Шульгина с генералом Драгомировым. Драгомиров и штаб армии давали газете информацию и иногда фактическое освещение мероприятий добровольческого командования и его взаимоотношений с другими новообразованиями. Но в политической идеологии своей Шульгин не был связан никаким обязательством. Он говорил от себя и за себя, иногда отражая мнение командования, иногда идя вразрез с ним. Влияние его органа на офицерство было, несомненно, очень велико» [4, с. 349–351].

Командование Добровольческой армии не стремилось к тотальному контролю над прессой, найдя в лице газеты В. В. Шульгина свою временную опору. В своих мемуарах Валерий Михайлович Левитский, также побывавший на посту редактора этого периодического издания, так обрисовал картину появления «России» в столице Кубанской области:

«Армия тогда подходила к Екатеринодару. 2 августа Екатеринодар был взят. 6-го “редакция” была уже там.

В тот же день Шульгина принял генерал Алексеев. Верховный главнокомандующий был уже сильно болен. Но и в постели он работал весь день. Его штаб состоял из четырех офицеров. В ящике письменного стола был 1 миллион рублей, чему он сильно радовался: недавно еще там было только несколько тысяч. Мысль о газете он приветствовал. Составленный Шульгиным проект “Особого совещания” он передал Драгомирову, а его просил вплотную заняться газетой.

15 августа вышел первый № “России”. Все необходимые расходы были произведены из средств Шульгина и В. Г. Иозефи. От армии не взяли ни копейки.

Газета имела шумный успех. Тираж с 4–6 тысяч скоро поднялся до 8 и доходил иногда до 10. Это сразу же поставило газету на первое место» [7, с. 90–91].

Практически одновременно с «Россией» в Екатеринодаре стала издаваться эсеровская газета «Сын Отечества» под редакцией (с 6 августа по 27 октября 1918 г.) Григория Ильича Шрейдера, «наместника-комиссара» фракции социалистов-революционеров, возглавившего Юго-Восточный Комуч (Юго-Восточный комитет членов Учредительного собрания). От имени Комуча Г. И. Шрейдер с 15 сентября 1918 г. издавал еще одну газету – «Родная земля» (с 25 сентября по 2 декабря 1918 г.).

В это же время возобновили свою деятельность и активно включились в идеологическую полемику приостановленные советской властью газеты – «Вольная Кубань» под редакцией Федора Никитича Фендрикова и «Кубанский край» под редакцией Михаила Андреевича Зозули.

Преобразованная из «Кубанских областных ведомостей» газета «Вольная Кубань» стала органом Кубанского краевого правительства, принявшего 5 января 1918 г. постановление № 48 о необходимости «сохранить газету “Вольная Кубань” в настоящем виде с тем, однако, чтобы в официальной части печатались лишь распоряжения и сведения, относящиеся до Кубанского Войска; для публикации же распоряжений Краевого Правительства, а равно узаконений и распоряжений Краевой Законодательной Рады, издавать под руководством секретаря Правительства известий Кубанского Краевого Правительства. 2) Назначить редактором газеты “Вольная Кубань” г. Фендрикова и секретарем редакции Меншикова, присвоить им содержание по 6000 р. в год, с правом получения постоянной платы и обязательством положения редакционных статей» [12, с. 50].

Газета «Кубанский край», основанная Сергеем Иосифовичем Казаровым в декабре 1909 г., в 1917 г. несколько раз меняла своего владельца, пока не была приобретена акционерным обществом «Кубанский край», во главе которого стоял Вианор Кондратьевич Бардиж. Это общество получило в свое распоряжение реквизированную типографию Ивана Федоровича Бойко. Ответственным редактором «Кубанского края» был назначен бывший учитель Успенского двухклассного училища Михаил Андреевич Зозуля. «Газета стала полуофициозом [Кубанского краевого] правительства и приняла платформу федерализма» [3, с. 52].

Некоторое время командование Добровольческой армии соблюдало положение, закрепленное в пункте восьмом второго раздела «Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией»:

«Печать свободна. Порядок осуществления надзора за печатью и ответственности за преступления и проступки, совершаемые путем печати, определяется законом».

Однако уже 29 августа 1918 г. был издан приказ № 456 по Добровольческой армии, запрещающий размещение в печати политических статей за подписью чинов армии или указывающих на принадлежность к чинам армии, а 31 августа за «сотрудничество с большевиками» был арестован поэт-кубофутурист Георгий Иванович Золотухин, бывший редактором газеты «Голос труда», выходившей в

апреле-июле 1918 г., хотя газета «стремилась быть оппозиционной большевизму» [3, с. 33] и была закрыта по распоряжению Совета народных комиссаров Кубано-Черноморской советской республики.

28 октября 1918 г. по распоряжению местных властей был арестован редактор газеты «Родная земля» Г. И. Шрейдер. Сам редактор объяснял причины своего ареста предотвращением попытки покушения на его жизнь и вскоре эмигрировал из России.

Интересно сложилась судьба издательских проектов Кубанского казачьего круга. 19 августа 1918 г. в издательстве «Совет казачьего круга» вышел первый номер газеты «Кубань» под редакцией одного из бывших лидеров местной кадетской фракции Николая Михайловича Рындина. Не прошло и месяца, как 11 сентября 1918 г по секретному распоряжению краевого правительства газета была закрыта.

Ее редактор Н. М. Рындин сразу же перешел в ее преемницу – только что открывшуюся (12 сентября) газету Кубанского казачьего круга под названием «Кубанец». Вскоре (7 октября) Н. М. Рындин застрелился (по другой версии – был убит) рано утром в помещении общественного собрания в городском саду. Одна из возможных причин – публикация статьи «Черкесский полк», где говорилось о жалобе черкесов на Добровольческую армию и Кубанское войсковое правительство из-за проблем с довольствием и обмундированием. «Кубанец» продержался до 15 ноября 1918 г., после чего был закрыт по распоряжению члена Кубанского войскового правительства по делам гражданском, бывшего священника Алексея Ивановича Кулабухова. Совет старейшин Кубанского войска пытался обжаловать неправомерные действия А. И. Кулабухова, но протест не был удовлетворен, и тогда Кубанский казачий круг приступил к изданию третьей своей газеты – «Слово кубанца», первый номер которой увидел свет 18 ноября 1918 г.

Редактором был назначен депутат Государственной думы I и IV созывов Леонид Николаевич Новосильцев. Под его руководством вышло всего 14 номеров, но 6 декабря газета «Слово кубанца» была закрыта за публикацию статьи, «которая не должна быть оглашена», а Л. Н. Новосильцев предпочел в ближайшее время отправиться в эмиграцию.

Четвертая попытка Кубанского казачьего круга издавать собственную газету была более успешной – газета «Голос кубанца» просуществовала с 15 декабря 1918 г. по 29 октября 1919 г., когда была закрыта по решению Кубанского войскового правительства за статью «Лжецы и клеветники».

23 ноября 1918 г. появился первый номер «Утра Юга» – «ежедневной литературно-общественной и политическо-экономической газеты», в которой под псевдонимом «доктор Фрикен» публиковал свои стихотворные фельетоны Самуил Яковлевич Маршак. По распоряжению А. И. Кулабухова 1 декабря и эта газета была закрыта декабря за публикацию статей «Политические хамелеоны» и «Краснов и немцы».

Несмотря на протесты, А. И. Кулабухов не собирался останавливаться на пути «ручного управления» прессой и 3 декабря своим распоряжением закрыл газету «Россия» за статью «В поисках наилучшей Республики». При этом были опечатаны типографии, в которых печатались закрытые газеты. Наиболее удобный способ обойти решения Кубанского краевого правительства – возобновить издание под

другим названием, чем и воспользовались редакции «России» и «Утро Юга». «Утро Юга» вышло в свет 2 декабря под названием «Новое Утро Юга», а «Россия» была преобразована в «Великую Россию», сменила редактора и стала издаваться с 12 декабря.

Подобная ситуация сохранялась в течение следующего 1919 года, когда газеты и журналы время от времени закрывались, а им на смену приходили новые издания. В таких сложных политических условиях в мае 1919 г. в Екатеринодаре появился первый образец церковной периодической печати, представленный еженедельником «Кубанский церковный вестник».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из особенностей информационного пространства Кубанской области можно считать относительно позднее появление частной периодики (с 1905 г.) и полное отсутствие периодики церковной (до мая 1919 г.).

Что касается церковной периодики на Северном Кавказе, то некоторые аспекты ее возникновения и развития рассмотрены в статьях О. И. Лепилкиной, которая, описывая типологию епархиальных ведомостей отмечает, что «этот тип издания стал важным компонентом в структуре провинциальной прессы в 1860-е годы – время, когда епархии Русской православной церкви стали вторым (после губернских правлений) лидером по количеству выпускаемых изданий в провинции» [8, с. 104]. Типологически епархиальные ведомости совпадали с губернскими ведомостями и делились на два отдела – официальный и неофициальный с соответствующим контентом и сквозной нумерацией.

История церковной прессы на Северном Кавказе начинается с издания «Кавказских епархиальных ведомостей», выходивших в Ставрополе два раза в неделю с января 1873 г. по январь 1886 г. под редакцией смотрителя Ставропольского духовного училища Григория Петровича Михайловского. Его смерть от воспаления легких 22 января 1886 г. привела к трехмесячной приостановке «Кавказских епархиальных ведомостей», и их издание возобновилось в мае 1886 г. под новым названием – «Ставропольские епархиальные ведомости». Редактором неофициальной части был утвержден преподаватель учения о русском расколе и обличительного богословия Ставропольской духовной семинарии, кандидат богословия Константин Васильевич Кутепов, будущий ректор Ставропольской духовной семинарии:

«Редакция прежде бывших “Кавказских”, теперь же “Ставропольских Епархиальных Ведомостей” сим доводит до общего сведения, что она, после трехмесячного перерыва, снова приступает к изданию “Епархиальных Ведомостей” согласно прежней программы, утвержденной Святейшим Синодом. По сему лица и учреждения, имеющие нужду в Редакции “Епархиальных Ведомостей” благоволят обращаться со своими заявлениями или в Редакцию Епархиальных Ведомостей или же лично к Редактору оных К. Кутепову» [11, с. 79].

Кубанская область входила в сферу информационного внимания газеты «Ставропольские епархиальные ведомости», так как «с 1843 года и вплоть до 1916-го религиозная жизнь Кубани проходила под управлением Ставропольской кафедры. Сначала это была Кавказская епархия, в 1885 году ее переименовали в Ставропольскую. На страницах официального органа епархиальной власти “Ставропольские епархиальные ведомости” обязательное отражение находила и церковная жизнь Кубанской области. Наиболее подробно освещались следующие основные темы: духовенство; церкви и монастыри; церковно-школьное и духовно-училищное образование; миссионерская деятельность; епархиальная жизнь» [17, с. 150].

Освещение церковной жизни Кубанской области в «Ставропольских епархиальных ведомостях» в определенной степени отражено в библиографическом справочнике С. А. Слуцкой, в котором представлены основные публикации данной тематики [16].

Стоит отметить, что в ноябре 1906 г. в Кубанской области была предпринята неудачная попытка получить разрешения на издание религиозного журнала под названием «Дух и свобода», в программу которого входили такие отделы, как «Гигиена духа» и «Гигиена тела», что уже многое говорило о личности заявителя, проживавшем в селении Армавир.

«Потомственный почетный гражданин» Андрей Михайлович Капустянский, бывший баптист и адвентист, пытался найти собственный путь в религии, вступил в переписку с Л. Н. Толстым по поводу планируемого издания, но на роль редактора с точки зрения местной администрации явно не подходил – отказ был аргументирован следующим образом:

«Оставлено без удовлетворения на основании Высочайшего Указа от 24 ноября 1905 года, в связи с тем, что новые повременные издания могут выходить лишь в городах Империи» [10, с. 263].

Поэтому одним из ориентиров для создания собственного церковного печатного органа в Кубанской области оставался еженедельник «Ставропольские епархиальные ведомости», редактором неофициальной части которого в последние годы его издания был преподаватель географии и русского языка Ставропольского духовного училища, кандидат богословия Мартирий Антонович Чемена, возглавлявший издание с 1912 г.

Стоит учитывать также и информационное присутствие в Кубанской области «Донских епархиальных ведомостей» – официального издания Донской и Новочеркасской епархии, выходившего с января 1869 г. по июнь 1917 г. в Новочеркасске (с 1915 г. – еженедельно).

В «Донских епархиальных ведомостях» «подавляющее большинство публикаций составляли официальные документы – постановления Святейшего Синода и распоряжения Донской духовной консистории, а также сведения о наградах, пожертвованиях на нужды храмов и монастырей Донской епархии, объявления о наборе и вступительных экзаменах в духовные учебные заведения,

отчеты епархиальных обществ, воззвания с призывом оказать помощь на строительство церквей в епархии.

Наиболее разнообразным по содержанию был неофициальный отдел. В основном исторические материалы этого отдела состояли из текстов местных авторов. Как правило, сферой их интересов являлись исторические и церковные события, которые касались Донской епархии <...> в начале XX в., публикации представляют собой синтез различных направлений. Помимо оригинальных статей местных авторов в неофициальном разделе содержится большое количество статей, перепечатанных из других светских и церковных периодических изданий» [2, с. 269].

События 1917 г. привели к тому, что с июля 1917 г. по ноябрь 1919 г. вместо «Донских епархиальных ведомостей» появился еженедельник «Донская христианская мысль» с подзаголовком «Еженедельный православно-христианский журнал, издаваемый при Донской духовной семинарии при ближайшем участии Новочеркасского пастырского собрания». Все это время его редактором являлся преподаватель словесности и истории русской литературы Донской духовной семинарии, кандидат богословия Иван Алексеевич Глебов. Еженедельник Глебова оказал определенное влияние на типологические характеристики «Кубанского церковного вестника» – первого православного периодического издания на Кубани, выходившего в Екатеринодаре с мая по декабрь 1919 г.

В Государственном архиве Краснодарского края сохранилась неполная подборка данного издания, но дошедшие до нас номера (4, 8, 9, 12, 14–15, 16, 18, 19, 22–23, ряд номеров были сдвоенными) позволяют составить общую характеристику данного журнала и реконструировать хронологию выхода «Кубанского церковного вестника».

Четвертый номер журнала датируется 23 мая 1919 г., и первым редактором был указан протоиерей Александр Петрович Рождественский, видный богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член Святейшего Синода. После прихода к власти большевиков он уехал из Москвы и перебрался на некоторое время в Екатеринодар, где принял активное участие в организации проведения Юго-Восточного русского церковного Собора и в создании «Кубанского церковного вестника».

Инициатором созыва Юго-Восточного русского церковного Собора в Ставрополе был другой член Святейшего Синода – Георгий Иванович Шавельский, назначенный А. И. Деникиным протопресвитером военного и морского духовенства Добровольческой армии.

Так как Патриарх и Синод оставались в Москве, то сношение с ними становилось практически невозможным. Поэтому у Г. И. Шавельского возникла идея проведения Собора в Ставрополе. В своих мемуарах он вспоминал:

«Пала Одесса. Вслед за этим потянулись в Екатеринодар архиереи, спасая животы свои. Приехал Одесский митр. Платон, а раньше его – Димитрий Таврический, Агапит Екатеринославский и, пытавшийся пробраться на восток, Гавриил Челябинский. Решив использовать присутствие митр. Платона, я пригласил его на одно из заседаний Церковно-просветительного Отдела Совета Государственного Объединения.

26-го апреля состоялось это заседание в помещении Кубанского еп. Иоанна. Кроме митр. Платона, в нем участвовали: архиепископы: Димитрий и Агапит, еп. Иоанн, проф. Петроградской Духовной Академии, прот. А. П. Рождественский, члены Всероссийского собора: свящ. Г. П. Ломако, кн. Е. Н. Трубецкой, А. И. Ивановский и много других духовных и светских лиц. Сюда же втесался пресловутый В. М. Скворцов, который и секретарствовал. Я кратко изложил историю попыток образовать Высшую церковную власть и необходимость такой власти, а митр. Платон предложил созвать Собор для учреждения такой власти» [18, с. 331].

Для этого было принято решение о создании предсоборной комиссии для подготовки Собора.

«Предсоборная комиссия под председательством протопресвитера Георгия Шавельского собиралась в Екатеринодаре 6 раз, с 3 по 17 мая 1919 г., и за этот короткий отрезок времени проделала большую подготовительную работу. Были не только рассмотрены основные вопросы, связанные с организацией высшего церковного управления, но и принято положение о ЮВРЦС, намечена повестка дня, продуманы проекты посланий от Собора к различным организациям и лицам» [6, с. 6].

С этими датами непосредственно связан первый номер «Кубанского церковного вестника», выход которого можно определить методом обратного отсчета (отталкиваясь от дня выхода четвертого номера еженедельника) вторым мая 1919 г. Есть данные и об одном из материалов, опубликованном в первом номере, – это отклик на статью Г. И. Шавельского за подписью «Священник»:

«Прочитав в № 1 “Куб. Церк. Вестника” статью о. протопр. Г. Шавельского “Думы пастыря” я глубоко задумался над нею и не могу не поделиться с читателями своими задушевными мыслями, действительно, мы, пастыри, очень отстали в своей деятельности по приходу. Мы, можно сказать, не идем вперед, – к усовершенствованию. Но ведь, чтобы вести вперед других, нужно прежде всего самому показать пример другим. Как может пастырь научить своих прихожан христианской жизни, когда он сам живет не лучше, а то даже и хуже их?» [14, с. 59].

Этот отклик был снабжен следующим редакционным комментарием:

«Помещаем эту задушевную заметку молодого кубанского священника, как первый отклик на призыв редакции к читателям – высказывать свои мысли о статьях, помещаемых в “Куб. Церк. Вестник”. Надеемся, что и другие наши читатели не откажут поделиться с нами своими впечатлениями, которые очень ценны для редакции» [14, с. 61].

В предсоборную комиссию входили четыре будущих участника Юго-Восточного русского церковного Собора, и все они оказались связанными с деятельностью «Кубанского церковного вестника» – А. П. Рождественский в качестве первого редактора (он уже имел в 1903–1905 гг. опыт редакторской работы

в журнале Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник»), законоучитель Екатеринодарской 2-й мужской гимназии Григорий Петрович Ломако в качестве редактора данного журнала с сентября 1919 г., богослов и публицист Валентин Павлович Свентицкий в качестве одного из постоянных авторов.

После Гражданской войны трое окажутся в эмиграции. Г. И. Шавельский и А. П. Рождественский – в Болгарии, Г. П. Ломако, сменив несколько приходов в Османской империи, Сирии, Чехословакии, Венгрии и США, – во Франции. С 1951 г. по 1959 г. протоиерей Г. П. Ломако служил настоятелем Александро-Невского собора в Париже (в этом соборе в ноябре 1953 г. он отпевал великого русского писателя И. А. Бунина). В. П. Свентицкий остался в СССР, неоднократно подвергался репрессиям, и в итоге был сослан в Красноярский край, где и скончался в 1931 г.

Если проанализировать типологические характеристики «Кубанского церковного вестника», то они очень близки к таковым «Донской христианской мысли», что объясняется как политическим сближением Дона и Кубани в начале Гражданской войны, так и стремлением к церковной реформе, результатом чего стало проведение Юго-Восточного русского церковного Собора.

Чтобы реконструировать редакционную политику «Кубанского церковного вестника», стоит обратиться к программе «Донской христианской мысли», которая скорее всего совпадала с программой первого кубанского церковного журнала:

«Донская христианская мысль», будучи внепартийным органом в своих мнениях по животрепещущим вопросам жизни Церкви и духовенства, будет всегда ратовать за обновление Церкви на начало православно-христианской свободы и способности, раскрепощение духовенства, возвышение его авторитета через установление живой органической связи между ним и постовою, улучшение его духовного и материального быта и развитие религиозно-нравственного сознания верующих. Осуществляя эту задачу, журнал “Донская Христианская мысль” отведет на своих страницах на своих страницах широкое место статьям по изъяснению Слова Божия, его проповедованию и устройению всей приходской жизни на основе Евангелия, а также статьям церковно-общественного и церковно-исторического содержания по преимуществу местного характера» [5, с. 16].

Стоит отметить, что официальная и неофициальная часть издания поменялись местами, журнал начинался с неофициальной части, в которую входили следующие отделы:

- а) научно-богословский отдел, состоящий из статей по трактовке священного писания, богослужения и прочим богословским вопросам;
- б) церковно-общественный отдел, состоящий из статей по всем вопросам, волнующим современное духовное и светское общество;
- в) отдел о церковно-бытовой жизни, включавший в себя рассказы и повести из церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни;

г) отдел о реформе приходской жизни, в который входили статьи по вопросам устройства приходской жизни среди новых условий ее существования в свободном государстве;

д) отдел о старообрядчестве и сектантстве с обзором жизни и деятельности представителей этих конфессий в новых условиях жизни;

е) отдел хроники местной церковно-общественной жизни;

ж) отдел о церковно-общественной жизни в России;

з) политический отдел;

и) отдел обзора периодической печати;

к) библиографический отдел;

л) отдел ответов на письма в редакцию.

Данные отделы входили в состав неофициальной части «Кубанского церковного вестника», и наполнялись контентом в соответствии с повесткой дня.

Одной из таких повесток стало проведение Юго-Восточного русского церковного Собора.

В отделе «Летопись церковной и общественной жизни» сообщалось:

«В воскресенье 19 мая в Ставрополе созывается областной церковный собор. В состав его войдут все епископы, правящие и викарные, тех епархий, какие заняты ныне Добровольческой армией, именно: ставропольской, кубанской, донской, терской, сухумской, частей екатеринославской (таганрогское викариатство) и таврической, затем по четыре члена от каждого епархиального совета (два пресвитера и два мирянина), по избранию епископа и совета, и все находящиеся в крае члены Всероссийского Церковного Собора. Собор, таким образом, будет немногочислен, – едва ли более 50 членов, – и займет времени, предполагается, не более недели. Для предварительной разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на соборе, учреждена небольшая комиссия в Екатеринодаре, под председательством протопресвитера военного духовенства Г. И. Шавельского, которая и приступила уже к своей работе» [9, с. 126].

По итогам Собора в передовой статье «Памяти мучеников» редактор А. П. Рождественский писал:

«На Церковном Соборе всеми приветствовалась мысль о составлении синодика наших новых мучеников, – хотя тогда никто еще не мог думать, что этот синодик будет так длинен, и что время его завершения отложится тяжкими обстоятельствами русской жизни на долгий срок. Высказались и предположения об установлении особого дня для поминовения всех убиенных во дни смуты. Между прочим, указывали на день 29 августа, – день усекновения главы св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, как на такой, который мог бы быть предназначен для повсеместного поминовения новых российских мучеников, подобно Крестителю Господню, принявших смерть за твердое исповедание и проповедь правды» [13, с. 50].

В редакционной статье «Великодушный акт» была отмечена амнистия, объявленная Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникиным:

«Ставропольский Церковный Собор, подражая древним Святителям Русской Церкви, бывшим печальниками перед царями о несчастных преступниках, заслужившим законную кару по слабости человеческой, а не по злой воле, обратился к Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России с ходатай Святителям Русской Церкви, бывшим печальниками перед царями о несчастных преступниках, заслужившим законную кару по слабости человеческой, а не по злой воле, обратился к Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России с ходатайством о смягчении участи преступников, заслуживающих милость. Генерал А. И. Деникин, со свойственным ему великодушием, внял голосу Церкви Православной и объявил широкие льготы преступникам, подвергшимся законному наказанию, в особом приказе от 13 июня сего года за № 1226» [1, с. 113].

Стоит отметить, что в журнале «Кубанского церковного вестника» публиковались не только материалы, связанные с церковной жизнью, но и актуальные политические новости. Так, в еженедельнике было размещено сообщение об убийстве видного кубанского общественного деятеля:

«В 3 часа ночи под 14 июня, в Ростове, при входе в Палас-Отель, неизвестными злоумышленниками убит Председатель Кубанской Краевой Рады Николай Степанович Рябовол. Преступники успели скрыться, но наряжено строгое следствие. Предполагают политические причины убийства этого видного местного общественного деятеля, но следствием пока еще не добыто определенных данных, подтверждающих такое предположение. В понедельник 17 июня в Екатеринодаре состоялось торжественное погребение почившего, при участии многочисленного народа. Занятия в местных правительственных учреждениях, торговля, увеселение и движение трамваев были на этот день прекращены» [9, с. 127].

В статье, посвященной столетнему юбилею Екатеринодарского духовного училища, сообщалось, что оно было открыто 20 октября 1818 г. стараниями его первого смотрителя Екатеринодарского войскового протоиерея Кирилла Васильевича Россинского, вначале имело только один класс и называлось Екатеринодарским приходским духовным училищем. В 1918 г. оно было расформировано большевиками и восстановлено только с приходом Добровольческой армии:

«Юбилейное торжество вышло довольно скромным, но училищная администрация, принимая во внимание тяжесть переживаемого времени намеренно не хотела придавать ему характер строго-официального торжества.

Накануне праздника в домово́й церкви училища епископом кубанским и екатеринодарским Иоанном, в сослужении сонма городского духовенства, было совершено всенощное бдение, а в самый день – литургии и молебн. После литургии все перешли в училищный актовый зал, где был устроен торжественный акт. На пьедестале возвышался писанный красками портрет незабвенного первого смотрителя училища, протоиерея К. В. Россинского, убранный цветами и зеленью. Первым произнес речь председатель Куб[анского] Еп[архиального] Совета о. Г. Ломако, изложивший историю училища за время его 100-летнего существования» [15, с. 60].

Публикация материала с годовым запозданием редакция объяснила следующим образом:

«Этот краткий отчет о 100-летнем юбилее старейшего в крае дух[овного] училища помещается здесь с большим опозданием потому, что ранее здесь не было епархиального печатного органа» [15, с. 61].

ВЫВОДЫ

За относительно короткий период своего существования еженедельник «Кубанский церковный вестник» смог занять свою нишу в общей системе периодической печати Екатеринодара и выстроить четкую информационную политику, опирающуюся на опыт работы А. П. Рождественского в качестве редактора в журнале Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник». Данная политика не изменилась с его уходом с редакторского поста и приходом на это место Г. П. Ломако.

Особенностью еженедельника, типологически сходного с аналогичными донскими и ставропольскими изданиями, можно считать соединение местных и столичных авторов, оказавшихся в период Гражданской войны на территории Кубани.

Стоит отметить важную роль Г. И. Шавельского как в проведении Юго-Восточного русского церковного Собора в Ставрополе, так и в формировании концепции журнала «Кубанский церковный вестник».

Список литературы

1. Великодушный акт // Кубанский церковный вестник. – 1919. – № 8. – С.112–115.
2. Вытнов В. К. «Донские епархиальные ведомости» как исторический источник // Христианское чтение: научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2018. – № 6. – С. 268–275.
3. Городецкий Б. М. Периодика Кубано-Черноморского края. 1863–1925. – Краснодар: Традиция, 2011. – 140 с.
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. – Минск: АСТ, 2002. – Т. 4. – 140 с.
5. Донская христианская мысль. – 1918. – № 1. – С. 16.

6. Крячко Н. Н. Учреждение Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 г. // Вестник церковной истории. – 2008. – № 1 (9). – С. 5–55.
7. Левитский В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. – 256 с.
8. Лепилкина О. И. Становление и типологические характеристики епархиальных ведомостей в XIX – начале XX вв. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 2. – С. 101–107.
9. Летопись церковной и общественной жизни // Кубанский церковный вестник. – 1919. – № 8. – С. 125–127.
10. Лучинский Ю. В. Лев Толстой и нереализованный издательский проект в Армавире: история одной переписки // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы первой Междунар. научно-практич. конф. Краснодар: КубГУ, 2015. – С. 262–266.
11. От редакции // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1886. – № 3–9. – С. 79.
12. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920. – Краснодар: Проект «Библиотека Кубанского края», 2008. – 342 с.
13. Рождественский А. Памяти мучеников // Кубанский церковный вестник. – 1919. – № 4. – С. 50–51.
14. Священник. К «думам пастыря» // Кубанский церковный вестник. – 1919. – № 4. – С. 59–61.
15. Столетний юбилей Екатеринодарского духовного училища // Кубанский церковный вестник, 1919. – № 4. – С. 60–61.
16. Слуцкая С. А. Кубань в «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостях»: библиограф. указ. – Краснодар: Традиция, 2009. – 174 с.
17. Финогина Л. С. Духовная жизнь Кубани на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3 (22). – С. 150–151.
18. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2010. – 704 с.

References

1. *Velikodushnyj akt* [Generous act]. *Kubanskij cerkovnyj vestnik*, 1919, no 8, pp. 112–115.
2. Vytnov V. K. «*Donskie eparhial'nye vedomosti*» kak istoricheskij istochnik ["Don Diocesan Gazette" as a historical source]. *Hristianskoe chtenie: nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*, 2018, no 6, pp. 268–275.
3. Gorodeckij B.M. *Periodika Kubano-Chernomorskogo kraja. 1863–1925* [Periodicals of the Kuban-Black Sea region]. Krasnodar, Tradiciya Publ., 2011. 140 p.
4. Denikin A.I. *Oчерki russkoj smuty. Beloe dvizhenie i bor'ba Dobrovol'cheskoj armii* [Essays on Russian Distemper. White movement and the struggle of the Volunteer Army]. Minsk, AST Publ., 2002. Vol. 4. 140 p.
5. *Donskaya hristianskaya mysl'* [Don Christian thought], 1918, no 1, pp. 16.
6. Kryachko N.N. *Uchrezhdenie Vremennogo vysshego cerkovnogo upravleniya na Yugo-Vostoke Rossii v 1919 g.* [Establishment of the Provisional Higher Church Administration in the South-East of Russia in 1919]. *Vestnik cerkovnoj istorii*. 2008, no 1 (9), pp. 5–55.
7. Levitskij V.M. *Bor'ba na Yuge: Fakty. Lyudi. Nastroeniya* [Struggle in the South: Facts. People. Moods]. Moscow, Fond «Svyaz' Epoh» Publ., 2019. 256 p.
8. Lepilkina O. I. *Stanovlenie i tipologicheskie harakteristiki eparhial'nyh vedomostej v XIX – nachale XX vv.* [Development and typological characteristics of diocesan records in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2009, no 2, pp. 101–107.

9. *Letopis' cerkovnoj i obshchestvennoj zhizni* [Chronicle of church and public life]. *Kubanskij cerkovnyj vestnik*, 1919, no 8, pp. 125–127.
10. Luchinskij Yu.V. *Lev Tolstoj i nerealizovannyj izdatel'skij proekt v Armavire: istoriya odnoj perepiski* [Leo Tolstoy and the unrealized publishing project in Armavir: the story of one correspondence]. *Nasledie Yu.I. Selezneva i aktual'nye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii: Materialy pervoj Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* Krasnodar, KubGU publ., 2015, pp. 262–266.
11. *Ot redakcii* [From the editor]. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*, 1886, no 3–9, pp. 79.
12. *Protokoly zasedanij Kubanskogo kraevogo pravitel'stva: 1917–1920* [Protocols of the Kuban regional government meetings: 1917–1920]. Krasnodar, Proekt «Biblioteka Kubanskogo kraja» Publ., 2008. 342 p.
13. Rozhdestvenskij A. *Pamyati muchenikov* [In memory of the martyrs]. *Kubanskij cerkovnyj vestnik*, 1919, no. 4, pp. 50–51.
14. Svyashchennik. *K «Dumam pastyrya»* [To the “Thoughts of the pastor”]. *Kubanskij cerkovnyj vestnik*, 1919, no. 4, pp. 59–61.
15. *Stoletnij jubilej Ekaterinodarskogo duhovnogo uchilishcha* [Centennial anniversary of the Ekaterinodar Theological School]. *Kubanskij cerkovnyj vestnik*, 1919, no. 4, pp. 60–61.
16. Sluckaya S. A. *Kuban' v «Stavropol'skih (Kavkazskih) eparhial'nyh vedomostyah»: bibliograf. ukazatel* [Kuban in the “Stavropol (Caucasian) Diocesan Gazette”: bibliographic index]. Krasnodar, Tradiciya Publ., 2009. 174 p.
17. Finogina L. S. *Duhovnaya zhizn' Kubani na stranicah «Stavropol'skih eparhial'nyh vedomostej»* [The spiritual life of Kuban on the pages of the “Stavropol Diocesan Gazette”]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 3 (22), pp. 150–151.
18. Shavel'skij G. I. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoj armii i flota* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy]. Moskva, Krutickoe patriarshee podvor'e Publ., 2010. 704 p.

“KUBANSKIJ CERKOVNYJ VESTNIK” IN THE PERIODICALS SYSTEM OF DENIKIN’S EKATERINODAR

Luchinsky Yu. V.

The article examines the specifics of the information policy of the weekly “Kubanskij cerkovnyj vestnik”, the first Orthodox periodical in the Kuban region, published in Ekaterinodar from May to December 1919, both in the general system of the church press in the South of Russia, and in the periodical system of the city of Ekaterinodar, formed during the stay of the Volunteer Army there. The connection between the publication of this magazine and the holding of the South-Eastern Russian Church Council in Stavropol in May 1919 is analyzed. The circle of authors of the magazine “Kubanskij cerkovnyj vestnik” is outlined and the role of its two editors – A. P. Rozhdestvensky and G. P. Lomako.

Keywords: «Kubanskij cerkovnyj vestnik», church press system, Volunteer Army, South-Eastern Russian Church Council, editorial policy.

УДК 801:656:621

НОВАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ

Мальцева Р. И., Безрукавая М. В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mail: evamalts@mail.ru; bmarvasik@mail.ru*

В статье представляется краткий анализ социокультурной, ментальной категории темпоральности в аспекте концептуальных положений современной журналистики и медиалогии. В качестве операциональных избраны следующие понятия: трансдисциплинарность, сетевые СМИ, процессы цифровизации, конвергентность, эмергентность медиа, системность, глобальные трансформации и др. Утверждается, что эмпирический научный концепт новой темпоральности формируется под воздействием достижений в области искусственного интеллекта и коммуникационных технологий.

Внедрение цивилизационных инноваций, таких как результаты космических, военных, медикофармакологических и других научных исследований, в повседневную жизнь вызывает шок в обыденном сознании и приводит общество к неравновесию и нестабильности. Этот процесс оказывает существенное воздействие на восприятие времени в современном обществе, обуславливая необходимость переосмысления темпоральных рамок и понимания событий. Такое переосмысление в контексте новой темпоральности становится ключевым аспектом современной журналистики и медиалогии, а также формирует основу для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: темпоральность, эмергентность, медиасистема, шок будущего, информационные технологии.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье рассматриваются философские и социокультурные аспекты новейших технологических трансформаций, оказывающих глубокое воздействие на структуру современного общества. В начале XXI в. наблюдается цивилизационный скачок, приводящий к переходу в новую темпоральную эпоху, где скорость развития информационных технологий приводит к сокращению настоящего времени за счет будущего.

Авторские рефлексии в данной работе касаются специфики развития компонентов социальной инфраструктуры – эмерджентных инфотелекоммуникационных систем – в аспекте новой темпоральности.

Последняя дефинируется как социокультурная, ментальная, психологическая категория, отражающая специфику восприятия времени в условиях резких преобразований систем – в данном случае системы цифровых медиа [12]. В лингвистических эмпирических контекстах темпоральность рассматривается как семантическая категория референтности, как комплекс языковых дейктиков, лексических и грамматических, со значением событийного времени. Разноуровневые дейктики конкретизируют в высказываниях говорящих ситуативный характер действий, указывают на время по отношению к моменту речи.

Таким образом, трансдисциплинарный характер эмпирических контекстов гуманитарного знания требует использования разных подходов при анализе социальных конструктов и их связей с типами темпоральности.

Цель исследования заключается в анализе влияния высокоскоростных технологических изменений на общественные процессы, понимание их философских и культурных последствий, а также выявление ключевых трендов, определяющих современное состояние общества.

Актуальность темы обусловлена не только стремительным технологическим прогрессом, но и его влиянием на образ жизни, социокультурные явления и само понимание человечеством своего места в мире. Изменения в цифровой среде, ускорение обмена информацией и проникновение искусственного интеллекта в различные сферы жизни формируют новые реалии, требующие глубокого осмысления.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Обратимся к определению эмерджентности (эмергентность от лат. *emergeo, is, ersi, ersum, gēre* «возникать, появляться») в теории систем. Фактор эмерджентности эволюционный, проявляется как свойство изменяемости систем в результате усовершенствований.

В области медиакоммуникаций изменения, трансформации, преобразования настолько значительны, что носят трансгрессивный характер.

Трансгрессивность (от лат. *transgredior, ēris, gressus, grēdi* «переходить») [20], связанная с цифровизацией, конвергентностью сфер общения затронула всю современную инфраструктуру социума, которая представляет собой различные институты, в том числе правительственные, общественно-политические образования, культурные и образовательные учреждения, спортивные, медицинские, фармакологические и прочие предприятия и организации, обслуживающие население.

Создание информационного и демократического общества невозможно без цифровых технологий и искусственного интеллекта. Главное в этом процессе – стратегемы цифрового государства [9] и цифровой экономики [11].

Хотя о цифровом государстве, об онтологии и процессах цифровизации государственного строительства и управления написано уже очень много, ни термин, ни сам феномен еще не получили релевантного объяснения в научной литературе [10].

Цифровые медиа сегодня – это цифровые платформы, цифровые экосистемы, углубленная аналитика больших массивов данных, технологии «Индустрии 4.0», роботизация, «Интернет вещей».

Указанные феномены в долгосрочной перспективе оказываются направлениями, векторами технологического и социального развития человеческого общества.

В 60-е годы XX в. Гордон Мур высказал гипотезу, мгновенно получившую статус закономерности. Согласно тогдашнему закону Мура [6], вычислительная мощность компьютеров экспонентно увеличивается каждые 18 месяцев, что должно свидетельствовать о безграничных возможностях трансформирующихся цифровых систем.

Правда, через 40 лет после своего прогноза, в 2003 г., Гордон Мур стал сомневаться в продолжительности такого развития вычислительной техники. Он

пояснил, что экспонентный рост величин в течение длительного времени практически невозможен, поскольку техника постоянно упирается в физические пределы. Иначе говоря, действие закона Мура становится невозможным из-за фундаментальных причин – атомарной природы вещества и ограничения скорости света, которые не позволяют процессорам работать еще быстрее. Тем не менее, по другим прогнозам, закон Мура будет действовать в несколько видоизмененном формате до конца 2025 г.

Прогноз оказался верным, продолжают научные исследования новейших средств коммуникации с уникальными свойствами. Известно, что в области обработки информации отмечается работа над квантовыми вычислительными машинами. Продолжается борьба человека с законами природы. Классический компьютер обладает недостаточной оперативной памятью для создания эффективных алгоритмов обработки информации. В то же время квантовые вычислительные машины, используя парадоксы квантовой механики, могли бы решать самые сложные задачи в таких областях, как наноэлектроника, атомная промышленность, лазерные и информационные технологии [14].

Поэтому квантовая механика становится главным полем цивилизационных преобразований. Последние годы свидетельствуют, что человечество находится в точке бифуркации – на границе двух миров – макромира и мира наночастиц, на пороге смены трех физических картин мира: механистической, электромагнитной и квантово-полевой [4].

Смена физической картины мира определяется, как известно, сменой научных парадигм при изучении характера и свойств материи: от атомистических, корпускулярных представлений о материи исследования перешли к полевым, континуальным, и, наконец, к квантовым.

Представления о неизменности физического мира остались в прошлом, на смену пришли квантово-полевые представления о природе материи: доказано: каждый элемент мироздания обладает свойствами частицы и волны.

Таким образом, открытия квантового мира привели к конструированию квантовых компьютеров, оперирующих кубитами, имеющими значения одновременно и 0, и 1.

С позиций семантических, каждый новый вид медиа – фото, ТВ, кино, видео, видеорадио, видеоигры, виртуальные тренажеры, чат-боты GPT-3, 4 и гипотетически допустимые в будущем медиапродукты, создаваемые с помощью квантовых компьютеров, – сочетает старые функции с новыми технологиями, т. е. происходит ремедиация, или создание объектов с ускоренным выполнением тех алгоритмов, которые раньше выполнялись с помощью более медленных технологий. Например, сегодня искусственный интеллект встроен в программы «умного дома», облачных приложений интернета вещей, мобильных приложений, онлайн-банков и маркетплейсов, а реальный, не гипотетический Smart City «умный город» представляет собой взаимосвязанную систему телекоммуникационных и информационных технологий; кроме того, посредством AR или VR создаются интерактивные мультимедийные тексты, виртуальные скульптуры, движущиеся инсталляции, фото- и видеоизображения, которые раньше были абсолютно невозможны.

В скором времени и квантовый компьютер с миллиардами наночипов включится в осуществление вычислительных операций, коммуникационных процессов при обучении, при создании информационных, развлекательных медиапродуктов с использованием баз больших данных, при поддержании безопасности общественной жизни и т. д.

Дмитрий Соколов-Митрич, заместитель главного редактора журнала «Русский репортер», известный репортер и публицист, лауреат премий «Искра», «Гонг», «Правый взгляд», «Премии правительства Москвы», еще в 2012 г. так определил коммуникативную реальность: «Всемирная паутина давно перестала быть просто технологией и, по сути, формирует собственную государственность. Сотни миллионов человек в самых разных странах мира ощущают себя скорее гражданами Фейсбука, Твиттера или ВКонтакте, нежели немцами, русскими или папуасами» [13].

В свое время философ медиа Х. Ортега-и-Гассет в ответ на внедрение инженерных инноваций в быт подчеркнул: любое техническое достижение является реакцией человека на среду, результатом его бунта против геосферы. Эти же идеи высказывал и М. Маклюэн. По мнению авторов, все созданные цивилизацией приспособления, развивающие и совершенствующие естественные органы: слух, зрение, речь, руки, ноги, мозг – направлены исключительно на преодоление границ человеческого тела, внутреннего мира и общения с внешним миром. В частности, расширения человеческого интеллекта, технические протезы или новые социальные феномены, представляют собой разного рода игры, развлечения, викторины, кино, телевидение [7]. В частности, компьютерные игры — «это вымышленные контролируемые ситуации, или расширения группового сознания, дающие передышку от обычных паттернов. Это, своего рода, разговор всего общества как субъекта. Причём, разговор личности с самой собой — это признанная форма игровой активности, незаменимая для развития уверенности в собственных силах» [7].

Сейчас человека поглощает самообучающаяся цифровая ноосфера с нейросетями искусственного разума.

Инвазия в обычную жизнь цифрового мира, управляемого ИИ, мира с электронным рублем, биткоином, блокчейном Web 3.0, нейронными сетями, способными создавать тексты любых семиотических систем, привели общество к состоянию неравновесности и нестабильности, к своеобразному шоку будущего. Современный мир испытал технологический футурошок [15]. Что касается Западного мира, то он, помимо устрашающего давления технологий будущего, испытал утрату и важных социальных иллюзий, среди которых были собственные идеалы и рефлексии однополярного мира. Панамериканская модель глобализма, моноцентричность международных отношений отодвинулись, ушли в прошлое, их место заняли понимание многополярности мира, недовольство экономикой своих стран, инструментализация страха в результате растущего числа новых видов вооружений, военной помощи другим странам, технологий неокOLONIALного передела мира и других цивилизационных достижений в виде управляемых пандемий, голода, миграционных процессов, военных конфликтов и т. д. На этом фоне цифровизация разных социальных сфер и значительных трансформаций

инфраструктур, в том числе образования, науки, журналистики, оказались неопасными, приемлемыми и легитимными. Однако следствием неосознанного футурошока стали эскапизм в виртуальный калейдоскопический мир игр и развлечений, потребительство, массовая культура и коммуникация, которые с помощью коммерческой и политической рекламы навязывают культуру быта, общественные мнения, идеи поддержки и доверия институтам власти, формируют образ жизни, верования, гендерную свободу, толерантность наряду с ксенофобией и зачеркиванием культур неугодных и якобы враждебных народов. «Культура отмены», или канселинг, даже вошла в моду на Западе. Все это стало необходимым для расширенной реализации как тотальных возможностей ИИ, так и введения жестких форм социально-политического контроля.

Феномены шока будущего и новой темпоральности отражают тревожное психологическое состояние социума, наличие защитных когнитивных реакций на слишком быстрые и коренные изменения в образе жизни, вызванные прежде всего новыми геополитическими реалиями, порядком социальной иерархии и сетевыми технологиями, коренным образом меняющими характер коммуникаций.

Таким образом, шок будущего вызывает тип темпоральности, которая характеризуется резким «сгущением инноваций» в таких областях, как, например, космическая, военная, медицинская промышленность, и эффектом «сокращения настоящего» в результате революционных преобразований ИТ-систем [3].

Интерпретация научного феномена новой темпоральности, современного ускорения и его оценки используется в социальном конструктивизме. Теория социального конструктивизма, или социологическая теория познания информационного общества, была создана П. Бергером и Т. Лукманом. Понятие темпоральности они интерпретируют следующим образом: «Темпоральность — это свойство, присущее сознанию. Поток сознания всегда упорядочен во времени. Можно различать разные уровни темпоральности, поскольку она свойственна любому субъекту. Каждый индивид ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах организма, хотя и не тождественных ему» [2].

С позиций авторов, социально конструируемая реальность представляет собой непрерывный процесс зарождения, развития и институализации социальных феноменов, связанных в том числе и с информационными технологиями.

О. В. Головашина в своем исследовании обращает внимание на значимость следующего фактора: «Чем сложнее становится общество, тем больше возникает режимов темпоральности, тем актуальнее оказывается проблема синхронизации. Трансформации темпоральности являются следствием изменения образа жизни и появления новых технологий» [5].

Начало 20-х гг. XXI в. представляет собой цивилизационный скачок в новую темпоральную эпоху, поскольку скорость развития ИТ настолько велика, что происходит сокращение настоящего времени за счет будущего [16]. Для нашей страны наступило преждевременное будущее с новыми атрибутами жизни.

Сегодня многие авторы гуманитарных исследований высказывают предположения, упоминая теорию осевого времени К. Ясперса [17]. Понятно, что сейчас речь не идет о переломе оси времени, о возникновении новых культур

человечества. Мы присутствуем, вероятно, в начале длительного процесса кумуляции цивилизационных факторов, которые могут привести к бифуркации социальных систем, способных изменить ось развития истории. По словам К. Ясперса, «ось мировой истории, если она вообще существует, следует искать там, где возникли предпосылки», <...> где с поразительной плодотворностью шло формирование нового бытия [17].

К. Ясперс пишет: «Новое ... сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность» [17]. Эпоха осевого времени, замечает автор, не была периодом простого поступательного развития. «Это было время уничтожения и созидания одновременно». Завершение эпох всегда осуществлялось политическим, революционным способом. На месте руин возникал новый технический и организационный порядок.

А. Е. Богоявленский, ссылаясь на работу Л. Мановича, также пишет об отмечаемом сегодня динамическом характере цивилизации, когда «с возрастанием количества инноваций на единицу времени уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях *уже устарело* (курсив – А. Б.), в котором не можем уже распознать привычной структуры сегодняшнего жизненного мира...» [18; цит. по: 3].

Другие исследователи метафорически определяют период современных технологических трансформаций как сокращение пребывания в настоящем.

ВЫВОДЫ

В наше время информация приобрела феноменологическое значение, получила власть над миром. Именно владение информацией структурирует социумы, устанавливает иерархию и подчинение, корректирует культурные связи, экономику, политику, образование, юриспруденцию и проч. Урбанизация, подчиненная цифровым технологиям, таким образом, получила неограниченные возможности интенсивного социально-политического, экономического воздействия, манипулирования идеологией и поведением масс.

Состояние неопределенности, психологической нестабильности и тревожности общества, затянувшееся более, чем на двадцатилетие, в известной мере характеризует философское эссе З. Баумана с метафорическим названием «Текущая современность», полное неясных реминисценций по поводу свободы человека в мире. «Все стало открытым, проницаемым, динамичным. Следовательно, и сама текучесть, и проницаемость мира воплощают в себе главную ценность современности – свободу» [1], – делает неожиданно оптимистический вывод автор. И здесь же, упоминая о специфике современных войн, оправдывает их ведение проявлением свободы, а также проявлениями глобализации и культуры постмодернизма.

С этих позиций, к примеру, идеи Ф. Ницше о ressentimentе могут показаться не противоречивой архаикой, но новой рациональностью [8].

В контексте темпоральности и осевого времени, предложенных К. Ясперсом, можно увидеть, что мы находимся в начале длительного процесса, который может привести к бифуркации социальных систем и изменению оси развития истории. Это

время не только технологических трансформаций, но и переосмысления самого человеческого бытия.

Современный мир медиатехнологий – это мир иллюзий, симулякров, фейковых новостей, манипуляций. Подобно текучей современности, сами медиа призрачны, нестабильны, гибричны. Растерянный человек, не обладающий поисковыми компетенциями в условиях Big Data, неуправляемых коммуникаций глобального мира, не доверяет громадным потокам информации, тем более что миллиарды источников представляют пустые и бесполезные сведения, рекламу развлекательных зрелищ, азартных игр, неисчислимых и бесполезных предсказаний, медитативных практик и гаданий.

Таким образом, данное исследование раскрывает сложную динамику современного общества, подчеркивая необходимость глубокого понимания и адаптации к новой реальности, где технологии не только формируют наше будущее, но и изменяют настоящее, требуя от нас новых подходов к философии, культуре и социальным взаимодействиям.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Богоявленский А. Е. I-Медиа как постнеклассический формат публичных коммуникаций // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 617–654. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-media-kak-postneklassicheskiy-format-publichnyh-kommunikatsiy>. – (Дата обращения 23.09.2023).
4. Верховин А. Н. Интерпретация квантовой механики // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-quantovoy-mehaniki/viewer>. – (Дата обращения 23.11.2023).
5. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. – 2016. – № 3. – С. 42–56.
6. Кленов Н., Соловьев И., Щеголев А., Рязанов В. Квантовый компьютер и закон Мура // Коммерсант. – 2019. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4172101>. – (Дата обращения 23.09.2023).
7. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
8. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М., 1990. – 898 с.
9. Петров М. В., Буров В. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. – 2018. – № 3 (113). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-platforma-podhod-k-realizatsii-vysokotekhnologichnoy-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya> – (Дата обращения 23.09.2023).
10. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 5. – С. 47–52.
11. Программа «Цифровая экономика. Россия. 2024». – Режим доступа: <https://data-esopomy.ru>. – (Дата обращения 23.09.2023)
12. Равочкин Н. Н., Максимов С. В., Млечко А. В., Стенина Н. А., Юрьев Н. А. Влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в реалиях современного

- мира: философский анализ (часть 1) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12. – № 1А. – С. 312–324.
13. Соколов-Митрич Д. Без Интернета наша цивилизация закончится. И начнется другая // Правмир. – 2012. – Режим доступа: https://www.pravmir.ru/bez-interneta-nasha-civilizaciya-zakonchitsya-i-nachnetsya-drugaya._ (Дата обращения 23.09.2023)
 14. Соловьев В. М. Квантовые компьютеры и квантовые алгоритмы. Часть 1. Квантовые компьютеры // Известия Саратовского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. – 2015. – Т. 15. Вып. 4. – С. 462–477.
 15. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
 16. Шестакова И. Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 20–29.
 17. Ясперс К. Истоки истории и её цель // Смысл и назначение истории. – М.: «Политиздат», 1991 – Режим доступа: <https://djvu.online/file/x00x2zvTU0jY8>. – (Дата обращения 23.09.2023).
 18. Manovich L. New Media from Borges to HTML // The New Media. – Cambridge: MIT, 2003. – P. 13–2527.
 19. Sandrone A. M., Coda C. Dizionario Italiano–Latino, Latino–Italiano. – Vibo Valentia: Libritalia, 2002. – 678 p.

References

1. Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost* [Fluid modernity]. St. Peterburg, Piter Publ., 2008. 240 p.
2. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
3. Bogoyavlensky A.E. *I-media kak postneklassicheskoy format publichnykh kommunikacij* [I-media as a post-non-classical format of public communications]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki*, 2017, no. 3. pp. 617-654. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-media-kak-postneklassicheskoy-format-publichnykh-kommunikatsiy> (accessed 23 September 2023).
4. Verkhozin A.N. *Interpretaciya kvantovoy mehaniki* [Interpretation of quantum mechanics]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Pravo. Upravlenie*, 2013, no. 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-quantovoy-mehaniki/viewer>. (accessed 23 September 2023).
5. Golovashina O. V. *Temporal'nost' v issledovaniyakh social'nogo: konstruirovaniye vremeni i vremenem* [Temporality in the research of the social: the construction of time и вremenem]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2016, no. 3, pp. 42–56.
6. Klenov N., Soloviev I., Shchegolev A., Ryazanov V. *Kvantovyy komp'yuter i zakon Mura* [Quantum computer and Moore's law]. *Kommersant*, 2019. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4172101> (accessed 23 September 2023)
7. McLuhan M. *Ponimaniye media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media. External human extensions]. Moskva, Zhukovskij, KANON-press-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p.
8. Nietzsche F. *K genealogii morali. Sochineniya v 2 tomah. T.2* [To the genealogy of morality. Works in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1990. 424 p.
9. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. *Gosudarstvo kak platforma.: podhod k realizacii vysokotekhnologichnoy sistemy gosudarstvennogo upravleniya* [“The state as a platform”: approach to the implementation of a high-tech public administration system]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2018, no 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-platforma-podhod-k-realizatsii-vysokotekhnologichnoy-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya> (accessed 23 September 2023).
10. Ponkin I.V. *Koncept cifrovogo gosudarstva: ponjatie, priroda, struktura i ontologiya* [The concept of the digital state: concept, nature, structure and ontology]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2021, vol. 23, no. 5, pp. 47–52.

11. *Programma «Cifrovaja jekonomika. Rossija. 2024»* [The program "Digital Economy. Russia. 2024"]. Available from: [http:// https://data-economy.ru](http://https://data-economy.ru). (accessed 23 September 2023)
12. Ravochkin N.N., Maksimov S.V., Mlečko A.V., Stenina N.A., Yuryev N.A. *Vlijanie temporal'nosti na funkcionirovanie social'nyh institutov v realijah sovremennogo mira: filosofskij analiz (chast'1)* [The influence of temporality on the functioning of social institutions in the realities of the modern world: philosophical analysis (part 1)]. *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke*, 2023, vol. 12, no. 1A, pp. 312–324
13. Sokolov-Mitrich D. *Bez Interneta nasha civilizacija zakonchitsja. I nachnetsja drugaja*. [Without the Internet, our civilization will end. And another]. Pravmir, 2012. Available from: <https://www.pravmir.ru/bez-interneta-nasha-civilizaciya-zakonchitsya-i-nachnetsya-drugaya>. (accessed 23 September 2023)
14. Soloviev V.M. *Kvantovye komp'jutery i kvantovye algoritmy. Chast' 1. Kvantovye komp'jutery* [Quantum computers and quantum algorithms. Part 1. Quantum computers]. *Izvestija. Saratovskogo universiteta. Seria: Matematika. Mehanika. Informatika*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 462 – 477.
15. Toffler E. *Shok budushhego*. [Shock of the future]. Moskva, AST Publ., 2002. 577 p.
16. Shestakova I. G. *Novaja temporal'nost' cifrovoj civilizacii: budushhee uzhe nastupilo* [New temporality of digital civilization: the future has already come]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki.*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 20–29.
17. Jaspers K. *Istoki istorii i ejo cel'* [The origins of history and its purpose]. *The meaning and purpose of the story*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. Available from: <https://djvu.online/file/x00x2zvTU0jY8> (accessed 23 September 2023)
18. Manovich L. *New Media from Borges to HTML. The New Media Reader*. Cambridge, MIT, 2003, pp. 13–2527.
19. Sandrone A. M., Coda C. *Dizionario Italiano–Latino, Latino–Italiano*. Vibo Valentia, Libritalia, 2002. 678 p.

NEW TEMPORALITY AS A FACTOR OF DIGITALIZATION OF COMMUNICATIONS

Maltseva R. I., Bezrukavaya M. V.

The article presents a brief analysis of the socio-cultural, mental category of temporality in the aspect of the conceptual provisions of modern journalism and media studies. The following concepts were chosen as operational ones: transdisciplinarity, network media, digitalization processes, convergence, media emergence, consistency, global transformations, etc.

It is argued that the empirical scientific concept of a new temporality is formed under the influence of advances in artificial intelligence and communication technologies. The introduction of civilizational innovations into everyday life (material results of space, military, medical-pharmacological and other scientific research) causes a shock to the ordinary consciousness, leads the society of mass culture to a state of disequilibrium and instability.

Keywords: temporality, emergence, media system, shock of the future, information technology.

УДК 070:316

НОВАЯ КУЛЬТУРАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВИЗОВАННОГО ВРЕМЕНИ

Мальцева Р. И., Шахбазян М. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

E-mail: kafhic@mail.ru

В статье рассматриваются концепты культуральности, культуры, цифрового общества и других социокультурных реалий настоящего времени. Анализируется влияние цифровизации на медийное пространство страны, определяется роль инфотелекоммуникаций в противостоянии цивилизаций. В результате анализа охарактеризованы самые значительные изменения в социокультурной сфере, которые порождены новыми медиатехнологиями и являются инновационными как по форме, так и по содержанию. В то же время указано, что это приводит к нестабильности как на индивидуальном уровне, так и на уровне социума, нарастанию социально-экономических, религиозных, расовых противоречий, утрате идентичности. Обострение проблемы неравенства с неизбежностью отражается и в неравномерности медиапотребления, которая также будет нарастать. Балансирующей составляющей является традиционная культура с ее культурными константами. Осмысление культурных взаимодействий и способов культурной трансляции является насущной потребностью при анализе различных типов культур внутри национальной культуры в условиях увеличения социальной сложности, вызванной взрывным ростом средств коммуникации и изощренностью коммуникационных технологий.

Ключевые слова: мультимедиа, новая культуральность, новая темпоральность, постнеклассика, цифровизация.

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена теме цифровых коммуникаций и их роли в современной жизни. Авторы ставят вопрос о девальвации как культуры коммуникации, так и культуры в целом, равным образом, обращают внимание на онтологические аспекты объекта.

Интерес к теме возник в связи с активизацией в гуманитарных исследованиях понятий с атрибутом *новый*: новая темпоральность, новая культуральность, новая социальность, новая медиальность [6; 7].

Не вызывает сомнений, что цифровые технологии, связанные с ИИ, модифицируют многие культурные смыслы, и бытие в настоящем приобретает качественно новые формы, поскольку границы реального и виртуального времени становятся диффузными. Мультимедийные тексты, которыми обменивается широкая аудитория, визуализируют жизненный опыт множества людей, и границы устойчивых повседневных связей и отношений приобретают новые свойства [19]. Этим объясняется привлекательность технологий для населения и его очарованность усиленными выразительными свойствами мультимедийных форматов в процессе сетевых коммуникационных практик.

Осмыслению подвергаются информационные процессы в топологическом пространстве сети и непосредственно в сегменте гуманитарного знания, а настоящие текстовые умозаключения отражают научный и культурный опыт, совпадающий с множеством эмпирик других исследователей [3; 8].

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется наличием очевидных изменений культурных и коммуникативных практик в XXI в., обусловленных процессом цифровизации.

Целью предлагаемого исследования является анализ современных трансформационных процессов в медиасфере и их влияния на социокультурное развитие в условиях глобализации и высокого темпа изменений.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего представим определение культуры, на которое мы опираемся.

В. С. Степин дал следующую дефиницию понятия: совокупность принятых в данном обществе представлений о мире и месте человека в этом мире. Всякая культура конкретна: сложившиеся представления определяют неповторимую природу человеческих взаимосвязей, присущих известному обществу в известное время – идет ли речь об античной Греции или о культуре современных Соединенных Штатов Америки [12].

Что касается культуральности, то последняя репрезентируется в работе как историческая социальная категория, открытая, динамическая, адаптивная область, обладающая признаками системности и онтологической, унифицирующей составляющей. Субъект современного цифрового, медиатизированного общества является ее репрезентантом, носителем культуры, которая соответствует цивилизационной стадии информационного общества.

Исследование трансформаций культуры, векторов и моделей ее развития является крайне важным делом, поскольку слишком быстро меняющаяся действительность, новая социальная структура общества, хаос медийных потоков не способствуют трансляции и сохранению материальных и духовных ценностей. Подобную картину сегодняшнего дня описал еще в начале 90-х годов прошлого века медиолог Д. Рашкофф. Напомним: этот автор ввел в научный оборот многие актуальные понятия, которые часто употребляются в работах наших ученых: медиавирус, цифровое поколение, социальная валюта, киберпанк. Д. Рашкофф подчеркнул и значимую примету современности: «единственная среда, в которой наша цивилизация еще может расширяться, единственный настоящий фронт – это <...> медиа» [11]. Добавим к этому рассуждению интересный прогноз Н. Негропonte о том, что человеческий глаз является неэффективным каналом коммуникации, поскольку он не в состоянии потреблять большие объемы информации, и это можно сделать через кровь [21]. Идею тут же подхватил Рэй Курцвейл, известный футуролог, технический директор Google, потрясший мир рядом предсказаний о «божественной» будущности человека, снабженного нанодатчиками: вживление наноботов позволит людям подключать не только глаз, но и мозг к компьютерам, и это даст интеллекту выход на новый уровень осознания мира. Так что внешние расширения человека, о которых писал М. Маклюэн, к 2030-м годам приведут к бессмертию [20].

Однако это уже будет другая культуральность в эволюции человека, когда расширение мозга позволит мыслить не совсем биологически, а и механистически, и в иерархии интеллекта возникнут новые, более глубокие, уровни чувств и способов самовыражения. Возможно, тогда осуществится перелом осевого времени истории, о котором писал К. Ясперс [19].

Тем не менее, к научно-эмпирической интерпретации создавшейся социокультурной ситуации следует подходить с осторожностью, возвращаясь, например, к трактовке категории темпоральности М. Хайдеггера. В известной книге «Бытие и время», в § 66 под названием «Временность присутствия и возникающие из нее задачи более исходного возобновления экзистенциального анализа», автор предупреждает об исследовательских ошибках в ходе временного анализа: «временность должна быть выверена на всех сущностных структурах основоустройства присутствия. Но это все равно не приведет к внешнему схематическому повторному прогону проведенных анализов в порядке их представления» [16, с. 372]. Ученый предостерегает: возможны фазовые нарушения фактора темпоральности. Кроме того, временной вектор прогрессивного (в профанном смысле) развития систем необязательно направлен, условно говоря, вперед. Он может быть направлен и назад. Строго говоря, понятие прогресса (лат. *pro* вперед, *gressus*, *us*, *m.*, шаг, движение) вне системы координат – неопределенный локально-темпоральный детерминант, простой дейктик, наделенный позитивным и благородным значением.

Не случайно, образ эволюционирующего мира, общественной или человеческой жизни Г.-Г. Гадамер, например, интерпретировал посредством эссеистической метафоры: текст – это ткань бытия, заполненная письменами разных народов, которые выражают семиотические значения национальных историй и культур. Исследовать глубинные или символические смыслы подобных текстов, давать им герменевтическое толкование так же трудно, как разгадать замысел их создателя, строя анализ на основе текучих и изменчивых ментальных, пространственных, временных или иных смысловых или сюжетных последовательностей [4, с. 72–91].

Цивилизационный кризис 20-х годов нового века привнес в ткань бытия знаки международной тревоги и опасности: в обществе крайне обострились противоречия, конфликтогенность межгосударственных, социально-экономических, религиозных и расовых отношений достигла опасного предела, если не точки бифуркации. Нарастающая в течение последних лет нестабильность социумов разных стран мира привела к аномии: неумеренно возросла миграция населения, увеличилось число безработных, бездомных людей и детей-сирот, необратимо разрушились институты семьи и брака. Дисфункции производственных и сельскохозяйственных предприятий привели к тому, что их территории и земли отданы в аренду или распроданы. Российские деревни, села, станицы вымирают и исчезают как административные единицы.

В связи с этим в медиологии и социологии распространились две доминирующие точки зрения. Согласно первой, в настоящее время наблюдается рост экономического неравенства и интенсивности социальной дискриминации и исключения. Согласно второй – современные социальные процессы соответствуют концепции многомерности неравенства и обладают множественностью форм проявления. Получается, что идеи Норберта Болца подтверждаются. Действительно, мы рождаемся разными: красивыми или безобразными, одаренными или со средними способностями, в бедных или богатых семьях. Следовательно, по этой причине бороться, например, за социальное или политическое равенство неразумно –

рациональнее сотрудничать, даже принадлежа к антагонистическим классам, системам и культурам [1].

Суть современного неравенства – в различии доступа к социально значимым ресурсам, материальным и информационным. Особенно болезненно это проявится в отношении медиапотребления. Точки бифуркации в системах возникают по закону эмерджентности, и в зависимости от технологических, программных возможностей платформ размещения стоимость медиапродуктов будет возрастать. Естественно, доступ к дорогим медиапродуктам, а также к приборам и технологиям, которые их создают, будет ограничен.

Конфигурация неравенства определяется мир-системным подходом и разными пониманиями глобализации. Так, по мнению И. Валлерстайна, именно глобальное расширение капитализма, интеграция всего мира в одну мир-экономику является предвестником потрясений: возможности внешней, экстенсивной экспансии исчерпаны [2]. Почти все известные источники роста уже мобилизованы. Предстоят большие перемены в разных сферах жизнедеятельности. Коммуникационные, информационные системы будут отражать внутригосударственные и мировые метаморфозы.

Безусловно, такая мир-ситуация требует всестороннего и срочного изучения, и значительную роль в этом процессе призваны сыграть глубокие исследования дестабилизации общественных систем, но еще более важным актом оказывается разрешение межэтнических и межгосударственных конфликтов, признание того, что социально-экономическое развитие любой страны, любого этноса должно опираться на веками выбранные традиции, обычаи и верования [5].

Национальные культуры стран, объединенных в конвенциональные государственные образования, не могут не утрачивать самобытности и исторической памяти, особенно в умах молодых поколений, развращаемых управляемыми потоками инфотелекоммуникационных симулякров, интенции которых – подменить и вытеснить из сознания прежние идеалы и ценности. Таким путем собственная идентичность народов уходит в прошлое и принимает характеристики глобальных модульных субсистем.

Современный мир человека и медиатехнологий текучий, призрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный. Растерянный индивидуум не доверяет информации, тем более что миллионы источников представляют хаотические, противоречивые сведения о маловажных или совершенно незначимых явлениях. Он психологически неустойчив, поскольку одним из проявлений нездорового состояния общества оказывается, по выражению Т. В. Черниговской, «синдром отложенной жизни» [17].

Понятно, что указанные параметры темпоральности (сокращенного настоящего) требуют осознания новой культуральности.

В исследованиях, как правило, идет речь о разных типах культур: об элитарной культуре, массовой культуре, народной культуре, а также о субкультурах досугового, возрастного, профессионального характера и о контркультуре криминальных сообществ.

В пространствах указанных типов авторы исследовательских эмпирик различают универсалии культур и культурные константы. Культурные универсалии историчны, они объединяют устойчивые, повторяющиеся образцы поведения, устройства быта и отношений, привычные верования, ценности и нормы, свойственные различным культурам мира. Культурные универсалии, как правило, отражают обобщенный цивилизационный опыт. Человек любой национальности, социальной среды или географической локации обладает обобщенной и универсальной системой знаков, системой единых кодов человечества. Так происходит потому, что все люди устроены по одним и тем же биологическим законам, имеют одинаковые природные потребности.

Культурные константы, напротив, определяют особенности мировоззрения, мировосприятия и мироощущения носителей культуры [10; 15].

Академик В. С. Степин в своих трудах представил философскую онтологию исторических форм познания и экзистенциальности культур [13]. Предлагаемый автором постнеклассический подход к характеристике объектов – культурных, философских, деонтологических, медийных, социальных – позволил квалифицировать эпистемологические комплексы как саморегулирующиеся, саморазвивающиеся системы [14].

Бесспорно, что любая национальная культура панхронична, неисчерпаема и многолика. Особенно это характерно для великих культур, к которым относится русская культура. Сегодня цифровая виртуальная среда поглотила практически все формы человеческого бытия, но социально-экономическое развитие общества, его культурная эволюция невозможны в условиях зачеркивания, или отказа от собственных вековых традиций, обычаев и верований. С другой стороны, непродуктивно и опасно преувеличение роли отдельных национальных традиций в жизни интеграционных обществ, это приводит к жестким межэтническим конфликтам, религиозным войнам и противостояниям идеологий.

Во многих публичных выступлениях политологов, в трудах социологов, историков подчеркивается значительная разъединяющая роль религий как фактора ксенофобии, экстремизма и ненависти. Действительно, в истории человечества религиозная принадлежность часто являлась поводом для столкновения цивилизаций. Нельзя отрицать, что современный терроризм, насилие, захват и убийства иноверцев базируется на агрессивных идеологиях. Однако специфика коммуникативных практик народов даже в условиях глобализации состоит в том, что несет следы национальной и религиозной принадлежности.

Что касается социокультурной ситуации в нашей стране, то есть смысл различать культуру замкнутого типа высших политических и экономических элит, массовую культуру миллионов трудящихся и поп-культуру представителей шоу-бизнеса, элитарную культуру высокообразованной части интеллигенции, культуру вертикального варварства растущих рядов прекариата, подтип фольклорной культуры рафинированного народного искусства, тиражируемую благодаря концертной деятельности региональных коллективов, множество молодежных игровых, досуговых и профессиональных субкультур. Каждая разновидность культурных сообществ России нуждается в дальнейших интегративных исследованиях.

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование подтверждает, что сегодняшняя ситуация новой культуральности порождена столкновением двух разновекторных феноменов – цивилизационного кризиса и развития цифровых технологий. В результате унифицируются национальные культуры стран, разрушаются аксиологические системы, а собственная идентичность народов уходит в прошлое и принимает характеристики глобальных модусных субсистем. Эта новая данность требует, с одной стороны, противодействия, с другой заставляет прогнозировать возможные коммуникативные метаморфозы.

Список литературы

1. *Болыч Н.* Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга», 2001. – 416 с.
3. *Воронина Н. И.* Культура XXI века: модернизация или прорыв в новую реальность // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М. С. Кагана: мат-лы междунар. науч. конф-ии. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. – СПб.: 2001. – С. 190–193.
4. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 366 с.
5. *Галоян А. С.* Глобализация и проблема национально-культурной идентичности: Автореф. дис. ... канд. философских н.: 09.00.13. – СПб., 2015. – 24 с.
6. *Головашина О. В.* Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // *Философия и общество.* – 2016. – № 3 (80). – С. 42–56.
7. *Дроздова А. В.* Новая темпоральность повседневных практик в онлайн-коммуникации // *Ярославский педагогический вестник.* – 2019. – № 4 (109). С. 173–177.
8. *Лазарев М. А., Стукалова О. В.* Девальвация гуманитарного знания в высшем образовании: пути преодоления кризиса // *Научно-педагогическое обозрение.* – 2020. – № 2 (30). – С. 161–171.
9. *Панфилова Т. В.* Универсалии культур как философская проблема // *Философия и общество.* – 2021. – № 3 (100). – С. 55–68.
10. *Приходько Ю. А., Журавель А. Д.* Культуральность и/или культура субъекта в профессиональном психотерапевтическом пространстве // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal).* – 2015. – № 2. – С. 128–132.
11. *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – С. 6. – Режим доступа: <https://geopolitikum.org/wp-content/uploads/2020/06/Mediavirus-Rashkoff-Duglas.pdf>. – (Дата обращения: 17.11.2023).
12. *Степин В. С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // *Гуманитарные науки.* – 2011. – № 1. – С. 8–17.
13. *Степин В. С.* Человеческое познание и культура. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2013. – 140 с.
14. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // *Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография.* – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249–295.
15. *Тихонова В. Л.* Эволюция категорий культуры в социокультурной парадигме XX века (на примере работ представителей школы «Анналов» и А. Я. Гуревича): автореф. дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Астрахань, 2015. – 20 с.
16. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

17. Черниговская Т. В. Тревожность. Синдром отложенной жизни. Человек в цифровую эпоху // YouTube. – 25 июня 2023 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=XR9JfwJYhpg>. – (Дата обращения: 17.11.2023).
18. Щюц А. О. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. – 2003. – Том 3, № 2. – С. 3–34.
19. Ясперс К. Истоки истории и её цель / Смысл и назначение истории. – М.: «Политиздат», 1991. – Режим доступа: <https://djvu.online/file/x0Ox2zvTU0jY8>. – (Дата обращения: 17.11.2023).
20. Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: Девять шагов на пути к вечной жизни. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2015. – 384 с.
21. Negroponte Nicholas. 1995. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf. – Режим доступа: <https://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf>. – (Дата обращения: 17.11.2023).

References

1. Bolz N. *Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo* [Thinking about inequality. Anti-Russo]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2014. 272 p.
2. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 416 p.
3. Voronina N. I. *Kultura XXI veka: modernizatsiya ili proryv v novuyu realnost* [Culture of the 21st century: modernization or breakthrough into a new reality]. *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu professora M. S. Kagana: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 18 maya 2001 g. Sankt-Peterburg*. St. Petersburg, 2001, pp. 190–193.
4. Gadamer G.-G. *Aktualnost prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 366 p.
5. Galoyan A. S. *Globalizatsiya i problema natsionalno-kulturnoy identichnosti: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.13* [Globalization and the problem of national-cultural identity. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2015. 24 p.
6. Golovashina O. V. *Temporalnost v issledovaniyakh sotsialnogo: konstruirovaniye vremeni i vremenem* [Temporality in social studies: constructing time and time]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2016, no. 3 (80), pp. 42–56.
7. Drozdova A. V. *Novaya temporalnost povsednevnykh praktik v onlayn-kommunikatsii* [New temporality of everyday practices in online communication]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2019, no. 4 (109), pp. 173–177.
8. Lazarev M. A., Stukalova O. V. *Devalvatsiya gumanitarnogo znaniya v vysshem obrazovanii: puti preodoleniya krizisa* [Devaluation of humanities in higher education: ways to overcome the crisis]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, 2020, no. 2 (30), pp. 161–171.
9. Panfilova T. V. *Universalii kultur kak filosofskaya problema* [Universals of cultures as a philosophical problem]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2021, no. 3(100), pp. 55–68.
10. Prikhodko Yu. A, Zhuravel A. D. *Kulturalnost i/ili kultura subekta v professionalnom psikhoterapevticheskom prostranstve* [Culturality and/or culture of the subject in the professional psychotherapeutic space]. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 2015, no. 2, pp. 128–132.
11. Rushkoff D. *Mediavirus. Kak pop-kultura tayno vozdeystvuet na vashe soznanie* [Media virus. How Pop Culture Secretly Affects Your Mind], pp. 6. Available from: <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/06/Mediavirus-Rashkoff-Duglas.pdf>. (accessed 17 November 2023).
12. Stepin V. S. *Filosofskiy analiz mirovozzrencheskikh universalii kultury* [Philosophical analysis of ideological universals of culture]. *Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 1, pp. 8–17.

13. Stepin V. S. *Chelovecheskoe poznanie i kultura* [Human cognition and culture]. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov Publ., 2013. 140 p.
14. Stepin V. S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classic, non-classical, post-non-classical: criteria for differentiation], in *Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura: kollektivnaya monografiya*. – SanktPeterburg, Mir Publ., 2009, pp. 249-295.
15. Tikhonova V. L. *Evolyutsiya kategoriy kultury v sotsiokulturnoy paradigme XX veka (na primere rabot predstaviteley shkoly «Annalov» i A. Ya. Gurevicha): avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 24.00.01* [The evolution of cultural categories in the sociocultural paradigm of the 20th century (based on the example of the works of representatives of the Annales school and A. Ya. Gurevich). Abstract of thesis]. Astrakhan, 2015. 20 p.
16. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov, Folio Publ., 2003. 503 p.
17. Chernigovskaya T. V. *Trevozhnost. Sindrom otlozhennoy zhizni. Chelovek v tsifrovuyu epokhu* [Anxiety. Delayed life syndrome. Man in the digital age]. YouTube, 25 June 2023. Available From: <https://www.youtube.com/watch?v=XR9JfwJYhpg>.
18. Schütz A. O. *O mnozhestvennosti realnostey* [About the plurality of realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.
19. Jaspers K. *Istoki istorii i ee tsel* [The origins of history and its purpose] in *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. Available at: <https://djvu.online/file/x0Ox2zvTU0jY8>. (accessed 17 November 2023).
20. Kurzweil R., Grossman T. *Transcend: Devyat shagov na puti k vechnoy zhizni* [Transcend. Nine steps to living well forever]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2015. 384 p.
21. Negroponte Nicholas. 1995. *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf. Available from: <https://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf>. (accessed 17 November 2023).

THE NEW CULTURALITY OF DIGITALIZED TIME

Maltseva R. I., Shakhbazian M. A.

The article discusses the concepts of culturality, culture, digital society and other sociocultural realities of the present time. The impact of digitalization on the state media space is analyzed, and the role of information and telecommunications in the confrontation between civilizations is determined. As a result of the analysis, the most significant changes in the sociocultural sphere are characterized, which are generated by new media technologies and are innovative both in form and content. At the same time, it is indicated that this leads to instability both at the individual level and at the level of society, an increase in socio-economic, religious, racial contradictions, and loss of identity. The aggravation of the problem of inequality is inevitably reflected in the unevenness of media consumption, which will also increase. The balancing component is the traditional culture with its cultural constants. Understanding cultural interactions and methods of cultural transmission is an urgent need when analyzing different types of cultures within a national culture in the context of increasing social complexity caused by the explosive growth of the means of communication and the sophistication of communication technologies.

Keywords: multimedia, new culturality, new temporality, post-non-classical, digitalization.

УДК 81`42

**ЯЗЫК САНКЦИЙ
КАК РЕАЛИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ:
ДИАГНОСТИКА, ТИПОЛОГИЯ, ПРОГНОЗ
(МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛОКАЦИЯ)**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru*

Статья посвящена идентификации и описанию языка санкций – когнитивно-коммуникативной системы вербальных средств, с помощью которых строится ограничительно-наказывающая политико-экономическая коммуникация между лицами, организациями и государствами, а также коммуникация, преодолевающая ограничительно-наказывающие факторы. Эта коммуникация воссоздается (воспроизводится) в массмедийном пространстве.

Язык санкций как система обладает такими характеристиками, как: хронологические и локальные границы; адресантность и адресность; тематическая и модальная целостность; гомеостатичность; одновременная открытость и закрытость границ; нелинейность.

С помощью санкциологем – единиц, вербально эксплицирующих санкции в медиадискурсе – язык санкций отображает политико-экономические ограничения в отношении России в медиaprостранстве и способы противодействия им.

Ключевые слова: язык санкций; когнитивно-коммуникативная система; санкциологема, санкциологема-аттрактор; санкциологема-репеллер; информационное противостояние.

ВВЕДЕНИЕ

Экстралингвистическая постановка проблемы

24 февраля 2022 г. президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о начале специальной военной операции на Украине [15]. Эта ситуация стала не только «началом нового этапа развития России в XXI веке» и драйвером «масштабных и необратимых изменений, касающихся не только нашей страны, но и всего мира» [9, с. 9], а и очередной точкой бифуркации в глобальном информационном противоборстве.

Лингвистическая постановка проблемы

В связи со специальной военной операцией активизировалась санкционная политика Запада и США в отношении России: к «многоязычию» информационного противостояния – языку власти, языку вражды – присоединился язык санкций.

Прежде чем дать определение языку санкций, уточним значение таких терминов, как «информационное противостояние» и «санкции».

Под **информационным противостоянием** понимается когнитивно-коммуникативная система, в которой проводятся манипулятивные/суггестивные действия деструктивного/конструктивного характера, применяемые одной группой лиц в отношении другой группы лиц с целью получения политической, экономической или психологической выгоды (власти, прибыли, господства) или противодействия этой выгоде.

В лингвистических словарях термин «санкция» [лат. *sanctio* – освящение, нерушимый закон, строжайшее постановление] в единственном числе имеет три основных значения: «1) утверждение чего-л. высшей инстанцией; разрешение; 2) мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор; 3) определенная мера воздействия, наказания по отношению к провинившейся стороне» [8]; во множественном числе – одно значение, реализующееся в дискурсе международного права:

санкции – «мероприятия, *репрессии* (курсив наш. – А. Ш., О. С.) против стороны, нарушающей свои обязательства, договоры (нов. полит.)» [20].

В энциклопедических словарях термин тоже используется во множественном числе:

санкции – «меры принудительного экономического воздействия за нарушение установленного порядка деятельности, имеют предупредительную, компенсационную или *репрессивную функцию* (курсив наш. – А. Ш., О. С.) и, как правило, окончательный, не подлежащий пересмотру характер» [3, с. 746].

Таким образом, наблюдается актуализация значения термина «санкции»: он трактуется как репрессивная практика, применяемая одной стороной в отношении другой стороны.

Исходя из определений терминов «информационное противостояние» и «санкции», предлагаем дефиницию термина «язык санкций».

Язык санкций – когнитивно-коммуникативная система вербальных средств, с помощью которых строится ограничительно-наказывающая политико-экономическая коммуникация между лицами, организациями и государствами, а также коммуникация, преодолевающая ограничительно-наказывающие факторы. Эта коммуникация воссоздается (воспроизводится) в массмедийном пространстве.

Язык санкций выступает одним из средств интеракции в информационном противостоянии.

История вопроса

Впервые о языковой репрезентации санкций в массмедийном дискурсе в контексте информационной конфронтации Запада, США и России лингвисты заговорили в 2014 г., после подписания договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь, и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [7].

Можно выделить 3 основных аспекта рассмотрения этой проблематики в период с 2014 г. по 2023 г.:

1. *Лексико-семантический аспект* – изучение пласта неологизмов и лексических средств-пейоративов [11, с. 61–65], связанных с санкционными последствиями в мировой экономике и используемых в современных немецких и британских СМИ.

2. *Когнитивный аспект* – интерпретация культурных сценариев так называемых «крымских» санкций в отношении России в русскоязычном медиaprостранстве в 2014 году [4, с. 161–169]; описание динамики

становления и формирования концептуальных метафор «со сферой-мишенью «Экономические санкции» в британских, американских и российских СМИ [13, с. 97–99], «Санкции – это оружие», «Санкции – это война» в газетном подкорпусе Национально корпуса русского языка 2014 г. [16, с. 79–82], концептов «санкции против России» в интернет-коммуникации 2014–2016 гг. [12, с. 39–43], «импортозамещение» в русскоязычных медиатекстах 2014–2017 гг. [19, с. 76–82] и фрейма «санкции» в англоязычном телевизионном дискурсе [17, с. 39–144]; категоризация санкционных продуктов питания в координатах наивной, научной и торгово-экономической картинах мира [6, с. 237–239].

3. *Коммуникативный аспект* – выделение стратегий и тактик, депроблематизирующих экономические санкции в российских печатных медиа в 2014 г. [10, с. 256–269], нивелирующих/ продвигающих тему антироссийских санкций в российских и литовских СМИ в 2016 г. [14, с. 278–281], а также описание стратегии санкционирования в российском политическом медиадискурсе [2, с. 67–68]; легитимирование нового типа дискурса – санкционного дискурса, описание его антиномической природы [5, с. 71–75].

Методика исследования

В статье использован комплексный подход, основанный на междисциплинарном взаимодействии и позволяющий, по словам Ф. де Соссюра, «распахнуть двери перед целым рядом наук <...>, которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые <...> могли бы включить речевую деятельность в сферу своей компетенции» [18, с. 51].

Для идентификации языка санкций как системы применяется принцип «системной методологии» [1, с. 324], предполагающий изучение данной системы с привлечением теоретико-методологического аппарата лингвистики, кибернетики и синергетики.

Описательный метод интерпретирует особенности языка санкций как системы.

Цель статьи – описать язык санкций как когнитивно-коммуникативную систему в аспекте ее экспликации в медиа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Язык санкций как система обладает такими характеристиками, как: хронологические и локальные границы; адресантность и адресность; тематическая и модальная целостность; гомеостатичность; одновременная открытость и закрытость границ; нелинейность.

Рассмотрим каждую из них.

В статье разбираются тексты российских медиа – репрезентанты языка санкций в период с 25 февраля 2022 г. по 25 октября 2023 г.

Язык санкций является коллективно-авторским образованием, представленным сверхадресантом (идейным координатором, «заказчиком») и собственно адресантом

(журналистами, блогерами, обыкновенными потребителями информационного контента).

Адресат, с одной стороны, пребывает под влиянием идей сверхадресанта и собственно адресанта, с другой, разделяя их идеи, потребляет информационный «продукт» по своему усмотрению: не поддерживает/ поддерживает санкционную политику в отношении России.

Тематическая целостность языка санкций обусловлена единой гипертемой, которой подчинены частные темы – описать концепцию Запада и США по политико-экономическому ограничению всех сфер жизни России, а также воспроизвести ответную стратегию России по преодолению этих ограничений.

Модальная целостность выражается в оценке правового и этического содержания гипертемы и частных тем.

Гомеостатичность языка санкций проявляется в способности продвигаться к заданной цели в сложившихся условиях, выполнять «свою программу» – отображать политико-экономические ограничения в отношении России в медиaprостранстве и противодействовать им.

Способствуют этому **санксиологемы** – единицы, которые вербально эксплицируют санкции в медийном дискурсе.

Они делятся на аттракторы (англ. attract – притягивать) и репеллеры (англ. repel – отталкивать).

Санксиологема-аттрактор – вербальная единица, воплощающая концептуальную идею санкций, ограничительно-наказывающую, в медийном тексте.

Санксиологема-репеллер – вербальная единица, реализующая антиконцептуальную, преодолевающую, идею санкций в медийном тексте.

Санксиологемы-аттракторы являются единицами, способствующими внутренней смысловой закрытости когнитивно-коммуникативной системы «Язык санкций», а санксиологемы-репеллеры – единицами, которые обеспечивают ее смысловую открытость.

Нелинейность языка санкций обнаруживается в одновременном формировании в сознании адресата бинарных оппозиций «санкционное наказание» – «санкционная компенсация», что обеспечивается упорядочением, систематизацией и классификацией санксиологем.

Анализ материала

Как отмечалось, объектом исследования стали санксиоцентрические тексты российских медиа, предметом – особенности языка санкций в этих текстах в период с 25 февраля 2022 г. по 25 октября 2023 г. Проанализировано 2000 медиатекстов.

Нам удалось выделить такие группы санксиологем:

Персонализированные санксиологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на конкретное лицо, группу лиц.

Пример персонализированных санкциологем-аттракторов:

*Япония внесла в санкционный список шесть человек из руководства России, включая президента страны Владимира Путина, замглавы Совета безопасности Дмитрия Медведева и главу МИДа Сергея Лаврова. <...> МИД Японии заявил, что правительство страны также **ввело персональные санкции против** министра обороны России Сергея Шойгу, начальника генштаба ВС Валерия Герасимова и секретаря Совета безопасности Николая Патрушева (<https://lenta.ru/news/2022/03/01/japan/>. 01.03.2022).*

Пример персонализированных санкциологем-репеллеров:

*Россия **ввела персональные санкции** в отношении президента США Джо Байдена, госсекретаря США Энтони Блинкена <...>. В российский санкционный лист также **включены** помощник президента США по национальной безопасности Джейкоб Салливан, директор ЦРУ Уильям Бернс, пресс-секретарь Белого дома Дженнифер Псаки <...> (<https://www.interfax-russia.ru/main/rossiya-vvela-personalnye-sankcii-v-otnoshenii-baydena-i-blinkena>. 15.03.2022).*

Корпоративизированные санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на организацию, предприятие, концерн.

Пример корпоративизированных санкциологем-аттракторов:

*Евросоюз намерен **ввести** новые санкции **против** «Роснефти», «Транснефти» и «Газпром нефти», заморозив инвестиции в проекты по добыче и разведке всех видов ископаемого топлива (<https://oilcapital.ru/news/2022-03-15/es-nameren-vvesti-novye-sanktsii-protiv-treh-neftyanyh-kompaniy-rf-reuters-1038869>. 15.03.2022).*

Пример корпоративизированных санкциологем-репеллеров:

*Правительство утвердило перечень европейских и американских компаний, в отношении которых **вводятся ответные санкции**. <...> В список попали в основном бывшие «дочки» «Газпрома», включая **Gazprom Germania**. Компания в свою очередь управляет бывшими европейскими активами «Газпрома», которые тоже вошли в **санкционный перечень: Gazprom NGV Europe, Wingas, Astora, Gazprom Marketing&Trading, Vemex и другие** (<https://www.forbes.ru/biznes/465239-rossia-vvela-otvetnye-sankcii-protiv-kompanij-evropy-i-ssa>. 11.05.2022).*

Гендерные санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на женщин и мужчин.

Пример гендерных санкциологем-аттракторов:

*Причиной дефицита женских товаров в начале марта стали потребительский ажиотаж, нехватка импортного сырья и логистический коллапс, вызванные введением санкций. Глобальные компании-производители уже уведомили поставщиков о повышении цен. На маркетплейсах цена упаковки **прокладок** может достигать 1000 рублей (или 50 рублей за одну прокладку). Чуть дешевле **прокладки***

можно купить на сервисах частных объявлений, например, на «Авито» <...> (<https://www.forbes.ru/forbes-woman/459917-simvol-svobody-kak-na-zensin-povliaet-rost-cen-na-gigienicheskie-prinadleznosti>. 23.03.2022).

Пример гендерных санкциологем-репеллеров:

В Удмуртии в рамках импортозамещения запустят производственную линию по выпуску женских гигиенических прокладок. Производство планирует открыть ижевское предприятие «Локомотив». Производственные мощности предприятия позволяют ему полностью заместить продукцию китайских и других иностранных производителей (<https://udm-info.ru/news/tech/23-05-2022/zhenskie-gigienicheskie-prokladki-nachnut-vypuskat-v-udmurtii>. 23.05.2022).

Этнические санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на людей по признаку этнической принадлежности.

Пример этнических санкциологем-аттракторов:

Елена Ерофеева (имя и фамилия изменены по просьбе респондента – прим. ред.), переехавшая на постоянное место жительства из Тюмени в пригород Мюнхена (Германия), рассказала о том, что столкнулась там с оскорблениями в свой адрес по национальному признаку. Так, в один из дней к ней с мужем подошел незнакомый мужчина и назвал семейную пару «русскими собаками». Об этом она сообщила в беседе с URA.RU (<https://ura.news/news/1052537902>. 11.03.2022).

Пример этнических санкциологем-репеллеров:

Правозащитная организация «Центр правовой помощи против русофобии» начинает работать в Испании в связи с ростом проявлений ненависти и враждебности по отношению к людям и организациям, имеющим отношение к России. В ассоциацию вошли испанские адвокаты и правозащитники, которые считают развернувшуюся в западных странах русофобию постыдным явлением, ущемляющим права граждан страны и временно проживающих в Испании граждан других государств (<https://gossaprimavera.ru/news/76a09c89>. 22.04.2022).

Возрастные санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на людей по признаку возраста.

Пример возрастных санкциологем-аттракторов:

Lego приостановил поставки игрушек в Россию
Причина в санкциях, из-за которых сложились «непредсказуемые условия», сказал представитель компании
(<https://www.rbc.ru/business/03/03/2022/622091a09a79478816e4868e>. 03.03.2022).

Пример возрастных санкциологем-репеллеров:

Юные жители Пятигорска и их наставники из центра молодёжного инновационного творчества получили патент на изобретение элемента отечественного конструктора «М-АР-ГО». Как «Вечерний Ставрополь» со ссылкой на региональное минэкономразвития, это 3 патент в копилке центра «Hi-

Тех Импульс» и I в статусе изобретения. Инженеры считают, что разработанный ими конструктор сможет заменить ушедший из России Lego. Он понравится как взрослым, так и детям (<https://news.1777.ru/85802-vmesto-lego-m-argo-yunye-inzheneriy-iz-pyatigorsk-pridumali-novyy-konstruktor>. 01.09.2022).

Консюмеристские санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на людей по признаку их потребительских пищевых и промышленных предпочтений.

Примеры консюмеристских санкциологем-аттракторов:

*«Макдоналдс» с 14 марта временно приостановит обслуживание в предприятиях сети по всей России (<https://rb.ru/news/mcdonalds-stop/>. 11.03.2022); **Брендозамещение не прошло проверку. <...> McDonald's подрезали крылья. Роспатент не будет регистрировать аналоги товарных знаков известных международных компаний, которые объявили о временном уходе с российского рынка** (<https://www.kommersant.ru/doc/5294337>. 05.04.2022).*

Дьявол уносит Prada. Модные бренды уходят из России на фоне санкций. <...> Политическая повестка вызвала закрытие или приостановку в России деятельности магазинов люксовых и массмаркетных брендов обуви, одежды и аксессуаров, – от H&M и Adidas до Prada и Louis Vuitton. Обычно причины формулируются довольно обтекаемо, как в заявлении компании Kering (владелец Gucci, Balenciaga, Saint Laurent и других): «в связи с растущими опасениями по поводу текущей ситуации в Европе» (https://lenta.ru/articles/2022/03/10/antisanction_fashion/. 10.03.2022).

Примеры консюмеристских санкциологем-репеллеров:

«Бургерозамещение» в действии: как общепит Кубани компенсирует еду из ушедшего McDonald's. <...> После закрытия «Макдональдса» и других сетей общепита, где торговали популярным в России фастфудом, российские владельцы предприятий общепита активно предлагают любителям бургеров замену. В меню некоторых кафе, ресторанах, кулинарий, закусовых появились свои «маки» и бургеры в различных вариациях (<https://krasnodarmedia.su/news/1256624/>. 21.03.2022).

Но есть и позитивные оценки ситуации. Например, основатель бренда экошуб ANSE Мария Кошкина уверена, что отечественные производители вполне способны заместить ушедших игроков. «В России достаточно количество брендов, предоставляющих одежду, обувь и аксессуары высокого качества». При этом эксперт обращает внимание на сложности со скоростью замещения товара и с ценовой политикой брендов (<https://kontur.ru/articles/6674>. 11.05.2022).

Валютные санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие / преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на валютно-финансовый рынок России.

Пример валютных санкциологем-аттракторов:

Рубль рухнул после новых санкций: как Центробанк помогает россиянам. Ориентироваться на стоимость российской национальной валюты можно по рынку Forex. В начале торгов рубль обновил исторический рекорд. Курс валюты по

отношению к доллару составил 117,8 рубля, к евро – 132,8 рубля. Позже российская валюта namного отыграла позиции, но феноменальное падение было зафиксировано. Таких цифр страна не видела даже после введения санкций в 2014 году из-за событий в Крыму (<https://www.eg.ru/society/1995382-rubl-ruhnul-posle-novyh-sankciy-kak-centrobank-pomogaet-rossiyanam/>. 28.02.2022).

Пример валютных санкциологем-репеллеров:

«Токсичные валюты». Почему рубль резко окреп к евро и доллару. <...> Курс евро и доллара стремительно падают, свидетельствуют данные Мосбиржи. Доллар опускался ниже 54 рублей впервые с 1 июля. А евро – до 51,2 – ниже пиковых значений марта 2014 года, когда Крым вошел в состав России (<https://www.gazeta.ru/business/2022/09/30/15555337.shtml>. 30.09.2022).

Технологические санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие/преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на технологический рынок России.

Пример технологических санкциологем-аттракторов:

Нанометровые санкции: невозможная война за микропроцессоры между Россией и Западом. Крупнейшие мировые производители компьютерных процессоров и полупроводников заявили о присоединении к санкциям против России. Процессоры для пользовательских ПК, серверов и систем хранения данных в нашу страну поставляться не будут. Громкие слова внушают пессимизм обывателю. На практике же подобные шаги оставят без микроэлектроники почти весь мир (<https://globalaffairs.ru/articles/nanometrovye-sankcii/>. 05.03.2022).

Пример технологических санкциологем-репеллеров:

Малайзия намерена завалить Россию дефицитными полупроводниками и не вводит санкции. Россия может рассчитывать на поставки микроэлектроники из Малайзии, уверен посол этой страны в России. Малайзия является одним из крупнейших экспортеров полупроводников в мире, и антироссийские санкции она пока не поддерживает (https://www.cnews.ru/news/top/2022-04-25_malajziya_poobeshchala_zavalit. 25.04.2022).

Символоцентрические санкциологемы – вербальные единицы, транслирующие/преодолевающие ограничительно-наказывающие меры воздействия на прецедентные знаки – репрезентанты внешней и внутренней политики России [21].

Пример символоцентрических санкциологем-аттракторов:

Власти Казахстана прорабатывают введение запрета на товары с «этнополитизированной символикой» в стране – речь идет в том числе о ЧВК «Вагнер» и буквах Z или V (<https://www.rbc.ru/politics/05/08/2023/64cda5c89a79472d55b1a315>. 05.08.2023).

Пример символоцентрических санкциологем-репеллеров:

На Кубани проходит патриотический фестиваль художественного творчества «ЗА РОДИНУ!» (<https://призыв24.рф/obshhestvo/60014-vyrazi-ljubov-k-rodine-v-proizvedenijah-iskusstva/> 12.10.2023).

ВЫВОДЫ

1. Язык санкций как когнитивно-коммуникативная система стал вербальной реальностью 2022–2023 гг.
2. В результате исследования идентифицированы и классифицированы санкциологемы-аттракторы и санкциологемы-репеллеры – составляющие языка санкций, репрезентированного в русскоязычном медиапространстве.
3. Продуктивными вербальными средствами выражения санкциологом выступили прецедентные имена (называющие значимых персон, а также знаковые компании, бренды); имена собственные, претендующие на прецедентность; термины; окказиональные термины; лексика, называющая товары потребления, валюты, технологии; инвективная лексика; прецедентные знаки – элементы латинского алфавита; глаголы «уходить», «приостанавливать».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык санкций может быть рассмотрен как инструмент информационного противостояния. В связи с этим представляется перспективным предпринять следующие научно-исследовательские меры:

- применяя лингвистические методы, идентифицировать, упорядочить и систематизировать санкциологемы англоязычных медиатекстов для унификации языка санкций;
- используя методы медиаисследований, составить алгоритм подачи санкциологем-аттракторов и санкциологем-репеллеров в медиапространстве для ведения и отражения информационных атак;
- консолидируя изыскательские трансдисциплинарные усилия, разработать прототип программного продукта «Национальный корпус языка информационной войны».

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: [учеб. пособ.]. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. *Астахова К. А.* Тактика ограничения как составляющая стратегии санкционирования в российском политическом медиатексте // *Политическая лингвистика.* – 2017. – № 5. – С. 66–69.
3. *Барихин А. Б.* Большая юридическая энциклопедия. – М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
4. *Вепрева И. Т., Купина Н. А.* «Крымские» санкции: культурный сценарий и его развороты // *Известия Уральского федерального университета.* – 2014. – Серия 2. Гуманитарные науки. – № 16 (3 (130)). – С. 161–170.
5. *Виданов Е. Ю., Литвиненко Ю. Ю.* Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования.* – 2022. – № 2 (35). – С. 71–75.
6. *Дзюба Е. В.* Лингвистические секреты продуктового эмбарго, или о том, что нового узнал потребитель в результате экономических санкций // *Политическая лингвистика.* – 2014. – № 4. – С. 237–239.

7. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. – 2014. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605>. – (Дата обращения: 10.11.2023).
8. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2000. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/c/санкции>. – (Дата обращения: 10.11.2023).
9. *Ильин В. А., Морев М. В.* Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 9–30.
10. *Казун А. Д.* Почему россияне не боятся экономических санкций? Контрриторические стратегии печатных СМИ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1 (131). – С. 256–271.
11. *Ковязина М. А., Ильющия Т. А., Хабибуллина С. Б.* Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 61–67.
12. *Косова О.* Особенности отражения события «санкции против России» языковым сознанием адресанта в интернет-коммуникации // Przegląd Rusycystyczny. – 2016. – № 4. – С. 35–44.
13. *Кропотухина П. В., Тихонов В. В.* Метафоры и «контрметафоры» санкционного дискурса // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 97–101.
14. *Макарова В. В.* Риторические стратегии в медиадискурсах России и Литвы (на материале текстов об антироссийских санкциях) // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. – 2017. – С. 278–283.
15. Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. – (Дата обращения: 19.11.2022).
16. *Пинелли Э.* Санкции против России: представление первой фазы санкционного процесса в российских СМИ // *Rhema. Рема*. – 2019. – № 4. – С. 70–85.
17. *Рыхлова А. В.* Лингвистические особенности репрезентации темы санкций на информационном портале ВВС // Личность-Язык-Культура. – 2017. – С. 139–144.
18. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. [редакция Ш. Балли и А. Сеше / пер. с франц. А. Сухотина]; [примечания / пер. с франц. С. В. Чистяковой.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
19. *Тарасова М. С.* Актуальная лексика периода экономических санкций 2014–2017 гг. «импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации // Политическая лингвистика. – 2018. – № 3. – С. 76–83.
20. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940). – Т. 4. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/c/санкция>. – (Дата обращения: 10.11.2023).
21. *Шилина А. Г., Субботина О. А.* Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков *Z, V, O* в медиaprостранстве (на материале Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 3. – С. 167–177.

References

1. Alefirenko N. F. *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Modern Problems of Language Science]. – M., 2005. 416 p.
2. Astahova K. A. *Taktika ogranicheniya kak sostavlyayushchaya strategii sankcionirovaniya v rossijskom politicheskom mediatekste* [Restriction Tactics as a Constituent Part of the Sanctioning Strategy in the Russian Political Media Text]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no. 5, pp. 66–69.
3. Barihin A. B. *Bol'shaya yuridicheskaya enciklopediya* [Big Legal Encyclopedia]. – M., 2010. 960 p.
4. Vepreva I. T., Kupina N. A. «Krymskie» sankcii: kul'turnyj scenarij i ego razvoroty [“Crimean” Sanctions: The Cultural Scenario and Its Reversals]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 16 (3 (130)), pp.161–170.
5. Vidanov E. Yu., Litvinenko Yu. Yu. *Antinomii sankcionnogo diskursa (na primere vyskazyvanij ob antirossijskih sankciyah)* [Antinomies of Sanctions Discourse (The Case of Rhetoric About Anti-Russian Sanctions)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2022, no. (2 (35)), pp. 71–75.
6. Dzyuba E. V. *Lingvisticheskie sekrety produktovogo embargo, ili o tom, chto novogo uznal potrebitel' v rezul'tate ekonomicheskikh sankcij* [Linguistic Secrets of the Food Embargo, or What the Consumer Has Learned as a Result of Economic Sanctions]. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no. 4, pp. 237–239.
7. *Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Krym o prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub'ektov* [Agreement between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation]. – Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (accessed: 10.11.2023).
8. Efremova T. F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and Word Formation]. – Available at: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/c/санкции>. (accessed: 10.11.2023).
9. Il'in V. A., Morev M. V. *Rubikon projden: 24 fevralya 2022 g. nastupil novyj etap razvitiya Rossii v XXI veke* [The Rubicon has been crossed: February 24, 2022, Russia entered a new stage in its development in the 21st century]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022, V. 15, no. 2, pp. 9–30.
10. Kazun A. D. *Pochemu rossiyane ne boyatsya ekonomicheskikh sankcij? Kontrritoricheskie strategii pechatnyh SMI* [Why are Russians not afraid of economic sanctions? Print media counter-rhetoric strategies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2016, no. № 1 (131), pp. 256–271.
11. Kovyazina M. A., Il'yushchenya T. A., Habibullina S. B. *Sredstva vyrazheniya otricatel'noj ocenki pri opisanii sankcionnoj politiki zapadnyh stran v otnoshenii Rossii i rossijskih otvetnyh sankcij v tekstah britanskih setevyh SMI: korpusnoe issledovanie* [Negative evaluative language in description of anti-Russian sanctions policy and of Russian counter-sanctions in British online media discourse: a corpus research]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. № 2 (68), pp. 61–67.
12. Kosova O. *Osobennosti otrazheniya sobytiya «sankcii protiv Rossii» yazykovym soznaniem adresanta v internet-kommunikacii* [The Main Features of the Event “Sanctions against Russia” Reflected in the Addresser’s Linguistic Consciousness in the Internet Communication]. *Przegląd Rusycystyczny*, 2016, no. 4, pp. 35–44.
13. Kropotuhina P. V., Tihonov V. V. *Metafory i «kontrmetafory» sankcionnogo diskursa* [Metaphors and “Counter Metaphors” of the Sanctions Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no. 4, pp. 97–101.
14. Makarova V. V. *Ritoricheskie strategii v mediadiskursah Rossii i Litvy (na materiale tekstov ob antirossijskih sankciyah)* [Rhetorical Techniques in Russian and Lithuanian Media Discourse

- Based on the Texts about the EU Sanctions against Russia]. *Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike*, 2017, pp. 278–283.
15. *Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. 24.02.22* [Address of the President of the Russian Federation. 24.02.22]. – Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed: 11.11.2023).
 16. Pinelli E. *Sankcii protiv Rossii: predstavlenie pervoj fazy sankcionnogo processa v rossijskikh SMI* [Presentation of the first period of the sanctioning process in Russian media]. *Rhema. Rema*, 2019, no. 4, pp. 70–85.
 17. Ryhlova A. V. *Lingvisticheskie osobennosti reprezentacii temy sankcij na informacionnom portale BBC* [Linguistic Features of the Presentation of the Topic of Sanctions on the BBC Information Portal]. *Lichnost'-Yazyk-Kul'tura*, 2017, pp. 139–144.
 18. Sossyur F. de. *Kurs obshchej lingvistiki* [General Linguistics Course]. – Ekaterinburg, 1999. 432 p.
 19. Tarasova M. S. *Aktual'naya leksika perioda ekonomicheskikh sankcij 2014–2017 gg. «importozamestitel'nyj»: semantika, upotreblenie, konnotacii* [Current vocabulary of the 2014–2017 period of economic sanctions “import substitution”: semantics, usage, connotations]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. 3, pp. 76–83.
 20. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova (1935–1940)* [Explanatory Dictionary of the Russian language / edited by N. D. N. Ushakov (1935–1940)]. Vol. 4. – Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/c/санкция> (accessed: 10.11.2023).
 21. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Informatsionno-kommunikativnaya spetsial'naya operatsiya: osobennosti funkcionirovaniya pretsedentnykh znakov Z, V, O v mediaprostranstve (na materiale Telegram-kanala i VK-stranitsy Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii)* [Information and communication special operation: functioning features of Z, V, O precedent signs in the media space (based on the Telegram channel and VK page of Ministry of Defense of the Russian Federation)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 3, pp.167–177.

**SANCTIONS' LANGUAGE
AS A REALITY OF INFORMATION CONFRONTATION:
DIAGNOSIS, TYPOLOGY, PROGNOSIS
(MEDIA LINGUISTIC LOCATION)**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

The article is devoted to the identification and description of the sanctions' language – a cognitive and communicative system of verbal means that built restrictive and punishing political and economic communication between individuals, organizations and states, as well as communication overcoming restrictive and punishing factors. This communication is recreated (reproduced) in the mass media space.

The sanctions' language as a system has such characteristics as: chronological and locus boundaries; addressability and targeting nature; thematic and modal integrity; homeostaticity; simultaneous openness and closeness of borders; nonlinearity.

Through the sanctions' units – units that verbally explicate sanctions in the media discourse – the language of sanctions reflects the political and economic restrictions against Russia in the media space and ways to counter them.

Key words: sanctions' language; cognitive and communicative system; sanctions' unit; sanctions' unit attractor; sanctions' unit repeller; informational confrontation.

УДК 070

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В ГАЗЕТЕ «КРАСНЫЙ КРЫМ» ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Яблоновская Н. В., Кутовая К. А.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
e-mail: yablon@rambler.ru; kristina_furfoks@mail.ru*

В статье раскрываются тематика и формы визуальной пропаганды: фотографий, плакатов, карикатур, рисунков, опубликованных в газете «Красный Крым» с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. Авторы обращают внимание на то, что визуальная пропаганда представляла собой креолизованные тексты, совмещающие вербальный и невербальный компоненты и оказывающие, таким образом, комплексное воздействие на реципиента. Благодаря простоте, эмоциогенности, доступности широким народным массам, включая неграмотных, визуальная пропаганда была чрезвычайно популярной в СССР 1920–1930-х гг. Во время Великой Отечественной войны потенциал визуального воздействия был направлен на нужды обороны. Авторы приходят к выводу, что визуальная пропаганда в газете «Красный Крым» в период Великой Отечественной войны использовалась с максимальной эффективностью и выполняла ряд задач: фиксировала происходящее, возбуждала ненависть к врагу, призывала на борьбу с ним на фронте и в тылу, создавала и распространяла патриотические символы и образы, транслировала героические образцы поведения, прославляла героев, поддерживала веру в победу.

Ключевые слова: визуальная пропаганда, «Красный Крым», Великая Отечественная война, фотография, рисунок, плакат, карикатура.

ВВЕДЕНИЕ

История крымской журналистики в настоящее время изучена далеко не полностью. Недостаточно описанным остается как общий процесс развития медиа полуострова (за исключением его этнической составляющей), так и история отдельных изданий, в том числе газеты «Красный Крым» (с 1952 г. – «Крымская правда»).

До сих пор издание привлекало внимание исследователей, в основном, в качестве источника информации по разным аспектам развития Крыма: истории науки [1; 16], подготовки и проведения выставок [9], градостроительства и архитектуры [8], книгоиздания [19] и т. п. Исключением в данном ряду нам представляются материалы самой «Крымской правды», рассказывающие о деятельности ее редакции и проблемно-тематической направленности ее публикаций в разные исторические эпохи.

Период Великой Отечественной войны является одним из наиболее интересных в истории газеты, социально и идейно значимых. Основные факты работы редакции «Красного Крыма» в 1941–1945 гг. приведены в статьях Н. Пупковой [21–23]. Участие сотрудников редакции в партизанском движении Крыма отражено в воспоминаниях ответственного редактора «Красного Крыма» Е. П. Степанова [26]. Культурологической проблематике на страницах «Красного Крыма» во время войны, а именно освещению в газете юбилея А. С. Грибоедова, посвящено исследование Л. Ореховой и Д. Первых [18].

При этом визуальные материалы «Красного Крыма», получившие дополнительную идеологическую нагрузку в военный период, изучены не были, что обусловило наше обращение к ним в настоящей статье. Целью статьи стало установление форм и тематики визуальной пропаганды в газете «Красный Крым» в период Великой Отечественной войны.

Теоретико-методологической основой статьи стали работы А. Вартанова [5–6], О. Бакулина [3–4], А. Грабельникова [10], А. Никишиной [17], Г. Пондопуло [20], В. Стигнеева [27], посвященные советской фотографии периода Великой Отечественной войны, а также исследования Г. Демосфеновой [11], О. Закировой [12], Л. Залиловой [13], А. Спешиловой [25], Е. Федосова и К. Конева [28], Д. Шалыгиной и В. Куликова [30], Е. Шлык [31] и др. о советском военном плакате 1941–1945 гг.

Эмпирической базой исследования выступают материалы газеты «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны. Выбор данного издания для анализа не был случайным: «Красный Крым» (с 1952 г. – «Крымская правда») являлся главным изданием Крыма советского периода.

Предметом исследования стали тематика и формы визуальной пропаганды: фотографий, плакатов, карикатур, рисунков, публикуемых в газете «Красный Крым» с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. С целью сравнительно-сопоставительного анализа мы обращали внимание также на визуальную пропаганду предшествующего и последующего мирных периодов.

Методология исследования. Отбор фотографий для анализа осуществлялся нами по следующим критериям: 1) техническое качество и стиль; 2) жанр; 3) эмоциогенность; 4) содержание текстовой подписи; 5) пропагандистский посыл. При анализе плакатов, карикатур и рисунков периода Великой Отечественной войны нами использовались следующие критерии: 1) функциональность; 2) визуальная составляющая; 3) психологическое воздействие; 4) вербальная составляющая. Критерий цветности нами не использовался, поскольку все изображения были черно-белыми.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Деятельность редакции газеты «Красный Крым» в годы Великой Отечественной войны

Газета «Красный Крым», орган Крымского обкома, Симферопольского горкома ВКП (б) и облсовета депутатов трудящихся, начала выходить в Севастополе с 24 января (6 февраля) 1918 г. под названием «Таврическая правда». В связи с отходом красных из Крыма 30 апреля 1918 г. газета прекратила работу. В 1919 г. (№ 3 (5 апр.) (?) – № 39 (27 мая) (?)) уже под названием «Таврический коммунист» газета издавалась сначала в Мелитополе (до 11 (?) апреля), а затем в Симферополе (с 17 (?) апреля), а с 30 мая 1919 г. по 3 июня 1919 г. выходила в Симферополе под названием «Крымский коммунист». С 17 ноября 1920 г. по 16 января 1952 г. газета носила название «Красный Крым». Далее выходит под заглавием «Крымская правда». До войны и в ее первые месяцы редакция газеты находилась в Симферополе по улице К. Маркса, 6.

Когда в конце октября 1941 года появилась угроза оккупации Симферополя, по решению обкома партии редакция «Красного Крыма» из 10 журналистов переехала в Севастополь. Новым помещением редакции стал подвал дома по ул. Фрунзе (ныне – проспект Нахимова), в который были перевезены наборные машины и верстальный цех. Со 2 ноября 1941 г. газета издавалась там. К концу 1941 г. по решению обкома в редакции осталось только 3 человека: Евгений Петрович Степанов (1909–1971) – ответственный редактор, Аркадий Райчук и Михаил Муцит. Они выполняли работу всего коллектива: писали материалы, правили их, верстали номера, вычитывали телеграммы ТАСС и корреспонденции читателей, писали очерки. Помогали сотрудникам «Красного Крыма» журналисты из центральных газет, местные писатели и поэты – С. Галышев, Л. Иш, А. Степанов, Л. Соловьёв, С. Алымов и др. Также к редакции был прикреплен военный журналист Л. Давыдов. Несмотря на сложности, газета выходила ежедневно.

В Севастополе «Красный Крым» находился до начала апреля 1942 г. Когда обстановка в городе стала критической, редакция вслед за обкомом партии переехала в Керчь, освобожденную в результате Керченско-Феодосийской десантной операции. Из Севастополя в Керчь перебазировались Е. Степанов и А. Райчук. М. Муцит остался в Севастополе, перейдя работать в качестве корреспондента в военную газету, и погиб в последние дни защиты города.

В Керчи уже находилось несколько сотрудников «Красного Крыма», направленных сюда в 1941 г. для укрепления редакции «Керченского рабочего». Работа редакции возобновилась в Камыш-Бурунских каменоломнях, защищавших журналистов от бомбежек. Как и ранее в Севастополе, добровольными корреспондентами издания становились местные жители и воины Красной Армии, материалы присылали и коллеги из газеты 51-й армии «Сын Отечества».

Незадолго до того, как Керчь была снова захвачена фашистами (16 мая 1942 г.), редакция эвакуировалась в Новороссийск, а оттуда переехала в Краснодар. Там «Красный Крым» выходил до падения города (12 августа 1942 г.), а затем переехал в Сочи. С помощью самолётов номера газеты доставлялись в Крым: переправлялись партизанам и подпольщикам, разбрасывались над полуостровом.

Часть журналистов «Красного Крыма» еще в 1941 г. ушла в партизанские отряды и наладила там выпуск «лесных» газет: Е. Певзнер с Г. Кокушинским выпускали газету «Крымский партизан», М. Сохань – «Крымскую правду». В конце мая 1943 г. в крымский партизанский отряд были заброшены самолетом вместе с передвижной типографией Е. Степанов, художник Э. Грабовецкий, наборщик и печатник севастопольской типографии С. Лаганбашев, организовавшие выпуск листовок и газеты «За Советский Крым». В отсутствие Е. Степанова в Сочи «Красный Крым» с мая 1943 г. по апрель 1944 г. выпускал заместитель ответственного редактора А. Райчук.

Возобновить свою привычную работу газета «Красный Крым» смогла лишь тогда, когда в Симферополь вошла Красная Армия. 13 апреля 1944 г. войска 4-го Украинского фронта освободили столицу Крымской АССР город Симферополь от фашистской оккупации. А уже 14 апреля 1944 г. вышел первый после оккупации номер «Красного Крыма».

Как упоминалось выше, многие журналисты газеты «Красный Крым» были призваны на фронт, воевали в партизанских отрядах, выполняли журналистскую работу в непростых военных условиях. Многие из них: Михаил Муцит, Эммануил Бендицкий, Лазарь Нун, Михаил Соловьёв, Николай Мальцев, Иван Сухиненко, Лев Чудаков, Исай Блох, Николай Литвинов, Валерий Мальцев, Матвей Кальвари, Ефим Певзнер, Григорий Кокушинский, Михаил Сокольский – не вернулись домой.

Тематика и формы визуальной пропаганды в газете «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны

Согласно «Краткому политическому словарю», пропагандой является «распространение политических, философских, научных, технических знаний, художественных и других идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности» [15, с. 270]. В более узком значении под данным термином понималась «политическая или идеологическая пропаганда, осуществляемая с целью формирования у масс определенного мировоззрения» [15, с. 270].

Американские исследователи Э. Аронсон и Э. Пратканис трактуют пропаганду как «массовое “внушение” или влияние посредством манипуляции символами и психологией индивидуума» [2, с. 28]. Важной чертой пропаганды, с точки зрения указанных исследователей, является то, что «это распространение какой-либо точки зрения таким образом и с такой конечной целью, чтобы получатель данного обращения приходил к “добровольному” принятию этой позиции, как если бы она была его собственной» [2, с. 28].

Пропаганда была важнейшим инструментом функционирования Советского государства. Уже VIII съезд РКП(б), прошедший 18–23 марта 1919 г., принял новую редакцию «Программы РКП(б)», в которой говорилось о развитии широкой пропаганды коммунистических идей. В дальнейшем была создана единая система партийно-советской пропаганды, включавшая все каналы воздействия на общественное сознание (в том числе центральную и местную прессу).

Благодаря простоте, эмоциогенности, доступности широким народным массам, включая неграмотных, визуальная пропаганда была чрезвычайно популярной в СССР 1920–1930-х гг. Во время Великой Отечественной войны потенциал воздействия визуальной пропаганды был направлен на нужды обороны.

Газета «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны активно обращалась к визуальной пропаганде, публикуя военные фотографии, плакаты, рисунки, а также карикатуры. Нами были отобраны образцы визуальной пропаганды из номеров 1941–1945 гг., сохранившихся в архивах и доступных в настоящее время. Всего было исследовано более 200 изображений.

Исследователи [7; 24; 28; 29] обращают внимание на то, что плакат представляет собой креолизованный текст, совмещающий вербальный и невербальный компоненты и оказывающий, таким образом, комплексное воздействие на реципиента. Повышение прагматического потенциала плаката объясняется поликодовостью его воздействия, тем, что он «переводит политическую информацию на уровень обыденного понимания масс» [24, с. 220].

Таким образом, визуально-пластическую составляющую плакатов, карикатур и рисунков в газете «Красный Крым» мы будем рассматривать в комплексе с вербальными элементами. Аналогичный подход нами будет использоваться и по отношению к фотографиям, опубликованным в издании. Они, по мнению экспертов [6], зачастую страдали излишней «общностью» содержания кадра и нуждалась в конкретизирующей текстовой подписи (так называемой «подтекстовке»). Подтекстовки содержали не только конкретизирующую фактическую информацию, но и разъясняли изображение, несли пропагандистский посыл [6]. Поэтому без учета их содержания анализ фотографий был бы неполным.

Фотографии довоенного периода обычно поэтизировали «нового человека», «героя труда». Советские труженики в кадре демонстрировали, что готовы трудиться на пределе своих возможностей, выполняя задачи, поставленные партией. Примером такого фото может стать снимок Эммануила Бендицкого (псевдоним – Эм. Бен.), текстовая подпись под которым сообщает: «Бригада комбайнеров Карасубазарской МТС № 1, обязавшаяся досрочно закончить ремонт комбайновых моторов. Бригада свои обязательства выполняет. На снимке (слева направо): бригадир т. А. Бараненко и комбайнеры тт. Л. Поярков и Н. Таранов подводят итоги выполнения графика за день» (Красный Крым, № 103, 16 апреля 1941 года, с. 3).

Бригада комбайнеров Карасубазарской МТС № 1, обязавшаяся досрочно закончить ремонт комбайновых моторов. Бригада свои обязательства выполняет. На снимке (слева направо): бригадир т. А. Бараненко и комбайнеры тт. Л. Поярков и Н. Таранов подводят итоги выполнения графика за день. Фото Эм. Бен.

Рис. 1. Бригада комбайнеров Карасубазарской МТС № 1, обязавшаяся досрочно закончить ремонт комбайновых моторов.

По инерции, а возможно, и для придания уверенности в том, что ситуация в стране находится под контролем, в первые недели войны такие фото, изображавшие мирный труд, продолжали появляться в газете. Фото В. Малышева, например, изображает уборочную кампанию: «Полным ходом идет в колхозах уборка озимого ячменя. Женщины Крыма с энтузиазмом работают на полях. На снимке: молодая

колхозница колхоза “Вперед”, Симферопольского района, О. Лебедева производит копнение озимого ячменя, убранного лобогрейками» (Красный Крым, № 149, 26 июня 1941 года, с. 3). Девушка на фото улыбается, ее спокойствие, уверенность и оптимизм передаются зрителю.

Рис. 2. О. Лебедева производит копнение озимого ячменя.

Популярным был и сюжет об участии в сельскохозяйственных работах городской молодежи. Примером такой фотографии является фото Э. Бендицкого «Группа учащихся старших классов 23-й симферопольской средней школы, выезжающих в колхозы на уборку урожая» (Красный Крым, № 150, 27 июня 1941 года, с. 2). Счастливые лица школьников на фото убеждают нас в том, что помощь селу для них приятная и почетная обязанность. Фото вызывает гордость за подрастающее поколение, радость и уверенность в будущем.

Номер «Красного Крыма» от 22 июня 1941 г., отпечатанный в типографии за несколько часов до бомбардировки Севастополя фашистской авиацией, стал последним, отразившим мирную жизнь Крыма. Война привнесла новые сюжеты и образы в советскую прессу. Выпуск «Красного Крыма» от 23 июня 1941 г. уже был полностью посвящен войне. Он открывался портретной фотографией И. Сталина, всегда сопровождавшей важные политические заявления или даты, но здесь размещенной рядом с текстом выступления по радио народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова (Красный Крым, № 146, 23 июня 1941 года, с. 1). Несмотря на несоответствие фото и личности выступающего, портрет был опубликован во всех советских изданиях как символ нерушимости советского государства, приобретшей особое значение во время испытаний. В качестве такого символа изображение Сталина будет постоянно появляться в советских газетах, и в

том числе в «Красном Крыме», в трех формах: 1) портрет (фото или рисунок); 2) протокольная фотография; 3) изображение на плакатах, коллажах и т.д. в качестве символа [4, с. 35].

Номер «Красного Крыма» от 23 июня 1941 г. содержал и первые военные изображения: рисунок Фёдора Литвинова с идущими в бой солдатами (в советских газетах периода войны рисунки часто восполняли отсутствие оперативных фото), а также снимок Э. Бендицкого с митинга работников машиностроительного завода имени Куйбышева (фото с митингов, на которых заявлялось о решимости защищать

Рис. 3. За родину! За Сталина!

Родину, также несли важный оборонный посыл). Боец РККА на первом плане рисунка Ф. Литвинова (Красный Крым, № 146, 23 июня 1941 года, с. 2) поднял вверх руку, словно призывая зрителя идти в атаку вместе с ним. За его спиной развевается знамя с популярным лозунгом: «За Родину! За Сталина!», а на втором плане этот порыв поддерживают многочисленные пехота, самолеты и танки. Лица у воинов мужественные, решительные, красивые. Сила и мощь Красной Армии на рисунке не оставляют сомнений в скорой победе. Цель плаката – призвать зрителя вступить в РККА, чтобы

защитить Родину, укрепить его веру в победу.

Популярной темой в первые недели войны стали изображения крымчан, идущих добровольцами на фронт. Их фотографии демонстрировали готовность жителей полуострова дать отпор врагу и побуждали присоединиться к призыву. Показательным является фото Леонида Яблонского «Комсомольцы добровольно идут в ряды РККА на защиту любимой родины. На снимке: группа комсомольцев, подавших заявления в Симферопольский военкомат с просьбой отправить их на фронт» (Красный Крым, № 148, 25 июня 1941 года, с. 3). Коннотативное прилагательное «любимая» в

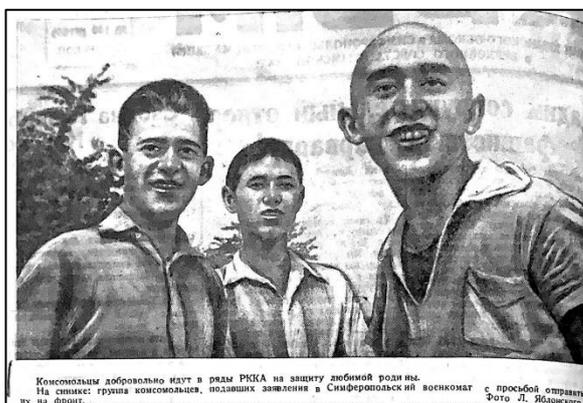
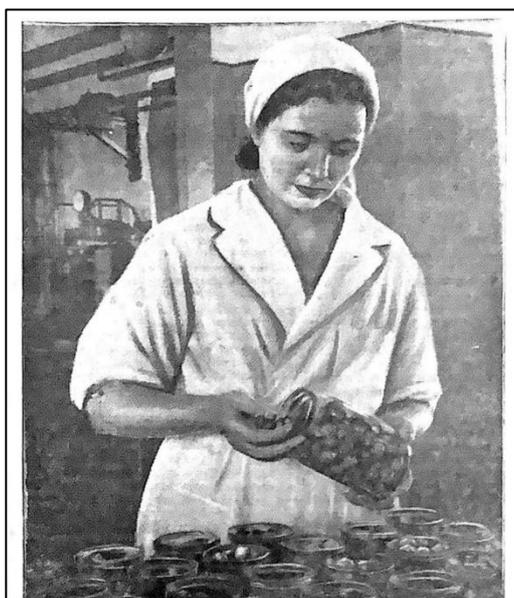

Рис. 4. Группа комсомольцев, подавших заявления в Симферопольский военкомат с просьбой отправить их на фронт.

текстовой подписи усиливает эмоциональность изображения. Юноши на фото широко улыбаются, их радость и уверенность передаются зрителю.

Поддержка добровольческого движения осуществлялась и с помощью плакатов. Например, на рисунке В. Иванова (репродукции с плаката, выпущенного издательством «Искусство») мы видим стихотворный лозунг: «Будь горд, будь рад стать красноармейцем в ряд!» (Красный Крым, № 150, 27 июня 1941 года, с. 1). Плакат изображает красноармейцев, идущих в атаку. На флаге, реющем в их рядах, звучит неизменное: «За Родину! За Сталина». Плакат художника В. Говоркова (Государственное издательство «Искусство») «Славна богатырями земля наша» (Красный Крым, № 147, 24 июня 1941 года, с. 1) апеллирует к исторической памяти зрителя. Советские воины уподобляются древнерусским богатырям не только вербально, но и визуально-пластически: тень, отбрасываемая военнослужащим в шлеме, напоминает древнерусского былинного богатыря, а шрифт плаката выполнен в древнерусском стиле.

Еще одним значимым сюжетом фотографий стала работа труженников тыла, чаще

На фабриках и заводах столицы Крыма продолжается нормальная, спокойная работа. На место уходящих в ряды РККА мужчин встанут женщины. На снимке: И. Л. Зипман, заменившая начальника компотного цеха завода «Трудовой Октябрь», призванного в ряды РККА. Фото В. Мальшева.

Рис. 5. И. Л. Зипман, заменившая начальника компотного цеха завода «Трудовой Октябрь», призванного в ряды РККА

всего женщин, которые помогали фронту и поддерживали экономику страны. Целью таких фото было показать, что, несмотря на нападение врага, жизнь страны продолжается, а женщины способны заменить ушедших на фронт мужчин. Например, на фото В. Мальшева мы видим работницу завода «Трудовой Октябрь», которая заменила призванного в ряды РККА начальника цеха. Подпись под фото гласит: «На фабриках и заводах столицы Крыма продолжается нормальная, спокойная работа. На место уходящих в ряды РККА мужчин встанут женщины» (Красный Крым, № 148, 25 июня 1941 года, с. 1). Обращает на себя внимание использование коннотативно маркированных слов «нормальная, спокойная» для выражения отношения к происходящему. На аналогичном по своему посылу фото Э. Бендицкого мы видим работницу симферопольского кожобувного комбината имени Дзержинского, которая заменила коллегу, призванного в ряды Красной Армии.

Надпись под фото сообщает, что она «быстро освоила прошивную машину и уже перевыполняет норму выработки» (Красный Крым, № 152, 29 июня 1941 года, с. 3).
Чрезвычайно значимыми в период обороны Севастополя стали фотографии людей, которые непосредственно помогали армии: изготавливали оружие, работали в госпиталях и т. д. В текстовых подписях к таким фото названия военных предприятий были скрыты. Например, на фото Ф. Короткевича и Д. Рымарева

«Стахановка Н-ского предприятия тов. Ю. В. Сапегина за сборкой гранат» (Красный Крым, № 67, 8 марта 1942 года, с. 4). Фото сопровождалось статьей о женщинах, оставивших свои довоенные профессии ради помощи фронту. Изображения мужчин, работавших на оборонных предприятиях, часто сопровождалось текстом о том, что они выполняли в день сразу несколько норм либо награждены какой-либо медалью. К примеру, текст под снимком Ф. Короткевича и Д. Рымарева «Н-ский завод ремонтирует вооружение для Красной Армии» сообщал: «Автогенщик тов. С. С. Палашев сваривает деталь пулемета. Стахановец выполняет две нормы» (Красный Крым, № 70, 11 марта 1942 года, с. 3). Фото с героями трудового фронта демонстрировали мужество и силу советских людей, их самоотверженность, самоотдачу, призывали к героическому труду, подкрепляли уверенность в победе.

В довоенный период распространенными в советской прессе были постановочные статичные фото, переносившие акцент с события на героев и транслируемый ими настрой [4, с. 35; 6]. Как видим, эта тенденция сохранилась и в военное время.

Важнейшую роль в газете в военное время играла фронтовая фотография. Ее примером может стать фото Н. Тофана «По следам уползающего фашистского зверя. Советские саперы ведут работы по разминированию дороги Симферополь–Севастополь» (Красный Крым, № 93, 11 мая 1944 года, с. 3). В текстовой подписи к

Рис. 6. По следам уползающего фашистского зверя. Советские саперы ведут работы по разминированию дороги Симферополь-Севастополь

ней нельзя не отметить характерный для советской пропаганды прием расчеловечивания врага, зооморфизм его наименования. Фотография была сделана в

Рис. 7. Отважная крымская партизанка-санитар Шура Бобовникова

освобожденном от фашистов в Крыму. Ее посыл – показать, что Красная Армия не только успешно побеждает врагов, но и с риском для жизни устраняет все созданные ими угрозы. Изображение одновременно вызывает чувство гордости советскими военнослужащими и тревогу за них, поскольку разминирование – это сложное и опасное занятие.

«Красный Крым» публиковал множество изображений фронтовиков. Фото, рисунки, коллажи с их портретами обычно сопровождало краткое описание подвигов героя. Часто это были портретные фото, например, фотография Н. Ксенофонтова «Боец танкового десанта автоматчик Алексей Лебединский. В боях за освобождение Крыма он уничтожил 18 и захватил в плен 30 гитлеровцев» (Красный Крым, № 85, 6 мая 1944 года, с. 2). Встречались также рисунки, наброски (вероятно, тогда, когда сделать фото не представлялось возможным). Пример тому – зарисовка художника А. Иовлева «Отважная крымская партизанка-санитар Шура Бобовникова» (Красный Крым, № 34, 1 мая 1944 года, с. 2).

Допустимым в военное время считалось и использование фотоколлажей, или «фотокомпозиций», как их называли: фотографии обрабатывались, ретушировались, к ним добавлялись необходимые для создания определенного эффекта элементы [4, с. 32]. Полученное изображение было уже не столько документальным, сколько художественно-публицистическим. Образцом такого произведения является фотокомпозиция Щеглова (имя не указано), изображающая капитана Мейля (без инициалов; возможно, имеется в виду советский летчик-штурмовик, Герой Советского Союза Иван Игнатьевич Мейлус) на фоне картины морского боя – уничтожения советским самолетом немецкого корабля. Текстовая подпись к фотоколлажу рассказывала: «Во время обороны Севастополя гвардии капитан Мейль бомбовыми ударами уничтожал гитлеровцев, взрывал вражеские склады, минные поля. В дни, когда Красная Армия освобождала Крым, отважный летчик не выпускал ни одного фашистского судна, достигнутого в море. Только в течение одного дня он потопил два вражеских транспорта» (Красный Крым, № 153, 30 июня 1944 года, с. 3).

Рис. 8. Встреча партизан с жителями Ялты

за Красную Армию, благодарность ей за освобождение, демонстрировали единство армии и народа.

В отличие от советских воинов, изображения которых выражали мужество, решимость, красоту, силу, враги СССР были лишены права на документальную визуализацию. Их фото на страницах советских изданий заменила карикатура, поддерживаемая зооморфными вербальными обозначениями фашистской армии как «зверья» и «чудовища». В газетах военного времени публиковалось множество карикатур на А. Гитлера и фашистскую верхушку, представлявших врага в сатирическом, а значит слабом виде. И «Красный Крым» не стал исключением. Характерно, что все рисунки были дополнены насмешливыми стихами. Например, на карикатуре В. Высоцкого «Гаданье на Одере» (Красный Крым, № 61, 1 марта 1945 года, с. 2) мы видим ошеломленного Гитлера, наблюдающего за тем, как по Одру плывут остатки его армии. Стихотворение А. Малина так иронично комментирует эту ситуацию:

*Глядит опять он и опять
На мутную водицу,
Судьбу желая предсказать
Своим унылым фрицам.
Но Одер вспять не потечет,
Спасенья им не принесет,
И фрицам говорит одно,
Что их судьба – идти на дно.*

Посыл рисунка – вызвать презрение к фашистам и их главарю, показать, что победа возможна и близка.

Как отмечала А. Караваева, уже в первый период войны, в связи с необходимостью воспитания «ненависти к врагу, мужества, героизма, стойкости», в советской фотопублицистике появился новый жанр – фотообвинение [14, с. 13]. Произведения этого жанра стали также неотъемлемым элементом журналистики

Победный посыл несли групповые фото солдат и партизан в освобожденных ими городах (фото Н. Ксенофонтова «В освобожденной Ялте» с подтекстовкой «Партизаны вернулись в родной город. На снимке: встреча партизан с жителями Ялты» (Красный Крым, № 92, 10 мая 1944 года, с. 3)). Эти фото вызывали радость, счастье, гордость

финального этапа войны, когда появилась возможность зафиксировать злодеяния фашистов на освобожденных территориях. Так, «Красный Крым» запротоколировал преступления нацистов на территории совхоза «Красный» в шокирующей фотографии И. Колесникова «Тела жертв гитлеровских палачей В совхозе "Красный"». Тестовая подпись к ней гласила: «Колодец и ямы на территории совхоза "Красный", заполненные трупами убитых и замученных женщин, детей, стариков, – грозные свидетели чудовищных злодеяний немецких оккупантов в Крыму. Вдохновители и исполнители этих преступлений не уйдут от сурового возмездия» (Красный Крым, № 94, 12 мая 1944 года, с. 3).

Колодец и ямы на территории совхоза «Красный», заполненные трупами убитых и замученных женщин, детей, стариков, – грозные свидетели чудовищных злодеяний немецких оккупантов в Крыму.

Вдохновители и исполнители этих преступлений не уйдут от сурового возмездия.

На снимке — тела жертв гитлеровских палачей в совхозе «Красный».

Рис. 9. Колодец и ямы на территории совхоза «Красный», заполненные трупами убитых и замученных женщин, детей, стариков

«Раны войны» демонстрировали и рисунки. Например, на зарисовке Э. Грабовецкого мы видим разрушенный немцами Дом пионеров в Керчи (Красный Крым, № 140, 18 июня 1944 года, с. 4). Одновременно газета информирует о том, что начались работы по возрождению народного хозяйства. Так, художник А. Иовлев изображает, как добровольческие бригады расчищают территорию сухого дока в Балаклаве. Подпись под рисунком сообщает: «Отступая под ударами Красной Армии, немцы разрушили и сожгли большую часть Балаклавы, взорвали ее предприятия и сухой док. В восстановительных работах принимает активное участие население города» (Красный Крым, №134, 11 июня 1944 года, с. 3). В верхнем левом углу рисунка мы видим подпись-призыв: «Восстановим родную Балаклаву».

После освобождения полуострова от фашистской оккупации в «Красном Крыме» снова стали появляться производственные сюжеты. Популярной темой стало возобновление работы заводов и фабрик. Так, газета сообщила о возвращении Симферопольского консервного завода «Трудовой Октябрь», эвакуированного в 1941 г. и работавшего на базе Алма-Атинского плодоконсервного комбината, и опубликовала фото из фотохроники ТАСС, изображающее подготовку оборудования к отправке (Красный Крым, № 135, 12 июня 1944 года, с. 3).

Популярными были и фотографии освобождённых городов. Например, фото Н. Ксенофонта «Севастополь. Октябрь 1944» (выпуск № 305, 1 ноября 1944 года, с. 3) изображает Севастопольскую бухту. На первом плане фото мы видим (возможно, добавленный ретушером) развевающийся военно-морской флаг СССР – символ освобождения города и возвращения в него Черноморского флота.

В преддверие Победы «Красный Крым» публиковал рисунки и плакаты, прославляющие Красную Армию и ее союзников. Например, на рисунке Ф. Литвинова (Красный Крым, № 110, 29 апреля 1945 года, с. 2) мы видим советского солдата, который с улыбкой пожимает руку представителю вооруженных сил Великобритании и США. На втором плане мы видим флаги СССР и союзников, а также поверженного на землю врага с фашистским крестом на рукаве. Рисунок сопровождается лозунгом: «Слава войскам Красной Армии и войскам наших союзников, соединившимся на Эльбе, в центре фашистской Германии!» (из призывов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1945 г.). Идеальный посыл рисунка – радость от предощущения близкой победы, гордость высоким международным статусом СССР, благодарность союзникам по антигитлеровской коалиции.

Военная тема не ушла из информационной повестки «Красного Крыма» после подписания акта о капитуляции фашистской Германии. Даже мирные производственные фото газеты в послевоенный период несут упоминание о войне и

Рис. 10. Митинг в Симферопольском паровозном депо, посвящённый празднику Победы необходимости устранять ее последствия. Но главной во всех публикациях была радость Победы и гордость своей страной. Эти чувства и эмоции запечатлел корреспондент газеты А. Сергеев на фото «Митинг в I Симферопольском паровозном депо, посвящённый празднику Победы. Выступает инженер т. Таранец» (Красный Крым, № 60, 10 мая 1945 года, с. 2).

ВЫВОДЫ

Визуальная пропаганда в газете «Красный Крым» в годы Великой Отечественной войны являлась неотъемлемой частью единой партийно-советской системы пропаганды. В качестве форм визуальной пропаганды использовались фотография, плакат, рисунок, карикатура. Совмещая визуально-пластический и вербальный компоненты, она использовалась с максимальной эффективностью и выполняла ряд задач: фиксировала происходящее, возбуждала ненависть к врагу, призывала на борьбу с ним на фронте и в тылу, создавала и распространяла патриотические символы и образы, транслировала героические образцы поведения, прославляла защитников Родины и работников тыла, поддерживала веру в победу.

С помощью публикации фотографий добровольцев, а также рисунков и плакатов, демонстрировавших их решимость и самоотверженность, «Красный Крым» поддерживал призыв на фронт. Активно размещались фото (портреты, фотокомпозиции), плакаты и рисунки, изображавшие воинов Красной Армии, партизан и воспевавшие их подвиг. На последнем этапе войны героями рисунков и плакатов стали также войска союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Большое количество визуальных материалов издания было посвящено трудовому фронту: печатались фотографии женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин; передовиков производства, выполнявших несколько дневных норм, и т.д. Таким образом поддерживались вера в силу, мужество, негибимость советского народа, в единство фронта и тыла, в победу, привлекались новые трудовые ресурсы, формировалась модель полной самоотдачи в труде.

Визуальный образ врага формировался, главным образом, с помощью карикатуры. Враг изображался жалким, слабым, легко уязвимым. С помощью зооморфных метафор «зверь» и «чудовище» в текстовых элементах рисунков и карикатур враг расчеловечивался, становился законной целью для безжалостного уничтожения. Ненависть к врагу поддерживали также материалы в жанре фотообвинений, зафиксировавшие злодеяния гитлеровцев.

Часть визуальных материалов демонстрировала «раны войны» – разрушения, причиненные фашистами. После освобождения Крыма такие публикации, как правило, сопровождалось призывом к скорейшему восстановлению народного хозяйства.

Список литературы

1. *Акимченков В. В.* Газета «Красный Крым» как источник по истории советской науки рубежа 20-30-х годов XX века // Румянцевские чтения – 2022 : Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Москва, 21 апреля 2022 года. Том 1. – М.: Издательство «Пашков дом», 2022. – С. 10–15.
2. *Аронсон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: Прайм-ЕВРО ЗНАК, 2002. – 384 с.
3. *Бакулин О. А.* Фотография в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны (по материалам журнала «Огонек») // История отечественных СМИ. – 2012. – № 1. – С. 11–21.

4. Бакулин О. А. Фотография как инструмент советской визуальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты "Правда") // Меди@льманах. – 2014. – № 6 (65). – С. 30–37.
5. Вартапов А. Советская документальная фотография времен Великой Отечественной войны. Часть 1 // Photographer. – 2017. – Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/history/6378.htm>. – (Дата обращения: 07.12.2023).
6. Вартапов А. Советская документальная фотография времен Великой Отечественной войны. Часть 2 // Photographer. – 2017. – Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/history/7148.htm>. – (Дата обращения: 07.12.2023).
7. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 194 с.
8. Гаврилюк М. Н. Архитектура и строительство Симферополя 1930-х годов (по материалам газеты «Красный Крым» и журнала «Экономика и культура Крыма») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 3–25.
9. Гаврилюк М. Н. Газета "Красный Крым" как источник по истории подготовки и проведения художественной выставки, посвященной 10-летию советизации Крыма // Вopum Initium. – 2020. – № 12(20). – С. 40–45.
10. Грабельников А. А. Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2008. – Сер. 8. – Вып. 7. – С. 123–130.
11. Демосфенова Г. Н., Нурок А. Ю., Шантыко Н. И. Советский политический плакат. – М.: Искусство, 1962. – 444 с.
12. Закирова О. В. Национально-культурные особенности структурно-семантического наполнения плаката Второй мировой войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1. – С. 143–147.
13. Залилова Л. Р. Плакат как средство агитации во время Великой Отечественной войны // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2013. – С. 122–124.
14. Караваева А. А. Фотопублицистика периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: по материалам газет "Правда", "Красная звезда", "Красный флот", "Фронтовая иллюстрация" : Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.10. – М., 1981. – 24 с.
15. Краткий политический словарь / [Общ. ред. Л. А. Ониксова, Н. В. Шишлина]. – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 367 с.
16. Ломакин Д. А. «Крым в беге столетий – благодарная и заманчивая тема...»: исследования золотоордынской культуры в освещении газеты «Красный Крым» (20-е годы XX века) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2017. – Т. 14, № 1. – Режим доступа: https://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.41.php. – (Дата обращения: 07.12.2023).
17. Никишина А. В. Тематика визуальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны (на примере журналов «Фронтовой юмор» и «Фронтовая иллюстрация») // История отечественных СМИ. – 2017. – № 2(4). – С. 139–150.
18. Орехова Л. А., Первых Д. К. Газета «Красный Крым» к 150-летию со дня рождения Грибоедова: газетный текст и исторический контекст // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 60–69.
19. Пирожкова Т. В. Газета «Красный Крым» как источник по истории книжной культуры Крымской АССР 1920-х годов // Реальность медиа в парадигме времени : Доклады Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной памяти профессора Михаила Федоровича Ненашева, Москва, 17–18 декабря 2020 г. – М.: Московский Политех, 2021. – С. 52–60.

20. Пондопуло Г. К. Фотография. История. Эстетика. Культура. – М.: ВГИК, 2009. – 335 с.
21. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 17.10.2017. – Режим доступа: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-17/voennaya-zhizn-gazety>. – (Дата обращения: 07.12.2023).
22. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 24.10.2017. – Режим доступа: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-24/voennaya-zhizn-gazety-1>. – (Дата обращения: 07.12.2023).
23. Пупкова Н. Военная жизнь газеты // Крымская правда. – 14.11.2017. – Режим доступа: <https://c-pravda.ru/news/2017-11-14/voennaya-zhizn-gazety-3>. – (Дата обращения: 07.12.2023).
24. Сергеева О. В. Наружная политическая реклама в эпоху электронных медиа // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 220–225.
25. Спешилова А. Ю. Плакат времен второй мировой войны: жанровые разновидности, композиция, язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2008. – 22 с.
26. Степанов Е. П. Партизанскими тропами. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 308 с.
27. Стигнеев В. Т. Век фотографии, 1894–1994: очерки истории отечественной фотографии. – Изд. 4-е. – М.: URSS: Либроком, 2011. – 389 с.
28. Федосов Е. А., Конев К. А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. – 2015. – № 2 (40). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-plakat-vremen-velikoy-otechestvennoy-voyny-obschenatsionalnyu-i-regionalnyu-aspekty> – (Дата обращения: 07.12.2023).
29. Фоминых С. С. Политический плакат ГДР как тип текста // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 31. – С. 130–133.
30. Шалыгина Д. Л., Куликов В. А. Специфика пропагандистского плаката во время Великой Отечественной войны как средства конструирования советской идентичности // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2011. – № 2. – С. 54–57.
31. Шлык Е. В. Пропаганда патриотизма в годы Великой Отечественной войны средствами изобразительного искусства (плакат) // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 1 (30). – С. 35–41.

References

1. Akimchenkov V. V. *Gazeta «Krasnyj Krym» kak istochnik po istorii sovetskoj nauki rubezha 20-30-h godov XX veka* [The newspaper "Krasny Krym" as a source on the history of Soviet science at the turn of the 20-30s of the twentieth century]. *Rumjancevskie chtenija – 2022 : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferenci, in 2 parts, Moscow, 21 aprlja 2022 goda*, part 1. Moscow, Pashkov dom Publ., 2022, pp. 10–15.
2. Aronson E., Pratkanis A. *Jepoha propagandy: Mehanizmy ubezhdenija povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [Age Of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion]. St. Petersburg, Prajm-Evro Znak Publ., 2002. 384 p.
3. Bakulin O. A. *Fotografija v sovetskoj propagande v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam zhurnala «Ogonek»)* [Photography in Soviet propaganda during the Great Patriotic War (based on the materials of the Ogonek magazine)]. *Istorija otechestvennyh SMI*, 2012, no. 1, pp. 11–21.
4. Bakulin O. A. *Fotografija kak instrument sovetskoj vizual'noj propagandy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam gazety "Pravda")* [Photography as a tool of Soviet visual propaganda during the Great Patriotic War (based on the materials of the newspaper "The Pravda")]. *Medi@l'manah*, 2014, no. 6(65), pp. 30–37.
5. Vartanov A. *Sovetskaja dokumental'naja fotografija vremen Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet documentary photography of the Great Patriotic War]. Part 1. Photographer, 2017.

- Available from: <https://www.photographer.ru/cult/history/6378.htm> (accessed 7 December 2023).
6. Vartanov A. *Sovetskaja dokumental'naja fotografija vremen Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet documentary photography of the Great Patriotic War]. Part 2. Photographer, 2017. Available from: <https://www.photographer.ru/cult/history/7148.htm> (accessed 7 December 2023).
 7. Voroshilova M. B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju* [Political creolized text: the keys to reading]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2013. 194 p.
 8. Gavriljuk M. N. *Arhitektura i stroitel'stvo Simferopolja 1930-h godov (po materialam gazety «Krasnyj Krym» i zhurnala «Jekonomika i kul'tura Kryma»)* [Architecture and construction of Simferopol in the 1930s (based on the materials of the newspaper "Krasny Krym" and the magazine "Economics and Culture of Crimea")]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 3–25.
 9. Gavriljuk M. N. *Gazeta "Krasnyj Krym" kak istochnik po istorii podgotovki i provedenija hudozhestvennoj vystavki, posvjashhennoj 10-letiju sovetizacii Kryma* [The newspaper "Krasny Krym" as a source on the history of the preparation and holding of an art exhibition dedicated to the 10th anniversary of the Sovietization of Crimea]. *Bonum Initium*, 2020, no. 12(20), pp. 40–45.
 10. Grabel'nikov A. A. *Fotozhurnalistika Velikoj Otechestvennoj vojny* [Photojournalism of the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika, 2008, release 7, pp. 123–130.
 11. Demosfenova G. N., Nurok A. Ju, Shantyko N. I. *Sovetskij politicheskij plakat* [Soviet political poster]. Moscow, Iskusstvo publ, 1962. 444 p.
 12. Zakirova O. V. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti strukturno-semanticheskogo napolnenija plakata Vtoroj mirovoj vojny* [National and cultural features of the structural and semantic content of the poster of the Second World War]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 1, pp. 143–147.
 13. Zalilova L. R. *Plakat kak sredstvo agitacii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny* [Poster as a means of agitation during the Great Patriotic War]. *Promyshlennost': jekonomika, upravlenie, tehnologii*, 2013, pp. 122–124.
 14. Karavaeva A. A. *Fotopublicistika perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. : po materialam gazet "Pravda", "Krasnaja zvezda", "Krasnyj flot", "Frontovaja illjustracija"* [Photopublicistics of the period of the Great Patriotic War of 1941-1945: based on the materials of the newspapers "Pravda", "Krasnaya Zvezda", "Krasnyj flot", "Frontovaja illjustracija"]: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.10. Moscow, 1981. 24 p.
 15. *Kratkij politicheskij slovar'* [A short political dictionary]. General ed. by L. A. Onikov, N. V. Shishlin. 3rd ed., supplement. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 367 p.
 16. Lomakin D. A. *«Krym v bege stoletij – blagodarnaja i zamanchivaja tema...»: issledovanija zolotoordynskoj kul'tury v osveshhenii gazety «Krasnyj Krym» (20-e gody XX veka)* ["Crimea in the run of centuries is a grateful and tempting topic ...": studies of the Golden Horde culture in the coverage of the newspaper Krasny Krym (the 20s of the twentieth century)]. *Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja*, 2017, vol. 14, no. 1. Available from: https://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.41.php (accessed 7 December 2023).
 17. Nikishina A. V. *Tematika vizual'noj propagandy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere zhurnalov «Frontovoj jumor» i «Frontovaja illjustracija»)* [The subject of visual propaganda during the Great Patriotic War (on the example of the magazines "Frontline humor" and "Frontline illustration")]. *Istorija otechestvennyh SMI*, 2017, no. 2(4), pp. 139–150.

18. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Gazeta «Krasnyj Krym» k 150-letiju so dnja rozhenija Griboedova: gazetnyj tekst i istoricheskij kontekst* [Newspaper "Krasny Krym" to the 150th anniversary of Griboyedov's birth: newspaper text and historical context]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no. 3(46), pp. 60–69.
19. Pirozhkova T. V. *Gazeta «Krasnyj Krym» kak istochnik po istorii knizhnoj kul'tury Krymskoj ASSR 1920-h godov* [The newspaper "Krasny Krym" as a source on the history of book culture of the Crimean ASSR of the 1920s]. *Real'nost' media v paradigme vremeni : Doklady Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj pamjati professora Mihaila Fedorovicha Nenasheva, Moskva, 17–18 dekabnja 2020 goda*, Moscow, Moskovskij Politeh Publ., 2021, pp. 52–60.
20. Pondopulo G. K. *Fotografija. Istorija. Jestetika. Kul'tura* [Photography. History. Aesthetics. Culture]. Moscow, VGIK Publ., 2009. 335 p.
21. Pupkova N. *Voennaja zhizn' gazety* [Military life of the newspaper]. Krymskaja Pravda, 17.10.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-17/voennaya-zhizn-gazety> (accessed 7 December 2023).
22. Pupkova N. *Voennaja zhizn' gazety* [Military life of the newspaper]. Krymskaja Pravda, 24.10.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-10-24/voennaya-zhizn-gazety-1> (accessed 7 December 2023).
23. Pupkova N. *Voennaja zhizn' gazety* [Military life of the newspaper]. Krymskaja Pravda, 14.11.2017. Available from: <https://c-pravda.ru/news/2017-11-14/voennaya-zhizn-gazety-3> (accessed 7 December 2023).
24. Sergeeva O. V. *Naruzhnaja politicheskaja reklama v jepohu jelektronnyh media* [Outdoor political advertising in the era of electronic media]. *Aktual'nye problemy teorii kommunikacii*. St. Petersburg, Izd-vo SPbGPU Publ., 2004. PP. 220–225.
25. Speshilova A. Ju. *Plakat vremen vtoroj mirovoj voiny: zhanrovyje raznovidnosti, kompozicija, jazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Poster of the Second World War: genre varieties, composition, language. Abstract of thesis]. Moscow, 2008. 22 p.
26. Stepanov E. P. *Partizanskimi tropami* [Partisan paths]. Simferopol, Krymizdat Publ., 1961. 308 p.
27. Stigneev V. T. *Vek fotografii, 1894–1994: ocherki istorii otechestvennoj fotografii* [The Century of Photography, 1894–1994: essays on the history of Russian photography]. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ., 2011. 389 p.
28. Fedosov E. A., Konev K. A. *Sovetskij plakat vremen Velikoj Otechestvennoj vojny: obshhenacional'nyj i regional'nyj aspekty* [Soviet poster of the Great Patriotic War: national and regional aspects], *Rusin*, 2015, no. 2 (40). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskij-plakat-vremen-velikoy-otechestvennoy-voyny-obschenatsionalnyy-i-regionalnyy-aspekty> (accessed 7 December 2023).
29. Fominyh S. S. *Politicheskij plakat GDR kak tip teksta* [Political poster of the GDR as a type of text // Bulletin of the Chelyabinsk State University]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Filologija. Iskusstvovedenie*, 2009, release 31, pp. 130–133.
30. Shalygina D. L., Kulikov V. A. *Specifika propagandistskogo plakata vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny kak sredstva konstruirovanija sovetskoj identichnosti* [The specifics of the propaganda poster during the Great Patriotic War as a means of constructing Soviet identity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Series «Istorija»*, 2011, no. 2, pp. 54–57.
31. Shlyk E. V. *Propaganda patriotizma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny sredstvami izobrazitel'nogo iskusstva (plakat)* [Propaganda of patriotism during the Great Patriotic War by means of fine art (poster)]. *Cheljabinskij gumanitarij*, 2015, no. 1 (30), pp. 35–41.

VISUAL PROPAGANDA IN THE NEWSPAPER "KRASNY KRYM" DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. V. Yablonovskaya, K. A. Kutovaya

The article reveals the themes and forms of visual propaganda: photographs, posters, cartoons, drawings published in the newspaper "Krasny Krym" from June 22, 1941 to May 9, 1945. The authors draw attention to the fact that visual propaganda was creolized texts combining verbal and non-verbal components and thus providing a comprehensive impact on the recipient. Due to its simplicity, emotionality, and accessibility to the broad masses, including the illiterate, visual propaganda was extremely popular in the USSR in the 1920s and 1930s. During the Great Patriotic War, the potential impact of visual propaganda was directed to the needs of defense. In general, the authors conclude that visual propaganda in the newspaper Krasny Krym was used with maximum efficiency during the Great Patriotic War and performed a number of tasks: recorded what was happening, incited hatred towards the enemy, called for fighting him at the front and in the rear, created and distributed patriotic symbols and images, broadcast heroic patterns of behavior, glorified heroes, supported faith in victory.

Key words: visual propaganda, "Krasny Krym", Great Patriotic War, photography, drawing, poster, caricature.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.512.145'33=811.411.21

ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Бекирова Л. И., Бекиров Р. А.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: bekirova.79@mail.ru, rbekirov@mail.ru*

В статье осуществляется попытка исследования деонтической модальности в крымскотатарском и арабском языках. Подобное исследование является одним из немногих в области сопоставительного языкознания в вопросе изучения категории модальности крымскотатарском и арабском языках. В основе исследования находятся вопросы передачи деонтической модальности в изучаемых языках. В ходе исследования установлено, что категория модальности, средства её выражения, понятийный аппарат являются одними из наиболее спорных и многофункциональных в крымскотатарском и арабском языках. Успешный перевод значений, скрытых в модальных средствах, явно требует знания контекста. И даже в таком случае тонкие грани различий между одним и другим значением модального глагола останутся проблемой, требующей разносторонних подходов для разъяснения.

Ключевые слова: модальность, деонтический, крымскотатарский, арабский, контрастивная лингвистика.

ВВЕДЕНИЕ

Категория модальности представляет собой сложную понятийную категорию и включает в себе личное отношение говорящего к высказанной мысли, а также какое отношение эта ситуация имеет к остальным событиям, таким образом, определяя саму цель высказывания и, может быть выражена рядом средств в арабском и крымскотатарском языках.

Модальность – это выражение, относящееся к типу значений, отображающих намерение, суждение или точки зрения. Вопросы модальности исследовали в различных аспектах Ю. В. Костюченко [12], Р. П. Мильруд и И. В. Антипов [5], Н. Г. Мингазова и Л. Ф. Шангараева [6] и другие.

Палмер определяет модальность как «форму участия говорящего в речевой ситуации. Посредством модальности говорящий ассоциирует с утверждением его статус и достоверность согласно его собственному суждению, он навязывает свое мнение и занимает определенную позицию» [11, с. 4]. Ф. Р. Палмер также выдвигает аргумент, что «модальность имеет дело с отношением и мнением говорящего» [11, с. 5]. Позднее он добавляет, что модальность соотносится со статусом предложения, которое описывает событие, а также является кросс-лингвистической грамматической категорией, которая может быть предметом исследования типологического языкознания. Согласно Ф. Р. Палмеру модальность классифицируется как пропозициональная (относящаяся к высказыванию) модальность и ситуативная модальность. Первая категория подразделяется на два

вида: эпистемический и очевидный, в то время как ситуативная модальность может быть либо деонтической, либо динамической. В случае с деонтической модальностью, факторы, контролирующие событие, являются внешними на столько на сколько это подразумевается говорящим. Таким образом, деонтическая модальность относится к категории долженствования или разрешения, у которых есть внешний источник. Следовательно, к типологическим категориям относятся разрешение, долженствование и комиссив (обязательство), которые определяются как «действия, указывающие говорящему принять определенный курс действий... обещание заставить говорящего делать что-нибудь» [11, с. 8].

Ученые А. Меметов и К. М. Мусаев, определяя функции модальности в крымскотатарском языке, отмечают: «... модальные слова по своим грамматическим функциям близки к частицам, вместе с тем они остаются на переходной ступени от самостоятельных слов к частицам.» [4, с. 280].

В арабском языке «модальность выражается посредством модальных глаголов и их производными, а также некоторыми иными средствами» [1; 8].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Прилагательное «деонтический» имеет греческие корни и переводится как «долг, правильность». Основываясь на этимологии этого слова, деонтической модальности было дано определение сначала в логике и философии, а затем и в лингвистике. Впервые термин «деонтология» был сформулирован английским философом И. Бентамом. В современной философии этот термин определяется «как этика долга, отличная от этики добра, или аксиологии. Основанием для такого разграничения является наличие в морали двух формально и функционально разных способов декларирования нравственной позиции – в виде императивов, выражающих долженствование или запрет, и в виде оценок, выражающих одобрение или осуждение» [9].

Директивы (попытка заставить других что-либо делать) – самый распространенный тип модальности. В арабском языке директивы передаются посредством: «أمكن» (мочь, быть в состоянии), «إستطاع» (мочь, быть в состоянии) и «وجب» (следовать, надлежать, быть обязательным). «Что касается глаголов لزّم – ينبغي – واجب – , то они выражают моральный долг, необходимость в силу обстоятельств совершить какие-либо действия и переводятся на русский язык словами «должен», «нужно», «надо», «необходимо», «следует.» [7, с. 398]. В крымскотатарском языке директивы чаще всего представлены модальными словами: «керек», «лязим» (нужен, необходим), «мумкюн» (может/возможно), «меджбур» (обязан, вынужден).

Ф. Р. Палмер утверждает, что деонтическая модальность связана с «влиянием на действия, состояния или события». Таким образом она относится к событиям, которые еще не произошли, но потенциально могут быть актуализированы в будущем. Роль же говорящего в данном случае сугубо «директивна» и выражает способность, желание или обещание действовать. Среди других языковых средств выражения деонтической модальности также выделяют «منع» (запрещать), «سمح» (позволять), «يجب أن» (должен), «لزّم» (необходимо, нужно) [11, с. 78].

В крымскотатарском языке такие примеры как:

1. Сен шимди кетмек керексинь. – Ты должен сейчас уйти (Приказ)
2. Санъа шимди кетмек мумкюн. – Ты можешь сейчас уйти (есть такая

возможность/вероятность)

3. Сен шимди кете билесинь. – Ты можешь сейчас уйти (есть разрешение) – сугубо деонтичны. В первом примере «керексинь» выражает субъективную деонтическую необходимость (долженствование), а примеры номер два и три – субъективную деонтическую вероятность / разрешение. В арабском языке мы сталкиваемся с подобной ситуацией:

1. يجب أن تغادر الآن. – Ты должен сейчас уйти.
2. بإمكانك أن تغادر الآن. – Ты можешь (это возможно) сейчас уйти.
3. تقدر أن تغادر الآن. – Ты можешь сейчас уйти.

В первом примере на арабском языке деонтическая модальность обязательна, в то время как примеры № 4 и 5 носят разрешительный характер.

Обычные деонтические модальные слова крымскотатарского языка включают в себя следующие модальные слова: «керек», «лязим» (нужен, необходим), «мумкюн» (может/возможно), «меджбур» (обязан, вынужден), и их формы прошедшего времени, образуемые аналитическим способом: «керек эди» (был нужен, необходим), «мумкюн эди» (было возможно), «меджбур эди» (был обязан, вынужден: моральный долг).

В арабском языке, с другой стороны, используется огромное количество деонтических выражений с модальными глаголами: «سمح» («позволять, допускать»), «وسع» («быть позволительным, быть возможным, мочь»), «قدر» («мочь, быть в состоянии, в силах»), «جاز» («быть разрешенным, позволенным, допущенным»), «لزم» (быть нужным, необходимым), «تمكن» (мочь, быть в состоянии), «أمكن» (быть возможным), «أفترض» (мочь, быть в состоянии), «أفترض» (предполагать, допускать), «تحتّم» (вменять в обязанность, быть обязательным), «احتمل» (в стр. залоге: быть возможным, вероятным), «انبغي» (следует, надлежит, необходимо чтобы) и «تعين» (становиться неотложным, обязательным); предлогами; على; и модальными фразами «بإمكانك» (букв. «в твоих силах»: ты можешь), «بوسعك» (букв. «в твоих силах, способностях»: ты можешь), «بمقدورك» (букв. «в твоих силах»: ты можешь), «بإستطاعتك» (букв. «в твоих силах»: ты можешь), «من الجائز أن» (букв. «из возможного»: допустимо, возможно, что...), «من المتعين» (букв. «из неотложного»: обязательно), «من اللازم» (букв. «из необходимого»: обязательно), «من الممكن أن» (букв. «из возможного, вероятного»: возможно, вероятно, что...), «من المفروض أن» (букв. «из предполагаемого»: можно предположить, что) и «من الواجب» (букв. «из обязательного»: обязательно).

Один из факторов, вносящих свою лепту в понимание категории модальности, это – двусмысленность значений модальных глаголов.

В примерах 2, 3, 5, и 6, использование «можешь», выражающее разрешение, явно деонтическое, но, если мы заменим местоимение «ты» на «он», модальное значение станет туманным. Предложение «О шимди кетмек керек / мумкюн» двойственно в силу того, что в нем могут быть выражены следующие оттенки модальности: вероятность, разрешение, или способность (в случае со словом мумкюн). То есть эпистемическая, деонтическая, и динамическая интерпретации возможны.

Таким образом, сложно обозначить линию между оттенками модальности, заключенными в одном глаголе и четко определить использование этих глаголов в рамках их логических категорий: эпистемической, деонтической, динамической. Лиц и Коатс называют это явление «семантическая неопределенность» [11, с. 12] – сложный процесс определения типа модальности. Лиц выделяет три типа семантической неопределенности:

1. Двойственность значений: возможна более чем одна интерпретация; два и более значений.

Крымскотатарский язык: О, бизим фикиримизни анъламакъ керек». – Он должен понять нашу точку зрения (эпистемическая / деонтическая интерпретация необходимости).

Арабский язык: لم أستطع أن أنام في تلك الليلة. – Я не мог спать прошлой ночью (динамическая способность / деонтическое разрешение).

В рамках этой категории мы обычно выбираем одно значение.

2. Слияние значений: существует две интерпретации со схожим значением. Обычно оба значения допустимы; какое бы значение не было использовано, смысл предложения остаётся примерно одинаковым.

Крымскотатарский язык: Энди эвге кете билесинь. – Ты можешь уже идти домой (возможность / разрешение).

Арабский язык: أجل لقد انتهيت، تقدر أن تغادر الآن – Да, я закончил. Ты можешь уже идти (возможность / разрешение).

3. Плавный переход: существуют два значения, например, возможность и разрешение, между которыми существует значения, которые невозможно отнести к категории а или в.

Крымскотатарский язык: «Буны япып оламазсынъ».

Возможные значения:

А) Я запрещаю это.

Б) Это против правил.

В) Это неправильно.

Арабский язык: «يجب أن تذهب إلى المسجد» – Ты должен пойти в мечеть.

Возможные значения:

А) Это – обязательно (приказ).

Б) Это – обязательно (моральный долг).

В) Это необходимо (чтобы встретиться с кем-то, принять участие в чем-либо).

Очевидно, что скорее сама двойственности значений привносит своего рода «фон», чем сами модальные глаголы создают его. Таким образом понятно, почему «появляется двойственность, так как созданные нами фоновые значения бесконечны, часто идиосинкретичны и никогда не будут универсальны» [11].

Если все фоновые значения выражения известны, то двойственность значений модальных глаголов должна уменьшиться. Этого можно достичь при помощи контекста. Большинство вырванных из контекста выражений, по своей природе двойственны. В случае с модальными глаголами ситуация еще серьезнее. Арабский язык – язык диглоссии. Выражения на литературном языке, помещенные в определенный контекст, либо редкие, либо искусственные. С другой стороны,

разговорные выражения с модальными глаголами разнообразны, неcodифицированы и их почти невозможно сосчитать. Более того, отсутствие корпуса, иллюстрирующего использование этих выражений, любые попытки создать монолитную систему модальных глаголов для любого диалекта арабского языка приведет к огромному количеству недочетов и может закончиться абсолютным провалом.

Успешный перевод значений, скрытых в модальных глаголах, явно требует контекст. И даже в таком случае, тонкие грани различий между одним и другим значением модального глагола останутся проблемой, требующей больше, чем одностороннего подхода для их разъяснения (если это вообще возможно). Спербер и Уиллсон утверждают, что интерпретация выражений – лингвистически неопределенна, а факторы, извлекаемые из контекста, взаимодействуют с сугубо лингвистическим значением, чтобы предоставить полное понимание выражения. Однако, в случае с модальными глаголами, взаимодействуют несколько контекстов: время, точка зрения, намерение (в дополнение к экстралингвистическим факторам), что увеличивает степень неопределенности. Преобладающим ориентиром должна быть категория модальности. Если невозможно соотнести определенное, помещенное в контекст, значение модального глагола с модальным вопросом, то возникнут неточности в переводе [12].

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА, СООТВЕТСТВУЮЩИХ «КЕРЕК» И ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОМУ НАКЛОНЕНИЮ

А. Меметов и К. Мусаев в учебном пособии «Крымстатарский язык» отмечают: «Сочетание глагольного имени с модальным словом *керек* выражает долженствование, сближаясь с формой долженствовательного наклонения на *-малы* / *-мели*» [4, с. 281]. Следующие примеры иллюстрируют способы передачи модальности «керек» на арабский язык:

1. Манъа япмакъ керек олгъан шей, бу шеэрни машнанен айланьп чыкъмакътыр. – بينما لا يجب علي إلا أن أتجول بسيارتي في المدينة
2. Мытлакъ, бу ишни япмакъ керексинъиз. – انه واضح جدا ما ينبغي عليك عملك.
3. Буны шимди япмакъ керекмизми? – هل يلزم أن نقوم بهذا العمل الآن؟
4. Мен кетмелим, бармалым. – علي أن أرحل.
5. Эбет, буны айтмалым – бу меним усулым дегиль. – نعم، يجب أن أقول ذلك، فهذه ليست طريقي.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют, что при переводе на арабский язык модального глагола «керек» были использованы различные выражения опираясь на контекст и заложенный в него смысл. В первом примере выбрано сложное выражение «لا يجب علي إلا» (я не должен (делать что-то) кроме как). Отрицательная частица, предшествующая конструкции «يجب» (должен) вносит отрицательный смысл в выражение (я должен) «يجب علي», а «إلا» (кроме), предшествующее придаточному предложению, начинающемуся с «أن» (что), заключает в себе суть действия говорящего. В тексте на крымскотатарском языке иное значение, не запрещение, а

скорее незначительность, подчеркивающая, что действие, которое необходимо совершить не составляет огромного труда. Использование модального глагола «وجب» (быть обязательным, являться долгом) оправдано; однако, вся конструкция «لا يجب إلا علي» приводит к неверному толкованию. Из всех модальных глаголов арабского языка «وجب» (и конструкции с ним) является самым противоречивым; он отвечает за все оттенки необходимости и отличается особой гибкостью использования. Деонтическое значение «керек» и «وجب» является внешним; вовлеченность говорящего в речевой акт непрямая, так как она не высказывают прямого долженствования. Таким образом, перевод, имеющий непосредственное отношение подлежащему (динамический), более уместен.

Во втором примере мы сталкиваемся с трудностью другого характера: «керек» передается как «ينبغي» (следует, надлежит, необходимо). «ينبغي», «يجب» и «يتعيّن» используются в современном арабском языке без какой-либо разницы в значениях. Существует мнение, что разница в их использовании зависит от стиля текста. Также, мы считаем необходимым отметить роль контекста при выборе одного из этих модальных глаголов. На наш взгляд, «ينبغي» является соответствием для «керек», в то время как «يتعيّن» для «эмир этмек». Глагол «يجب», фразы и конструкции с ним, с другой стороны, может быть выбран в качестве эквивалента для тех модальных слов и долженствительного наклонения крымскотатарского языка, которые выражают необходимость.

В следующем примере, «керек» переведен как «يلزم» (надлежать, следовать, требоваться), что лексически означает «быть необходимым, нужным и неотложным». Но, возможно, самый близкий эквивалент для «يلزم» в крымскотатарском языке – это «лязим». Однако, так как «не должны ли мы» выражает отсутствие необходимости, которое может быть переведено на арабский язык как «لا يلزم» (не требуется), в данном случае ошибочно использовано «يلزم» вместо других более подходящих модальных глаголов: «يتعيّن», «ينبغي», «يجب» или выражений «يتحمّم» (вменяться в обязанность, быть обязательным) и «ضروري» (самый необходимый, крайне необходимый).

В четвертом примере, в крымскотатарском предложении использована форма долженствительного наклонения на на -малы / -мели «кетмелим», (я должен уйти, уходить, уезжать) переведённая на арабский язык посредством предлога «على» (для) с личным слитным местоимением первого лица и частицей «أن», как и в примере выше, он выражает деонтическую необходимость или долженствование. Иногда он используется с модальными глаголами «يتعيّن», «يجب» и «يتحمّم», чтобы подчеркнуть более сильный тип деонтической необходимости. Однако, наш пример исключает двойственность и неясность значений.

В последнем примере, деонтическая модальность также выражена посредством глагола в долженствительном наклонении «айтмалым», (я должен сказать), соответствием которому в арабском варианте является модальный глагол «يجب», заключающий в себе все возможные оттенки значений.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, необходимо выделить разные способы передачи деонтической модальности в арабском и крымскотатарском языках. Примером тому служит перевод предложений с крымскотатарского языка на арабский, включающие в себя различные лексические и грамматические средства с деонтической модальностью. Вместе с тем приведены наиболее удачные способы перевода и поиска переводных эквивалентов для таких крымскотатарских модальных слов как «керек», «лязим», «мумкюн» и др.

Список литературы

1. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: «Восточная литература» РАН, 1998. – 592 с.
2. Костюченко В. Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 3. – С. 71–82.
3. Меметов А. Земаневий кырымтатар тили. – Симферополь: Кырым девлет окъув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с.
4. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
5. Мильруд Р. П., Антипов И. В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. Томский государственный университет. – 2009. – № 1 (5). – С. 29–38.
6. Мингазова Н. Г., Шангараева Л. Ф. Категория модальности в татарском и арабском языках // Филология и культура. – 2013. – № 3 (13). – С. 94–97.
7. Шагаль В. Э., Меркин М. Н., Забиров Ф. С. Учебник арабского языка. – М.: Воениздат, 1983. – 784 с.
8. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 1999. – 160 с.
9. Электронная библиотека ИФ РАН Деонтология. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc25c36368caeа0a5d95c>. – (Дата обращения: 18.12.2023).
10. Abdel-Fattah Mahmoud M. On the Translation of Modals from English into Arabic and Vice Versa: The Case of Deontic Modality. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/248905985_On_the_Translation_of_Modals_from_English_into_Arabic_and_Vice_Versa_The_Case_of_Deontic_Modality. – (Дата обращения: 05.12.2023).
11. Palmer F. R. Mood and modality. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 254 p.
12. Wilson D., Sperber D. Relevance Theory. – Режим доступа: <https://www.dan.sperber.fr/?p=93>. – (Дата обращения: 06.12.2023).

References

1. Grande B. M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii* [Course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. RAN, 1998. 592 p.
2. Kostyuchenko V. YU. *Kategoriya modal'nosti s tochki zreniya logiki i lingvistiki: skhodstva, razlichiya i perspektivy sinteza* [The category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects for synthesis]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 3, pp. 71–82.

3. Memetov A. *Zemanevii k"yrymtatar tili* [Moder Crimean Tatar language]. Simferopol, Kyrym devlet okuv pedagogika neshriyaty Publ., 2006. 320 p.
4. Memetov A., Musaev K. *Krymtatarskii yazyk. Ch. I. Obshchie svedeniya o yazyke. Ch. II. Morfologiya. Uchebnoe posobie* [Crimea Tatar language. P. I. General information about the language. P. II. Morphology. Textbook]. Simferopol, Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 2003. 288 p.
5. Mil'rud R. P., Antipov I. V. *Tipologicheskie kharakteristiki modal'nosti v nauchno-issledovatel'skom pis'mennom tekste* [Typological characteristics of modality in scientific research written text]. *Yazyk i kul'tura*, 2009, no. 1 (5), pp. 29–38.
6. Mingazova N.G., Shangaraeva L.F. *Kategoriya modal'nosti v tatarskom i arabskom yazykakh* [Category of modality in the Tatar and Arabic languages]. *Filologiya i kul'tura*, 2013, no. 3 (13), pp. 94–97.
7. Shagal' V. E., Merekin M. N., Zabiroy F. S. *Uchebnik arabskogo yazyka* [Arabic textbook]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983. 784 p.
8. Yushmanov N. V. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka* [Grammar of the Literary Arabic language]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 1999. 160 p.
9. *Ehlektronnaya biblioteka IF RAN Deontologiya* [Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Deontology]. Available from: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc25c36368cae a0a5d95c>. (accessed 18 October 2023).
10. Abdel-Fattah Mahmoud M. *On the Translation of Modals from English into Arabic and Vice Versa: The Case of Deontic Modality*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/248905985_On_the_Translation_of_Modals_from_English_into_Arabic_and_Vice_Versa_The_Case_of_Deontic_Modality. (accessed 5 October 2023).
11. Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 254 p.
12. Wilson D., Sperber D. *Relevance Theory*. Available from: <https://www.dan.sperber.fr/?p=93>. (accessed 6 October 2023).

DEONTIC MODALITY IN THE CRIMEAN TATAR AND ARABIC LANGUAGES

Bekirova L. I., Bekirov R. A.

The article makes an attempt to study deontic modality in the Crimean Tatar and Arabic languages. Such a study is one of the few in the field of comparative linguistics on the issue of studying the category of modality in the Crimean Tatar and Arabic languages. The problem of this study is based on the issues of transferring deontic modality in the languages being studied. The study established that the category of modality, the means of its expression, and the conceptual apparatus are among the most controversial and multifunctional in the Crimean Tatar and Arabic languages. The category of modality is a complex conceptual category and contains the personal attitude of the speaker to the expressed thought, as well as how this situation relates to other events, thus defining the very purpose of the utterance and can be expressed by a number of means in the Arabic and Crimean Tatar languages. Successful translation of the meanings hidden in modals clearly requires context. Even so, the subtle differences between one meaning of a modal verb and another will remain a problem that requires more than a one-sided approach to clarify.

Keywords: modality, deontic, Crimean Tatar, Arabic, contrastive linguistics.

УДК 81'271.16

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Воронцова Ю. А.

*ФГАОУ ВО «Брянский государственный технический университет»,
Брянск, Российская Федерация
E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru*

В статье представлена попытка предоставить новые практические и теоретические наработки, которые могут дополнить наше понимание роли языка в рекламе на английском и русском языках. Статья посвящена сравнительному анализу лексической составляющей рекламных текстов на английском и русском языках, выявляет ключевые различия и сходства в использовании языковых средств и приемов в рекламных сообщениях, написанных на данных языках, представляет культурную адаптацию и трансформацию рекламных текстов при переводе с английского языка на русский. Исследование направлено на ознакомление с многогранными аспектами рекламного языка, обогащение понимания языковой динамики в маркетинге, влияние языковой составляющей на формирование имиджа бренда и восприятие потребителями его ценностей. Статья подчеркивает, что лингвисты, маркетологи, психологи и культурологи продолжают исследовать, какие языковые приемы и структуры наиболее эффективны в рекламных текстах, что помогает создавать более успешные и привлекательные кампании, а также как разные культурные контексты влияют на восприятие рекламы. В рамках настоящего исследования было проведено анкетирование, которое предоставило ценные данные и инсайты относительно восприятия и воздействия рекламных текстов на английском и русском языках. Анализ результатов позволяет понять, как языковые и культурные факторы влияют на восприятие потребителями, и какие особенности рекламы могут быть наиболее эффективными в разных ситуациях.

Ключевые слова: реклама, потребитель, национально-культурная специфика, рекламные тексты, лексический состав, культурные факторы.

ВВЕДЕНИЕ

В наше время, на фоне стремительного развития информационных технологий и мировой глобализации, актуальность исследования лексической составляющей рекламных текстов на английском и русском языках становится более значимой, чем когда-либо. Реклама остается неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, оказывая влияние на решения, желания и даже образ поведения. Эффективное использование лексики в рекламных текстах становится ключом к успеху, как для брендов, так и для потребителей.

Актуальность данной темы дополнительно подчеркивается ростом числа международных компаний и брендов, стремящихся к проникновению на различные рынки и взаимодействию с разнообразными аудиториями. Эффективное использование рекламных текстов на разных языках становится жизненно важным аспектом глобальной стратегии маркетинга.

При этом необходимо учитывать, что язык и культурные особенности играют решающую роль в формировании ответной реакции аудитории на рекламу. Осознание взаимодействия языковой составляющей и культурного контекста в рекламных сообщениях имеет большое значение для успешного продвижения товаров и услуг, а также для сохранения брендовой идентичности в различных культурных и языковых средах.

Цель статьи – провести сравнительный анализ лексики рекламных текстов на английском и русском языках, выявляя ключевые различия и сходства. Эти различия могут быть обусловлены не только структурными особенностями языков, но и национальными нормами, ценностями и представлениями о том, что считается привлекательным и убедительным в каждой культуре. Исследование этих различий может помочь брендам и рекламным агентствам более точно настраивать свои кампании на разные аудитории и лучше понимать, как язык влияет на восприятие рекламных сообщений.

Важной проблемой является вопрос о культурной адаптации и трансформации рекламных текстов при переводе с одного языка на другой, в процессе которого некоторые элементы оригинальной англоязычной рекламы сохраняются, а некоторые изменяются при адаптации под русскоязычных потребителей и их решения. Необходимо определить какие лингвистические и структурные приемы делают рекламные сообщения более привлекательными и убедительными, как язык влияет на формирование имиджа бренда и на восприятие потребителями его ценностей. Для переводчиков и маркетологов первостепенно учитывать разницу в культурных коннотациях и нормах в рекламных текстах.

Для понимания возрастающей актуальности исследования лексики рекламных текстов на английском и русском языках в статье используются теоретический метод исследования, обобщающий анализ научных источников для выявления специфики рекламных текстов; эмпирический метод, заключающийся в проведении анкетирования; статистический метод, систематизирующий количественный и качественный анализ результатов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование лексики рекламных текстов на английском и русском языках является актуальной и интересной областью лингвистической, маркетинговой и культурологической науки. Проблемы взаимодействия языка и рекламы, а также их культурного контекста, обсуждались и исследовались многими авторами в различных научных работах.

История исследования лексики рекламных текстов насчитывает несколько важных этапов. Начиная с середины XX в., интерес к рекламе как лингвистическому и маркетинговому явлению стал активно развиваться. В этот период исследователи начали обращать внимание на то, как язык может влиять на восприятие рекламы и как рекламные тексты используют лингвистические приемы для привлечения внимания аудитории.

Одним из первых значительных исследователей в этой области был Эрнест Дайч (Ernest Dichter), который изучал психологию потребителя и взаимосвязь языка и рекламы. В своей книге “The Strategy of Desire” (1960) он анализировал, как языковые средства могут стимулировать желания потребителей и формировать их отношение к продукту [8].

Следующий важный этап в исследованиях языка рекламы связан с развитием семиотики и структурализма. Роланд Барт (Roland Barthes) в своей работе “Mythologies” («Мифологии», 1957) и Фернанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure) в

работе «Заметки по общей лингвистике» рассмотрели концепцию «знака» и внесли существенный вклад в понимание того, как знаки и символы используются в рекламных текстах для создания определенных коннотаций и ассоциаций [7; 4].

В современном мире с быстрым распространением интернета и социальных медиа исследования в области языка рекламы стали более многообразными и междисциплинарными. Американские ученые К. Сэндидж, В. Фрайбургер, К. Ротцолл в книге «Реклама: теория и практика» писали, что «рекламу можно рассматривать как форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [5]. Также они отмечали, что «в Америке середины XX в. сила рекламного слова и рекламного образа затмила собой мощь всей прочей литературы» [5].

Современный исследователь Е. Н. Ежова в монографии «Лингвистика рекламного текста» пишет, что «сегодня вещный мир наделен еще одной важной функцией – функцией маркера образа жизни, имиджа, что в полной мере находит отражение в медиарекламной картине мира и медийно-рекламном тексте, который представляет собой жестко моделируемое структурно-семантическое единство заложенной в нем маркетинговой и эстетической информации, направленной на формирование определенной поведенческой реакции» [3].

Таким образом, исследования в области языка рекламных текстов продолжают развиваться, обогащаясь новыми методами и подходами.

Изучение копирайтинга обусловлено не только актуальностью рекламной индустрии в современном мире, но и важностью понимания влияния языка и культурных особенностей на эффективность рекламных сообщений. Реклама стала неотъемлемой частью современной культуры и общества, влияние рекламы на потребителей и их решения не может быть недооценено.

Следовательно, исследование сходств и различий в использовании языковых средств и приемов в рекламе является значимой задачей с научной и практической точек зрения. Осознание этих особенностей помогает понять, какие лингвистические инструменты используются для создания эффективных рекламных сообщений в каждом из этих языковых контекстов.

Сходства в использовании языковых средств:

1. Эмоциональная апелляция, предполагающая обращение к разным эмоциям оппонента. Так, в английском языке реклама может использовать слова и фразы, которые создают положительные эмоции, как в примере: *“Feel the difference with our luxurious skincare products.”* На русском языке аналогичное воздействие может быть достигнуто переводом словосочетания *‘skincare products’*, более обобщенным словом «косметика», например: *«Почувствуйте разницу с нашей роскошной косметикой».*

2. Использование метафор и аллегорий. Как в английском, так и в русском языках рекламные тексты часто содержат стилистические приёмы, которые помогают переносить определенные образы или концепции и создавать интересные ассоциации у аудитории. Например, *“Our product is the key to unlocking your full potential”* – *«Наш продукт – это ключ к развитию вашего полного потенциала».* *«Апельсиновый заряд»* – реклама безалкогольного напитка *‘Fanta’*, *«Радуга фруктовых ароматов»* – реклама конфет *‘Skittles’* [10].

3. Игра слов и творческие приемы. Рекламодатели в обоих языках используют игру слов, каламбуры и другие творческие приемы для привлечения внимания и запоминаемости. Примером каламбура служит перевод на русский язык рекламы шампуня Wella: *'Shiny hair'* – «Блестящая жизнь ваших волос». Примером игры слов может служить такая английская фраза: *"Our prices are falling, but your style is rising!"* и соответствующая русская версия: «Наши цены падают, а ваш стиль растет!» или «Телефонная трубка мира» перевод рекламы *'BCI'* – Телекоммуникационной системы связи. [10].

Различия в использовании языковых средств:

1. Грамматические структуры. Русский и английский языки имеют различные грамматические структуры, и это влияет на построение предложений и акценты в рекламных текстах. Русский язык обладает богатой грамматической системой падежей, что может использоваться для выделения ключевых слов или идей. Например: «Счастье в каждой капле нашего продукта». Английская реклама использует короткие предложения с простой структурой, чтобы привлечь внимание аудитории и избежать коммуникативной неудачи, например, реклама обуви ECCO: *'My world; my style; my ECCO'* – «Мой мир; мой стиль; мой ECCO» [6, с. 38], реклама автомобиля Toyota Prius: *'Our mission is to reach zero emission.'* – «Наша миссия – нулевая эмиссия». [6, с. 39].

2. Идиомы и культурные аспекты. Каждый язык обладает своими уникальными фразеологическими оборотами и культурными ассоциациями. Рекламные тексты часто содержат идиоматические выражения и аллюзии, специфичные для каждого языка. Например, в английской рекламе можно использовать идиому *'to break a leg'*, *"I know you can do it! Break a leg!"* для пожелания успеха, тогда как в русской рекламе такое выражение не имеет аналога и переводится идиоматическим выражением «Ни пуха ни пера!», идиома *"to feel at home"* – «чувствовать себя как дома» используется в рекламе американской многонациональной розничной сети товаров для дома The Home Depot: *"When you're at The Home Depot, you feel right at home"*. В русском языке идиомы используются в рекламе, например, розничной сети продуктов питания «Перекресток»: «Держи руку на пульсе».

3. Фонетические особенности. Английский и русский языки различаются по фонетическим характеристикам, таким как звуки и интонация. Рекламодатели могут использовать аудио особенности языка для создания звуковых логотипов и выразительных речевых эффектов. Например, в английском языке можно использовать аллитерацию, как во фразе *'Sizzling summer savings'* – «Шикарная летняя экономия», в то время как в русскоязычной рекламе это может быть основано на особенностях произношения звуков, например: «МОТО. Меньше, чем маленький!» – реклама сотового телефона *'Motorola'*.

Анализ этих сходств и различий позволяет глубже понять, как язык влияет на эффективность рекламных сообщений, как их можно передать для разных реципиентов. Процесс адаптации рекламных текстов с английского языка на русский представляет собой сложное и творческое задание, требующее глубокого понимания культурных различий, предпочтений русскоязычной аудитории, соблюдения лингвистических особенностей. То есть «следует подвергать анализу именно те

приемы, которые по виду одни и те же в обоих языках, а по существу и своим функциям отличны, в чем и заключается трудность, а иногда и невозможность их перевода» [1, с. 146]. При этом важно не потерять баланс между сохранением основных идей и ценностей оригинала и приспособлением под культурные ожидания и нормы русскоязычного потребителя.

Для сохранения ключевых элементов аутентичного текста необходимо учитывать следующие составляющие:

1. Брендочная идентичность. Одним из важных аспектов адаптации английской рекламы под культурные ожидания и нормы русского языка является сохранение брендочной идентичности. Название бренда и его логотип могут оставаться неизменными, чтобы сохранить узнаваемость и доверие аудитории. Например, многие мировые компании, такие как *'Coca-Cola'*, *'McDonald's'*, *'Apple'*, оставляют без перевода свои названия и логотипы в русскоязычных рекламных кампаниях.

2. Уникальные характеристики товара. Необходимо подчеркнуть ключевые характеристики продукта и преимущества оригинала. Если англоязычная реклама подчеркивает натуральность продукта, то и русскоязычная версия должна сохранить это утверждение, адаптируя текст к своим языковым особенностям. Например, реклама фирмы Gillette: *'The Best A Man Can Get'* имеет русскоязычный аналог «*Gillette – лучшее, что может получить мужчина*», реклама онлайн-контента *'Google'* *'Google: Year in Search'* имеет русскоязычный аналог – «*Google: год в поиске*» [10].

Язык рекламы в процессе перевода подвергается изменениям с учетом культурных особенностей:

1. Культурные референции и ассоциации. Американская реклама может использовать символику, связанную с американской культурой, так Билл Клинтон присутствовал в рекламе фототехники фирмы *'Fuji Film'*, в то время как русскоязычная аудитория может лучше реагировать на символику, связанную с русскими праздниками и традициями. Например, на Олимпийских играх в Москве в 1980 году символом олимпиады стал Олимпийский Мишка. Позднее медведь стал использоваться в рекламе одной из политических партий страны – «Единая Россия».

2. Стилистические аспекты. Русский и английский языки имеют разные стилистические особенности. Например, английский текст может быть более кратким и прямым, в то время как русскоязычное сообщение скорее более эмоциональное и описательное. Переводчики и маркетологи должны учитывать эти стилистические различия при адаптации рекламы, что отражено в следующих примерах.

'Pampers' компании *'Procter & Gamble'*. В рекламной кампании для подгузников англоязычный слоган *"Love the Change"* был адаптирован как «*Любовь в каждой смене*». Этот перевод сохраняет идею заботы о малыше и изменениях в жизни родителей, что ближе к русской культуре.

'Nestlé' компании *'Nescafé'*. Компания *'Nestlé'* адаптировала рекламный текст для кофе *'Nescafé'*, где английская фраза *'It all starts with a Nescafé'* на русский звучит как «*Всё начинается с Nescafé*». Этот перевод подчеркивает идею начала и стартовой точки, что имеет смысл в русскоязычной культуре.

Компания 'L'Oréal' при адаптации своих рекламных текстов для русскоязычной аудитории акцентирует понятие красоты. Например, англоязычный слоган 'Because you're worth it.' переводится на русский как «Потому что ты этого стоишь». Этот перевод фокусируется на индивидуальной ценности каждой женщины.

В рекламе шоколадных батончиков 'Snickers' англоязычная фраза 'You're not you when you're hungry' на русский переводится как «Ты не сам собой, когда голоден». Этот перевод сохраняет идею изменения личности при голоде, что понятно и забавно для русскоязычной аудитории.

Компания 'Audi' подчеркивает свои инженерные достижения и технологические инновации. Англоязычный слоган 'Advancement through Technology' переводится на русский язык как «Развитие через технологии», что подчеркивает важность передовых технологий в продукции.

Эти конкретные примеры демонстрируют, как бренды учитывают культурные коннотации, нормы и ожидания русскоязычной аудитории при адаптации своих рекламных текстов. Это помогает им создавать релевантные и привлекательные сообщения, которые легко воспринимаются и понимаются русскоязычными потребителями, влияя на их выбор и процесс принятия решений.

Рассмотрим лингвистические и структурные методы, которые делают рекламные сообщения более привлекательными и убедительными:

Риторические фигуры. В рекламных текстах часто используются аллитерация, повторения и гиперболы, чтобы сделать сообщение более запоминающимся. Например, английский слоган 'Finger-lickin' good' для ресторанов быстрого питания KFC и его русский аналог «Облизешь пальцы» используют аллитерацию для создания запоминающейся фразы [10]. Аллитерация прослеживается и в следующих примерах: 'Rolls-Royce' – «Роль-Ройс», 'Tic Tac' – «Тик-Так». Киностудия «Метро Голден Майер» использует гиперболу в слогане 'More Stars than in Heaven' – «Больше звезд, чем на небе».

Призывы к действию (Call to Action) [9]. Это важный элемент рекламы, который побуждает пользователя к немедленному действию. В английском языке 'Shop Now!' и в русском языке «Покупайте сейчас!» служат одной цели – побудить потребителей к покупке.

Эмоциональное воздействие. Эмоциональное воздействие универсально, но выбор слов и культурные ссылки могут различаться. Например, английский рекламный слоган 'Create Memories' вызывает сентиментальные чувства, и его русский эквивалент «Создавайте воспоминания» несет аналогичное эмоциональное воздействие.

Языковая составляющая рекламного сообщения оказывает воздействие на восприятие культурных ценностей потребителями. Например, английская реклама для экологически безопасного продукта может акцентировать 'sustainability', в то время как его русская версия будет использовать термин «экологичность», что делает акцент на экологических вопросах в культуре. Google использовал инклюзивный маркетинг в своей последней рекламе: 'The more we learn, the closer we get.' – «Чем больше мы узнаем, тем ближе мы становимся», которая побуждает пользователей задавать сложные вопросы о расе, религии и психическом здоровье.

Лексические единицы в рекламе формируют имидж бренда. Например, английская реклама часов класса люкс может использовать слова *'elegance'* и *'exclusivity'*, в то время как русская версия может использовать слова «*стиль*» и «*уникальность*» для передачи аналогичного ощущения престижа.

Выбор языковых средств может тонко влиять на поведение потребителей. Например, английская реклама автомобиля, использующая фразу *'Experience the thrill of the open road'*, стимулирует ощущение приключения. Русская версия «*Почувствуйте волнение открытой дороги*» также стремится вызвать эмоциональный отклик и активность потребителей.

В рамках исследования было проведено анкетирование среди студентов Брянского государственного технического университета, имеющих различный лингвистический и культурный фон, для того чтобы «видеть реальную картину и выявлять положительные и отрицательные последствия некоторых нововведений» [2, с. 123]. Целью анкетирования было выявить, как рекламные тексты на английском и русском языках влияют на восприятие и решения респондентов. Ниже представлены основные результаты социологического исследования.

В ответе на первый вопрос «*Восприятие и понимание рекламных текстов*» 75% участников отметили, что рекламные тексты на английском языке им кажутся более понятными и легче воспринимаемыми, чем на русском. 25% участников заявили, что они быстрее улавливают ключевые сообщения в рекламных текстах на английском языке. Результаты показывают, что рекламные тексты, написанные на английском языке, имеют преимущество в плане понимания и легкости восприятия. Это может быть связано с широким распространением английского языка в мировой культуре и медиа. Однако следует отметить, что это не означает, что реклама на русском языке менее эффективна. Важность контекста и целевой аудитории не следует недооценивать.

На второй вопрос «*Воздействие рекламы на решения что-то купить*» 58% респондентов ответили, что реклама на английском языке чаще стимулирует их к совершению покупки или действиям, в то время как 42% сказали, что реклама на русском языке оказывает большее воздействие. Результаты свидетельствуют о том, что влияние рекламы может различаться в зависимости от языка. Английский язык оказывает большее воздействие на склонность к совершению покупок, что, возможно, связано с восприятием англоязычных брендов как мировых и современных. С другой стороны, реклама на русском языке может сильнее влиять на определенные аудитории, особенно если акцентирует региональные и культурные ценности.

В ответе на третий вопрос «*Использование лингвистических особенностей*» 62% участников считают, что языковая специфика, такая как слоганы и креативные переводы, играют важную роль в привлечении внимания к рекламе на английском языке. 38% участников признали, что культурные адаптации в рекламных текстах на русском языке делают их более привлекательными. Результаты подчеркивают важность лингвистических особенностей, таких как слоганы и креативные переводы,

в привлечении внимания к рекламе. Это означает, что внедрение оригинальных и привлекательных лингвистических решений может увеличить эффективность рекламной кампании вне зависимости от выбранного языка.

Отвечая на четвертый вопрос «*Восприятие бренда и его ценностей*», 68% участников утверждают, что язык влияет на их восприятие бренда и они склонны ассоциировать англоязычные бренды с международным стилем и современностью, в то время как русскоязычные бренды воспринимаются как более традиционные и приземленные. 32% респондентов готовы к принятию торговых марок в переводе на русский язык. Лексика играет существенную роль в формировании восприятия бренда. Англоязычные бренды часто ассоциируются с международной и современностью, в то время как русскоязычные бренды могут восприниматься как более традиционные и приземленные. Эти результаты подчеркивают важность соответствия брендовой идентичности и ценностей культурным ожиданиям аудитории.

В ответе на пятый вопрос «*Сравнение рекламы на английском и русском языках*» 53% участников отметили, что реклама на английском языке более привлекательна и убедительна, особенно в случае продвижения продукции с международным брендом. 47% участников предпочли рекламу на русском языке, особенно если она акцентирует региональные и культурные ценности. Сравнительный анализ рекламы на английском и русском языках подчеркивает, что эффективность зависит от контекста и целевой аудитории. Реклама на английском может быть более воздействующей для глобальной аудитории, в то время как русскоязычная реклама может лучше соответствовать местным ожиданиям и культурным ценностям.

Анкетирование, проведенное в рамках настоящего исследования, предоставило ценные данные и инсайты относительно восприятия и воздействия рекламных текстов, написанных на английском и русском языках. Эти результаты подчеркивают важность адаптации языка и содержания в рекламных текстах в зависимости от целевой аудитории и бренда, позволяют понять, какие особенности рекламы могут быть наиболее успешными в разных ситуациях. Это обеспечит более эффективную и адаптированную коммуникацию с реципиентами и усилит воздействие рекламных текстов.

ВЫВОДЫ

Лексическая составляющая играет решающую роль в создании эффективных рекламных текстов. Важно понимать, что выбор языковых средств может оказывать существенное воздействие на восприятие и решения потребителей, а также на общее восприятие бренда и его ценностей.

Рекламные тексты на английском языке имеют свои преимущества, особенно когда бренд стремится к мировой аудитории. Английский язык ассоциируется с международным стилем и современностью, что может быть привлекательным для глобальных брендов. Однако важно понимать, что успех рекламы также зависит от того, насколько хорошо она адаптирована к целевой аудитории.

Лингвистические особенности, такие как слоганы и креативные переводы, могут увеличить эффективность рекламных текстов независимо от выбранного языка.

Культурные адаптации также играют важную роль в том, насколько реклама будет восприниматься аудиторией.

Таким образом, результаты нашего исследования подчеркивают важность учета лингвистических и культурных особенностей при разработке рекламных текстов. Каждый бренд и кампания уникальны, и эффективная коммуникация требует тщательного выбора языковых средств и адаптации к экстралингвистическим реалиям.

Список литературы

1. Воронцова Ю. А. Методика преподавания последовательного перевода с иностранного (английского) языка // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2008. – № 2 (18). – С. 145–150.
2. Воронцова Ю. А. Применение социологических исследований в работе со студентами экономического профиля // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2006. – № 1 (9). – С. 122–128.
3. Ежова Е. Н. Лингвистика рекламного текста: монография. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 210 с.
4. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 274 с.
5. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика. – М.: Прогресс, 1989. – 630 с.
6. Шишкин Н. В., Жумагулова Н. С. Языковые особенности английских и русских рекламных текстов // Наука и Реальность. – 2020. – № 1. – С. 36.
7. Barthes R. *Mythologies*. – Paris: Seuil, 1957. – Режим доступа: https://archive.org/details/BarthesRolandMythologies1957_201811. – (Дата обращения: 24.10.2023).
8. Dichter E. *The Strategy of Desire*. – New Brunswick (USA), London (UK): Transaction Publisher, 2004. – 304 p.
9. LPGenerator. Что такое рекламный текст: структура и 7 схем создания с примерами. – Режим доступа: <https://lpgenerator.ru/blog/kak-sozdat-reklamnyj-tekst/>. – (Дата обращения 24.10.2023)
10. Sloganshub.org. 50 Advertising Slogans That You'll Never Forget. – Режим доступа: <https://sloganshub.org/advertising-slogans/>. – (Дата обращения 24.10.2023).

References

1. Vorontsova Yu. A. *Metodika prepodavaniya posledovatel'nogo perevoda s inostrannogo (angliyskogo) yazyka* [Methods of teaching consecutive interpretation from a foreign (English) language]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2008, no. 2 (18), pp. 145–150.
2. Vorontsova Yu. A. *Primeneniye sotsiologicheskikh issledovaniy v rabote so studentami ekonomicheskogo profilya* [Application of sociological research in working with the students of economic direction] *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, no. 1 (9), pp. 122–128.
3. Ezhova E. N. *Lingvistika reklamnogo teksta: monografiya* [Linguistics of advertising text: monograph]. Stavropol, Severokavkazskii Federal'nyi Universitet Publ., 2018. 210 p.
4. De Saussure F. *Zametki po obshchey lingvistike* [Notes on general linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1990. 274 p.
5. Sandage Ch., Freiburger V., Rotzoll K. *Reklama: teoriya i praktika* [Advertising: theory and practice]. Moscow, Progress Publ., 1989. 630 p.

6. Shishkin N.V., Zhmagulova N.S. *Yazykovyye osobennosti angliyskikh i russkiy reklamnykh tekstov* [Linguistic features of English and Russian advertising texts] *Nauka i Real'nost'*, 2020, no. 1, pp. 38–41.
7. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Seul, 1957. Available from: https://archive.org/details/BarthesRolandMythologies1957_201811. (accessed 24 October 2023).
8. Dichter E. *The Strategy of Desire*. New Brunswick (USA), London (UK), Transaction Publisher, 2004. 304 p.
9. *LPGenerator. Chto takoye reklamnyy tekst: struktura i 7 skhem sozdaniya s primerami* [LPGenerator. What is advertising text: structure and 7 creation schemes with examples]. Available from: <https://lpgenerator.ru/blog/kak-sozdat-reklamnyj-tekst/>. (accessed 25 October 2023).
10. *Sloganshub.org. 50 Advertising Slogans That You'll Never Forget*. Available from: <https://sloganshub.org/advertising-slogans/>. (accessed 25 October 2023).

LEXICAL COMPONENT OF ADVERTISING TEXTS IN ENGLISH AND RUSSIAN

Vorontsova Yu. A.

This article presents an attempt to provide new practical and theoretical developments that can complement understanding the language role in English and Russian advertising. The article is devoted to a comparative analysis of the lexical component of advertising texts in English and Russian, identifies key differences and similarities in using linguistic means and techniques in advertising texts written in these languages, presents the cultural adaptation and transformation of advertising texts when they are translated from English into Russian. The study is aimed at introducing the multifaceted aspects of the advertising language, enriching the comprehension of linguistic dynamics in marketing, influencing the language component on forming a brand image and consumer perception of its values. The article highlights that linguists, marketers, psychologists and cultural scientists continue to explore what language techniques and structures are the most effective in advertising texts, which helps to create more successful and attractive campaigns, as well as how different cultural contexts affect the perception of advertising. As part of this study, a survey is conducted that provides valuable data and insights regarding the impact of advertising texts in English and Russian. Analysing the results allows understanding how linguistic and cultural factors influence consumers' perception, and what advertising features may be the most appealing in different situations.

Key words: advertising, consumer, national and cultural specifics, advertising texts, lexical composition, cultural factors.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 82.161.1-2"20"

РЕМАРОЧНЫЙ ПЛАСТ СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ОБРАЗНОЕ И КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Зайцева И. П.

*УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
Витебск, Беларусь
E-mail: irinazaj91@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению особенностей одного из структурно-функциональных компонентов драматургических произведений – ремарочному пласту, который традиционно понимался как композиционно-речевая зона, наделяемая служебной функцией (Б.В. Томашевский) по отношению к композиционно-речевой зоне персонажей (собственно драматургическому диалогу). Анализ пьес современных авторов (Н. Коляды, А. Слаповского, Е. Черлака) свидетельствует, что в русской драматургии конца XX–XXI вв. ремарка занимает более значимое место, нежели отводимое ей ранее. Это находит проявления в явно большем распространении беллетризованной ремарки, которая отличается от типичной ремарки не только значительной развернутостью и, как правило, собственной композиционной структурированностью, но и наличием в ней речевых средств с очевидными образным и оценочным компонентами, что, в свою очередь, расширяет возможности воплощения в пьесе концептуально-эстетической позиции драматурга, его отношения к выводимым в пьесе персонажам. Трансформация функций ремарочного пласта отражена и в теоретическом осмыслении этого феномена в филологической науке: определения ремарки в справочных терминологических источниках XXI в. отличает более глубокое и разноаспектное ее описание. В частности, исследователи предлагают классифицировать ремарки и по принципам, которые ранее не принимались во внимание (например, с учетом динамики взаимодействия речи персонажей и ремарок); выделяют такое свойство ремарки современных пьес, как сценарность, и т. п.

Ключевые слова: драматургия, композиционно-речевая зона, автор-драматург, ремарочный пласт, персонаж, беллетризованная ремарка, сценарность, оценочность, образность.

ВВЕДЕНИЕ

На новейшем этапе языковедческого и междисциплинарного знания (в данном случае имеются в виду те «стыковые» области, в которых ведущим или отчетливо выраженным является лингвистический компонент) открылись возможности для более разноаспектного и глубокого исследования художественной речи (языка художественной литературы), воплощённой в литературных произведениях различной родолитературной и жанровой принадлежности. Это находит отражение и в дифференциации ряда научных направлений, в которых автономизируются области, сосредоточивающие исследовательское внимание именно на рассмотрении словесно-художественных произведений. К таковым принадлежит, например, *коммуникативная стилистика художественного текста*, выделившаяся в отдельную область исследования внутри *коммуникативной стилистики текста*: «новое направление современной функциональной стилистики, ... комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. ... Среди экстралингвистических факторов общения для

коммуникативной стилистики художественного текста актуальны личность автора и адресата; цели и задачи, определяющие их первичную и вторичную коммуникативную деятельность; специфика сферы общения; характер ситуации; жанр и т. д.» [2, с. 157].

При этом современная драматургическая речь – словесное пространство пьес, созданных на рубеже прошлого и нынешнего столетий, а также в XXI веке – оказывается объектом рассмотрения достаточно редко, на что уже указывалось в ряде наших работ (см., например: [4; 5]). Между тем разноаспектные исследования феномена художественной драматургической речи представляются весьма актуальными для более глубокого постижения не только своеобразия языка художественной литературы, но и многих явлений и процессов, характерных для функционирования языка современного периода в принципе. Это обусловливается прежде всего таким качеством драматургии (в данном случае речь идёт о драматургии русской), как *жизнеподобие речевых портретов персонажей*: во все периоды её существования особенностью большинства пьес (за исключением нескольких, достаточно камерных, жанровых форм) являлась максимальная приближенность словесной ткани произведения к тому, как говорили «в жизни», т. е. к *живому* языку той или иной эпохи, который, как известно, реализуется преимущественно в разговорной коммуникативно-речевой сфере (как в разговорно-литературной ее разновидности, так и в более сниженных –разговорно-бытовой и разговорно-просторечной).

Поскольку из двух *композиционно-речевых* зон, образующих драматургический текст: *зоны персонажей* и *зоны автора* – в пьесе практически всегда существенно преобладает первая, наибольший исследовательский интерес при анализе произведений, принадлежащих к различным жанрам драматургии, представляет именно воплощённая в них речь персонажей, собственно драматургический диалог. Возможности авторского «присутствия» в пьесе весьма ограничены – это лишь так называемые *рамочные* элементы произведения *название; жанровая* (или *жанрово-стилистическая*) *квалификация* пьесы; *эпиграф; посвящение; список, представляющий действующих лиц; ремарочный пласт*, – часть из которых носит факультативный характер. При этом из всех перечисленных компонентов драматургического текста наиболее явно и развернуто автор может заявить о себе именно в ремарках, несмотря на то что ремарочному пласти в пьесе традиционно отводилась вспомогательная роль – ср., например, характеристику ремарок в классическом учебном пособии Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» (впервые издано в 1925 г.): «**Ремарки имеют служебную роль** сообщения о художественном замысле актерам и режиссеру и поэтому обычно излагаются простым, обычным прозаическим языком. **В редких случаях мы видим применение художественного стиля в ремарках в целях большей эмоциональной убедительности указаний**» (выделено мною. – И. З.) [10, с. 140]. В то же время, как следует из приведенного высказывания, исследователь допускает возможность отхода от традиционных формы и назначения ремарки в случае наделения этих элементов текста пьесы большей воздействующей функцией (вероятно, при реализации текста пьесы в *сценической* ипостаси).

Между тем в современной драматургии – произведениях, созданных на рубеже XX–XXI веков и в первые десятилетия нынешнего столетия – имеет место ряд фактов, которые свидетельствуют об определённой трансформации *зоны* автора, что позволяет сделать вывод и об определенных изменениях в характере и степени представленности в пьесе авторского «голоса».

Цель настоящей публикации – наблюдение за изменениями такого рода в ряде пьес современных авторов с последующим их анализом в русле тенденций, характерных для развития драматургической речи на данном этапе ее развития.

Материалом послужили произведения нескольких авторов – прежде всего **Николая Коляды**, активно работающего в драматургических жанрах на протяжении более чем тридцати лет (на сегодня в его творческом багаже более 100 пьес, пользующихся популярностью в том числе у режиссеров и зрителей); **Алексея Слаповского**, известного писателя и сценариста, среди произведений которого пьесы занимают существенное место; **Егора Черлака** – автора, не так давно пришедшего в драматургию, но при этом уже завоевавшего своими пьесами определенное признание читателей и зрителей.

Основными методами исследования являются в данном случае дискурсивный метод, коммуникативный метод, методы композиционного и семантико-стилистического анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Переходя к исследованию конкретного текстового материала в заявленных аспектах, целесообразно остановиться на рассмотрении тех изменений, которые в течение нескольких десятилетий (начиная с середины прошлого столетия) произошли в трактовке ремарки как термина, обозначающего один из конструктивных элементов драматургического произведения.

В «Краткой литературной энциклопедии» (1971) ремарка определяется как «замечание автора в тексте пьесы (обычно в скобках), поясняющее обстановку действия, а также внешность и поведение действующих лиц: их уход, приход, передвижение по сцене, поступки, жесты, интонации» [1, с. 250]. При этом отмечается, что «иногда ремарки дополняют сведения о персонажах: их точный возраст, черты характера, детали биографии (у Г. Гауптмана, Б. Шоу и др.)», а также вводится в научный оборот термин «беллетризованная ремарка», который, как можно будет убедиться в дальнейшем, активно используется при описании разновидностей ремарок практически во всех справочных источниках последующего времени («встречаются так называемые беллетризованные ремарки (например, у Л. Андреева, М. Метерлинка, Б. Шоу)» [1, с. 250]).

Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) и в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001), где помещены определения ремарки, принадлежащие В.Е. Хализеву (в целом сходные с приводимой ранее трактовкой Б.В. Томашевского) отмечается, что «для многих пьес 20 в. характерна **развернутая, беллетризованная ремарка**» (выделено мною. – *И. З.*) [12, с. 293]; [11, стб. 870].

О возрастании значимости ремарки в структуре драматургического дискурса можно судить по значительно более обширному, нежели ранее, определению этого

термина, которое помещено в словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» (2008). В этом определении предлагается *функциональная* классификация ремарок, довольно заметно отличающаяся от принятых ранее (ср., в частности формулировки о назначении ремарок в предыдущих определениях): «**РЕМАРКА** – драматургический термин, обозначающий пояснения, замечания, комментарии к изображаемому в драме событию. ... Ремарка должна отвечать на вопросы: где, когда совершается изображенное событие, кто участвует в нем, в какой зависимости изображенное событие находится с предшествующим ходом действия. Различаются в зависимости от функций **вступительные, технические и психологические** ремарки» (выделено мною. – И. З.) [8, с. 206]. В определении, из которого взят фрагмент, содержится также замечание о возможной дополнительной функции *вступительных*, или *начальных*, ремарок (предшествующих собственно драматургическому диалогу), которые в отдельных случаях, помимо прочего, указывают режиссеру «на монтажную последовательность в изображении, что является отличительным признаком **сценарных** ремарок. Считается, что сценарная ремарка – это образная характеристика свершающегося в настоящий момент действия, которая **даёт направление для кинематографического прочтения**» (выделено мною. – И. З.) [8, с. 206].

Краткий обзор определений ремарок, которые помещены в специальных справочных источниках, изданных на протяжении почти векового периода, отражает динамику осмысления этого компонента драматургического произведения на основе исследования появившихся за это время пьес, свидетельствуя, с нашей точки зрения, о постепенном и при этом довольно заметном расширении его функций в драматургии XX и XXI веков. Этот процесс закономерно находит отражение *в речевом исполнении* ремарочного пласта пьесы, в его *композиционно-стилистическом оформлении*.

Беллетризованная ремарка, на которую исследователи обратили внимание довольно давно, однако рассматривали ее как нетипичный для художественной драматургической структуры композиционный элемент, в современных пьесах встречается гораздо чаще. Так, например, первое действие пьесы **Егора Черлака** с весьма оригинальным названием «Ипотека и Вера, мать ее» (2011) начинается следующей ремаркой:

«Обычный кабинет в районной прокуратуре: выдавшая виды мебель с инвентарными номерками, заваленный бумагами и справочниками стол. На подоконнике – полузасохший столетник. На стене тикают часы. Под ними – календарь, пластмассовый бегунок которого, по-видимому, уже давно не отмечает новые дни. Но что действительно приковывает взгляд – так это шикарные рыцарские латы. Они стоят в углу, блестящие металлические руки пустотелого «крестоносца» опираются на длинный меч.

За столом сидит Ярослав Игоревич. Несмотря на то, что в кабинете жарко и душно, он одет по всей форме: рубашка, галстук. Синий прокурорский китель с погонами застёгнут на все пуговицы.

Вера пристроилась на шатком стуле рядом со столом хозяина кабинета. Она равнодушно отвечает на вопросы следователя, а сама то и дело поглядывает на большой сверток. В нем – плотно упакованная в одеяло и пеленки ее новорожденная дочка Ипотека. Сверток с ребенком Вера оставила на другом столе – у двери, рядом с зачехленной пишущей машинкой» [13, с. 43].

Приведенный композиционно-стилистический фрагмент пьесы отличается особенностями, характерными для беллетризованной ремарки: явная *развернутость*, т. е. значительно больший, нежели у ремарки традиционной, объем и очевидная *композиционно-тематическая структурированность* (членение на абзацы, каждый из которых имеет свою микротему). Однако помимо этого данному фрагменту драматургического текста присущи и еще некоторые, не свойственные традиционной ремарке, качества: литературно-разговорная тональность, предполагающая включение в текст речевых элементов *образного* и *оценочного (образно-оценочного)* характера, в которых так или иначе проявляется позиция драматурга (в связи с этим уместно напомнить приводимое ранее замечание Б.В. Томашевского о том, что ремарки «обычно излагаются простым, обычным прозаическим языком»). В процитированной ремарке из пьесы Е. Черлака это свойство выражено не особенно явно – авторская ирония по отношению к изображаемому здесь, скорее, намечена «пунктирно», – что проявляется во введении в словесное пространство ремарки слов и выражений с образной и / или оценочной семантикой, вполне соответствующих разговорно-литературному регистру общения, в том числе и явных тропов: *видавшая виды мебель; шикарные рыцарские латы; металлические руки пустотелого «крестоносца»; (Вера) пристроилась на шатком стуле; плотно упакованная в одеяло и пеленки ее новорожденная дочка* и т. п. (ср., в частности: «**Видать** (видывать) **виды**... 2. Быть потрёпанным, потертым», «**ВИДАТЬ** ... кого-что. 1. ... Разг. = Видывать» [3, с. 129]; «**ПРИСТРОИТЬСЯ** ... 1. Разг. Поместиться, расположиться где-л., около кого-, чего-л. *Пристроиться на диване* [3, с. 991]; «**ШАТКИЙ** ... 1. Неустойчивый, шатающийся. *Шаткий стол, стул*» [3, с. 1491]). Стилистическая отмеченность обозначенной тональности поддерживается в данной ремарке и речевыми средствами других уровней языка – в частности, синтаксического: использованием характерных для разговорной сферы общения конструкций – неполных предложений (*На подоконнике – полузасохший столетник* и т. п.) и двусоставных предложений небольшой протяженности (*На стене тикают часы* и т. п.).

Значительно более выражены все свойства беллетризованной, или *повествовательной*, ремарки в драматургических произведениях **Николая Коляды**, который в течение нескольких последних десятилетий принадлежит к наиболее *репертуарным* драматургам. Объемные ремарки, представляющие по сути автономные во многих отношениях – композиционном, семантическом, интонационном (но не в концептуально-эстетическом и дискурсивном) – фрагменты произведения, являются отличительной чертой большинства пьес этого, в особенности созданных в нынешнем столетии. Далее приводится одна их типичных для драматургических текстов Н. Коляды начальных ремарок (при этом отнюдь не

самая объемная), помещаемых обычно **после** списка, в котором представлены действующие в пьесе лица, **предваряя** композиционно-речевую зону персонажей; это ремарка из пьесы «Баба Шанель» (2010):

«ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Актальный зал ДК ВОГ (Всероссийского Общества Глухих) празднично украшен ленточками, бантиками, воздушными шариками, стенгазетами с фотографиями и плакатами с надписями: «Ансамблю «Наитие» – 10 лет! Ура! Желаем здоровья и счастья! Ваш коллектив ДК ВОГ! Ваши поклонники! Ваши друзья! Ваши родные и близкие!».

Здесь, в актовом зале, есть маленькая эстрада, она в углу чуть-чуть возвышается над всем полом. На эстраде стоит фортепиано, возле него – журнальный столик, на нем – ваза с цветами. Рядом, прикрытая старой кулисой, на постаменте возвышается чья-то огромная белая гипсовая голова – не понять чья, профиль едва под тряпкой вырисовывается. Тут же стоят большие напольные, вычурные часы. Маятник в них качается. Тут же – трибуна для выступлений.

Еще в актовом зале великое множество стульев. Они стоят кучками, друг на дружке, дожидаясь разных собраний и совещаний. Стулья все одной масти, с блестящими никелированными ножками. А еще актальный зал используют, как танцевальный класс, и потому одна стена зала – вся сплошь в зеркалах. На этой стене слева и справа шторы, которые, в случае чего, можно задернуть и – нет зеркал.

В актовом зале недавно постелили новый паркет и паркет этот, когда кто-то идет, противно скрипит.

В центре зала под огромной хрустальной люстрой, покрытый белой скатертью, стоит квадратный стол. На нем море тарелок, банок, кастрюлек, а в них – салаты, закуски, пирожки, булочки, пампушки, в бутылках – морсы, соки, напитки, компоты и еще много-много всякого такого, что могут приготовить и принести на праздник только трудолюбивые, хозяйственные, упорные, усидчивые и настырные бабушки. Стол накрыт ровно на шесть персон.

А вот и они – персоны. В зал быстро, легко и совсем не по-стариковски входят КАПИТОЛИНА ПЕТРОВНА, САРА АБРАМОВНА, ИРАИДА СЕМЕНОВНА, НИНА АНДРЕЕВНА, ТАМАРА ИВАНОВНА. Им всем соответственно – 90, 85, 80, 75 и 70 лет. Но все они выглядят на один какой-то такой не дряхлый стариковский возраст – весьма моложавы, суетливы, подвижны.

Они быстро и молча идут к зеркалам. Идут. Подолы сарафанов метут скрипящий паркет. Идут, молчат, тяжело дышат.

Встали в линию, смотрят на себя. В руках у каждой цветы в шуршащем целлофане.

Стоят, молчат, не двигаются, сдерживают дыхание, потому что все пятеро страшно возбуждены, они все почти на грани истерики: ведь только что закончился отчетный концерт ансамбля русской песни

«Найтие», где все пятеро являются солистками, и потому такой высокий душевный подъем у бабушек.

А наряжены они соответственно для участниц ансамбля русской песни: у всех пятерых на головах высоченные кокошники, расшитые золотыми и серебряными нитками, украшенные фальшивыми жемчужинками и стразами, звездами, цветочками, колокольчиками, подковами, веточками. Пряж горят кокошники, горят!» [6].

В процитированном тексте присущие беллетризованной ремарке свойства представлены более полно и наглядно, нежели в приводимой ранее. Об этом свидетельствуют как формальные признаки: значительный объем, очевидная композиционная структурированность (эта ремарка членится на 10 (!) абзацев), – так и отличающая данный текст очевидные оценочность и образность. Последние качества находят выражение в широком диапазоне форм, свойственных преимущественно разговорной сфере общения. Помимо уже отмеченных ранее: введение в текст стилистически маркированных слов и выражений («**ВЫСОЧЕННЫЙ**. Разг. Очень высокий» [3, с. 184]; «**ПРЯМО** ... частица. 1. Разг. Совершенно, действительно. Отец, прямо вылитый отец» [3, с. 1040] и т. п.) и синтаксических конструкций (*Идут. Подолы сарафанов метут скрипучий паркет. Идут, молчат, тяжело дышат* и т. п.; в том числе – с подчеркнутой экспрессивностью: *Пряж горят кокошники, горят!*) – это также развернутые, на первый взгляд, даже излишне детализированные, характеристики и персонажей, и иных деталей коммуникативной ситуации. Действующие в пьесе лица, представленные вначале по имени и отчеству, а затем любовно называемые автором *бабушками*, охарактеризованы как «*трудолюбивые, хозяйственные, упорные, усидчивые и настырные*»; они все «*выглядят на один какой-то такой не дряхлый стариковский возраст – весьма моложавы, суетливы, подвижны*». С не меньшей тщательностью, в явном субъективно-образном ключе, в ремарке описано не только психологическое состояние персонажей, но и детали внешнего вида – ср., в частности: *А наряжены они соответственно для участниц ансамбля русской песни: у всех пятерых на головах высоченные кокошники, расшитые золотыми и серебряными нитками, украшенные фальшивыми жемчужинками и стразами, звездами, цветочками, колокольчиками, подковами, веточками.*

В некоторых пьесах Н. Коляды начальные ремарки отличаются еще большей непохожестью на ремарки в традиционном понимании, безусловной оригинальностью, что, несомненно, позволяет считать их одной из весьма выразительных черт *индивидуально-авторской* манеры этого драматурга. Это присуще, например, начальной ремарки его небольшой пьесы «Театральный романс» (1996), начало которой приводится далее:

*«Фойе маленького провинциального полуподвального или глубоководного театра. Ах! Вот о таком я мечтаю! **Слышите вы**, там, в последнем ряду, о чем **я мечтаю?** **Вам** не понять. Вот взять бы **в моей хрущевке** вырыть бы поглубже подвал, а потом там фонарей кучу, а потом занавес, артистов, зрителей и играть, играть, играть... Хотя бы даже вот эту пьесу, что пишу. А что? Она на двоих. Затрат мало. Штук тридцать-сорок*

женских норковых шубок купить – и все. Но шубки не главное, а главное тут – серсо – есть такое слово. И чтоб артисты: петелька-крючочек, петелька-крючочек... Знаете, что такое? Это когда я тебе – петельку, а ты мне – крючочек, я тебе – вопрос, а ты мне – ответ. Ну, как в жизни. И вот вам уже – Театр. Петелька-крючочек, петелька-крючочек...

*Ну, можно и другие пьесы, не обязательно эту. Да и вообще пьесы – неважно какие, а главное, чтоб, главное, **понимаете ли**, чтоб, **понимаете ли**... чтоб в антракте и перед спектаклем играл бы маленький оркестрик: скрипочка или что-то такое нежное бы. Чтоб обязательно, понимаете ли, перед началом бы пиликало бы. (Это я где-то в какой-то другой стране или во сне **видел**...) Ах!*

Нет.

*Никто не выроет там подвал глубже. Никто не посадит там зрителей, не повесит фонарей. Так и будут крысы по подвалу бегать, а **моя Манюра** за ними. Так и будет грязная вода сочиться, зловонить. Так и не будет Театра. **У меня**. А вот у них – есть. Счастливые!» (выделено мною. – И. З.) [7, с. 169].*

Как можно убедиться, приведенный фрагмент начальной (как обычно это свойственно пьесам Н. Коляды – весьма объемной) вступительной ремарки довольно опосредованно связан с собственно содержанием драматургического произведения: он представляет собой авторские размышления о феномене театра, причем размышления, прямо обращенные к адресату (прежде всего – к читателю, но и к зрителю также; в тексте выделены грамматические маркеры этой обращенности: личные и притяжательные местоимения и глаголы в форме первого лица единственного числа изъявительного наклонения и второго лица повелительного наклонения). Композиционные фрагменты такого рода более характерны для прозаических произведений, где они часто квалифицируются как *лирические* или иного свойства *отступления*; для драматургических дискурсов фрагменты такого типа не свойственны и могут быть мотивированы прежде всего авторской установкой, *сознательно* (если не целиком, то в значительной степени) ориентированной на выражение собственной концептуально-эстетической позиции.

Вторая часть вступительной ремарки пьесы «Театральный роман-с» в большей степени приближена к драматургическому сюжету, хотя и она отличается практически всеми перечисленными выше свойствами беллетризованной ремарки:

В подвале хрущевки устроен театр. Крохотный вестибюльчик, а уютно. Все в черный цвет покрашено. Все изгибы труб, все кирпичики – в черный. В центре дверь двойная в зал, на ней надпись: «Просим соблюдать тишину!» – а ниже: «После третьего звонка вход в зрительный зал воспрещен!» Слева стойка буфета, за стойкой витрина с красивыми бутылками, тарелки с бутербродами, мойка для посуды тут же. Возле стойки стулья высокие такие, иностранно-красивые. Справа – гардероб, на вешалке штук тридцать-сорок пальто и шуб висит. Возле гардероба четыре венских стула, пюпитры, контрабас, барабан, виолончель и скрипка лежат и стоят на стульях и возле них. Дверь в туалет есть. Выставка

даже маленькая, театральная: за стеклом в витрине старинные костюмы, веера, рыцарские доспехи. В отдельной витрине – чучело чайки. Как символ, так сказать. Театра, так сказать. «Театра в хрущевке», так сказать. Ну, все, как и положено в театре, но только ма-а-аленькое-маленькое, аккуратненькое, симпатич-ненькое, сделанное, вылизанное, выкрашенное, да к тому же без золота и бархата.

Там, за дверью идет спектакль. Вечер. Зима.

А тут, в фойе – своя жизнь идет. Ну, если хотите – свой Театр.

За стойкой буфета Леонид моет посуду. Он в бабочке, белой рубашке, поверх которой тоненький аккуратный шерстяной свитер с открытым горлом, наглаженных брюках.

В гардеробе – Вера. Она в синем халате. Вера ест из банки капусту, смотрит на Леонида, который на свет разглядывает стаканы, их чистоту.

Молчание.

Вера надевает шубу, смотрится в зеркало» [7, с. 170].

Характеризуя особенности ремарочного пласта драматургии последних десятилетий, стоит обратить внимание еще на одну функцию, которая при наделении ремарок в современных пьесах, как правило, *полифункциональностью*, тем не менее существенно актуализировалась в произведениях комплекса ряда авторов. К последним принадлежит, в частности, писатель, сценарист и драматург **Алексей Слаповский**, в пьесах которого большинству ремарок (в первую очередь – *вступительным*), помимо иных функций, свойственна **сценарность**. Это свойство, отмеченное в одном из приведенных ранее определений ремарки, трактуется следующим образом: «... вступительная ремарка **указывает режиссеру на монтажную последовательность**, что является отличительным признаком сценарных ремарок. Считается, что сценарная ремарка – это **образная характеристика свершающегося в настоящий момент действия**, которая дает направление для кинематографического прочтения» (выделено мною. – И. З.) [8, с. 206].

Именно такими свойствами наделена начальная ремарка в пьесе А. Слаповского «ON-OFF. Две матери, две дочери» с оригинальной (что типично для драматургического творчества А. Слаповского) авторской жанрово-стилистической квалификацией (*мультимедийная комедия в 2-х действиях*):

«ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

«Все происходит на фоне экрана. Чем больше экран, тем лучше. В камерных условиях возможны мониторы.

Аглая пишет Нике, которая смотрит очень старый советский фильм. Что-то вроде «Кубанских казаков». Ника при появлении первого сообщения от Аглаи выключает звук фильма.

Аватарка Аглаи – пустое лицо с буквами А-Я. Аватарка Ники – одноименная богиня с крыльями.

Девушки молчат, текст появляется на экране. Аглая пишет грамотно, Ника тоже, но часто обходится без знаков препинания. Предпочитает свои сообщения делить на короткие отрезки» (выделено мною. – И. З.) [9].

В небольшой по объему, но тем не менее обладающей всеми признаками беллетризованной ремарки (композиционная структурированность, повествовательность, элементы оценочности), содержатся и явные установки *для режиссера*, которому предстоит ставить пьесу на сцене (первый абзац). Такого рода ремарки – наделенные помимо прочих функций очевидной сценарностью – характерны для драматургического творчества А. Слаповского, в особенности – для пьес последних лет («Два брата», «Ключи», «Два отца, два сына» и других).

ВЫВОДЫ

Таким образом, ремарочный пласт современной драматургической речи демонстрирует очевидное своеобразие, которое, с одной стороны, базируется на существующих в рамках данного литературного рода традициях воплощения в произведении авторской позиции, однако при этом трактуемых современными драматургами более многогранно, с особо тщательным отношением к детализации помещаемого в ремарочные композиционно-речевые структуры содержания, с большим вниманием к экстралингвистическим факторам, сопутствующим созданию пьесы – иначе говоря, с более «глубоким погружением» в *дискурсивный* контекст.

С другой стороны, наблюдение за ремарочной сферой современных пьес свидетельствует о *явном расширении* в них функциональной значимости данного композиционно-речевого пласта. Помимо уже довольно давно замеченных исследователями большей *развёрнутости* и *беллетризованности* ремарок в пьесах XX столетия, для ремарок в драматургии XXI века практически привычным свойством стала также очевидная *оценочность* и *образность*, а также – нередко – явная *включённость* в «*монтирование*» драматургического сюжета, что обуславливает повышение роли ремарочного пласта в выражении *концептуально-эстетической позиции* автора-драматурга. Отдельную группу внутри ремарок последнего типа образуют ремарки, квалифицируемые как *сценарные*, которые наиболее отчетливо ориентированы на воплощение пьесы в ее сценической ипостаси.

В первую очередь все отмеченные свойства характерны для ремарок *начальных*, или *вступительных*, – композиционных фрагментов, располагаемых в начале текста произведения, чаще всего после списка, представляющего персонажей пьесы. Это позволяет классификационно объединить данную разновидность ремарок в *особую группу*, которую ещё предстоит детально изучить.

Более глубокое и разноаспектное исследование ремарочной сферы современных пьес, как представляется, позволит не только дополнить и /или уточнить теорию драматургического дискурса, которая в настоящее время находится в стадии становления, но и более глубоко и разноаспектно осмыслить ряд актуальных проблем современного языкознания, в частности – разрабатываемых таким направлением, как теория и практика речевой коммуникации.

Список литературы

1. Бен Г. Е. Ремарка // Краткая литературная энциклопедия: в 9 тт. / Гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 6: Присказка – «Советская Россия». – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 250.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 157–162.
3. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Зайцева И. П. Современный драматургический дискурс: осмысление в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы // Русский язык в поликультурном мире: VII Международный симпозиум (8–12 июня 2023 г.) / Отв. ред. Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова: Сб. науч. статей. В 2-х т. – Т. II. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2023. – С. 253–261.
5. Зайцева И. П. Художественный драматургический диалог в контексте коммуникативно-когнитивной парадигмы лингвистического знания // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 апреля 2022. – М.: РУДН, 2022. – С. 92–98.
6. Коляда Н. Баба Шанель. – Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/chanel/>. – (Дата обращения: 24.11.2023).
7. Коляда Н. Театральный роман-с. Пьеса в одном действии // Драматург. – 1996. – № 7. – С. 169–172.
8. Польшикова Л. Д. Ремарка // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 206.
9. Слаповский А. ON-OFF. Две матери, две дочери: Мультимедийная комедия в 2-х действиях. – Режим доступа: <https://slapovsky.wordpress.com/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d0%b5/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b5-%d0%bf%d1%8c%d0%b5%d1%81%d1%8b/on-off/>. – (Дата обращения: 14.11.2023).
10. Толмашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 334 с.
11. Хализев В. Е. Ремарка // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 870.
12. Хализев В. Е. Ремарка // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 583.
13. Черлак Е. Ипотека и Вера, мать её. Неоконченное дело в одиннадцати параграфах // Современная драматургия. – 2011. – № 2. – С. 43–58.

References

1. Ben G. E. *Remarka* [Remark]. *Kratkaya literaturnaya ehntsiklopediya: v 9 tt. T. 6: Priskazka – «Sovetskaya Rossiya»*. Moskva, Sovetskaya ehntsiklopediya, 1971, p. 250.
2. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta* [Literary stylistics]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka*. Moskva, Flinta, 2003, pp. 157–162.
3. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint, 2000. 1536 p.
4. Zaitseva I. P. *Sovremennyy dramaturgicheskii diskurs: osmyslenie v ramkakh kommunikativno-kognitivnoi paradigmy* [Modern dramaturgical discourse: comprehension within the framework of the communicative-cognitive paradigm]. *Russkij yazyk v polikul'turnom mire: VII Mezhdunarodnyj simpozium (8–12 iyunya 2023 g.)*. Simferopol', Izdatel'skij dom KFU, 2023, vol. II, pp. 253–261.
5. Zaitseva I. P. *Khudozhestvennyj dramaturgicheskij dialog v kontekste kommunikativno-kognitivnoj paradigmy lingvisticheskogo znaniya* [Artistic dramatic dialogue in the context of the

- communicative-cognitive paradigm of linguistic knowledge]. *Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poehtika: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 14–15 aprelya 2022*. Moskva, RUDN, 2022, pp. 92–98.
6. Kol'ada Nikolai V. *Baba Chanel. Loginovo* [Baba Chanel. Loginovo]. Available from: <http://kolyada.ur.ru/chanel/> (accessed 24 November 2023).
 7. Kol'ada N. *Teatral'nyj roman-s. P'esa v odnom deistvii* [Theatrical romance-s. Play in one act]. *Dramaturg*, 1996, no. 7, pp. 169–172.
 8. Pol'shikova L. D. *Remarka* [Remark]. *Poehtika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij*. Ed. by N.D. Tamarchenko. Moskva, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, 2008, p. 206.
 9. Slapovskii A. *ON-OFF. Dve materi, dve docheri: Mul'timediinaya komediya v 2-kh deistviyakh* [ON-OFF. Two mothers, two daughters: Multimedia comedy in 2 acts]. Available from: <https://slapovsky.wordpress.com/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d0%b5/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b5-%d0%bf%d1%8c%d0%b5%d1%81%d1%8b/on-off/>. (accessed 14 November 2023).
 10. Tomashevski B. V. *Teoriya literatury. Poehtika: ucheb. posobie* [Theory of literature. Poetics: textbook allowance]. Moskva, Aspect-Press, 1996. 334 p.
 11. Halizev V. E. *Remarka* [Remark]. *Literature Encyclopedic Dictionary*. Moskva, Soviet encyclopedia, 1987, p. 583.
 12. Halizev V. E. *Remarka* [Remark]. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moskva, NPK "Intelvac", 2001, col. 870.
 13. Cherlak E. *Ipoteka i Vera, mat' ejo. Neokonchennoe delo v odinnadtsati paragrafakh* [Mortgage and Vera, her mother. Unfinished business in eleven paragraphs]. *Modern drama*, 2011, no. 2, pp. 43–58.

**REMARKS OF A MODERN PLAY:
CONCEPTUAL-FIGURARY
AND COMMUNICATIVE-STYLISTIC ORIGINALITY**

Zaitseva I. P.

The article is devoted to the consideration of the features of one of the structural and functional components of dramatic works – the stage directions, which has traditionally been understood as a compositional-speech zone endowed with a service function (B.V. Tomashevsky) in relation to the compositional-speech zone of the characters (dramatic dialogue itself). An analysis of plays by modern authors (N. Kolyada, A. Slapovsky, E. Cherlak) indicates that in Russian drama at the end of the 20th–21st centuries the remark occupies a more significant place than previously assigned to it. This is manifested in the clearly greater prevalence of fictionalized remark, which differs from a typical remark not only in its significant expansion and, as a rule, its own compositional structuring, but also in the presence in it of speech means with obvious figurative and evaluative components, which, in turn, expands the possibilities the embodiment in the play of the conceptual and aesthetic position of the playwright, his attitude towards the characters depicted in the play. The transformation of the functions of the stage directions is also reflected in the theoretical understanding of this phenomenon in philological science: definitions of remarks in reference terminological sources of the 21st century. features a deeper and more diverse description of it. In particular, researchers propose to classify remarks according to principles that were not previously taken into account (for example, taking into account the dynamics of interaction between characters' speech and remarks); highlight such a property of stage directions of modern plays as scriptability, etc.

Key words: dramaturgy, compositional-speech zone, author-playwright, stage directions, character, fictionalized remark, scriptability, evaluation, imagery.

УДК 81'33

**ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМАХ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ И АНТРОПОТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Зарипов Р. И.

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия
E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru*

Статья посвящена культурно-философскому осмыслению современного состояния человека и общества, оказавшихся под влиянием западной ценностно-мировоззренческой парадигмы постмодерна, а также роли массовой коммуникации в реализации и амплификации негативных процессов стирания всех форм идентичности субъекта, как и самого субъекта в русле концепции «ничто». Антигуманистический подход западной философской мысли, требующий постепенного уничтожения религии, традиционных ценностей и государства, привел мир к эпохе постправды, постистории и постчеловека. Отечественная лингвофилософская традиция, самобытная и самодостаточная в своих онтологических установках, не нуждается в чужеродных ориентирах и основывается среди прочих на семиотической теории коммуникации М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана и теории трансляции смыслов Д. А. Леонтьева. Положения этих теорий считают основополагающим элементом семиосферы текст в его самом широком понимании, функционирующий в человеке и для человека, опирающийся на ценностные смыслы и сводящий в бесконечное диалогическое взаимодействие автора как рефлексирующего субъекта и адресата как субъекта познающего. Ключевое отличие «сложно устроенного» текста Лотмана от бесконечного автономного текста Деррида заключается в том, что за первым скрывается реальность, а за вторым – гиперреальность: в российской научной мысли мир – это не симуляция.

Ключевые слова: текст, общество, постмодерн, реальность, гиперреальность, массовая коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

В современном информационном пространстве, построенном на абсолютном доминировании аудиовизуального элемента, реципиент *aliqua* начинает увлекаться в первую очередь формой сообщения, предлагаемой коммуникатором в привлекательном и динамичном виде, ориентированном на вызов эмоционального отклика. Основные смыслы сообщения индивид воспринимает часто на иррациональном уровне, через образы, заложенные в графическом и звуковом исполнении. Содержание в такой медиакulturе, конечным продуктом которой является медиатекст, преимущественно вторично и, как правило, подвергается адресатом рациональному осмыслению несколько позже, следуя в фарватере оказанного на него информационно-психологического воздействия и проявляющихся в его результате личных впечатлений, эмоций и субъективных оценок. Механизм трансляции массовой информации, предусматривающий первичность эмоциональной реакции реципиента, ведет к тому, что ему становится энергозатратным подключить рациональное мышление в ходе получения сообщения; кроме того, что это препятствует глубокому пониманию последнего и со временем снижает интеллектуальный уровень адресата, в этой связи он часто воспринимает

заложенные концептуальные установки подсознательно, чему способствует также и чрезвычайно плотный поток информации, с которой в условиях дефицита времени приходится знакомиться бегло и поверхностно.

С другой стороны, при такой парадигме постмодерна, навязанной нашему обществу Западом (а ее первоисточник – именно западная массовая культура), когнитивно-аксиологическую матрицу человека и общества составляют образы, символы и знаки, заставляя их жить в устойчивой и запрограммированной мозаике симулякров. Так, в соответствии с концепцией Ж. Бодрийера окружающая действительность не существует и не имеет смысла, поскольку симулируется в том виде, в котором это необходимо средствам массовой информации и самой системе отношений, основная установка которой – вызвать желание и продать. Симулякры пусты в своей иллюзорности, представляют собой созданные технологиями аудиовизуальные эффекты и подменяют реальность гиперреальностью: «за экраном нет ничего» [35, р. 52]. Более того, при все более возрастающих объемах информации наблюдается имплозия смысла, «информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на рост нового, а наоборот, на тотальную энтропию» [14]. Таким образом, несмотря на то, что изначальное предназначение СМИ состояло в сближении мира по модели «глобальной деревни» [21, с. 105] и ускорении социализации человека, сегодня сфера массовой коммуникации в западной цивилизации стала проводником асоциального и способствует деструктуризации (а иногда – и дезинтеграции) общества.

В этом контексте целью статьи ставится попытка сопоставления основополагающих лингвофилософских установок отечественной и западной культурно-цивилизационных парадигм применительно к треугольной онтологической конструкции Бог-человек-общество с акцентом на анализ состояния современной массовой коммуникации и глобального семиотического пространства.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном обществе, построенному по западным стандартам, человеку уготована участь объекта, от которого ничего не зависит, несмотря на окружающие требования медиакультуры проявить свою субъектность, «чтобы мы освободились, чтобы мы самовыражались любой ценой, чтобы мы голосовали, вырабатывали, принимали решение, говорили, принимали участие, участвовали в игре, – этот вид шантажа и ультиматума, используемый против нас... еще более серьезен...» [4, с. 118]. По Бодрийеру, эти действия индивида – иллюзии репрессивной системы, которые скрывают от него его же отказ от смысла и собственной позиции. В то же время постоянным призывом к эфемерной субъектности противопоставляются все возможные проявления объекта: инфантилизм, пассивность, гиперконформизм и т. д. [4]. В этом дуализме социальной неопределенности констатируется «смерть» субъекта как такового.

Придерживаясь достаточно дискуссионных и даже утопичных взглядов, Бодрийер представляет сущность современных масс-медиа в виде неориентируемой ленты Мебиуса, олицетворяющей алогичность, парадоксальность и бесконечность продуцирования информации, в которой все меньше смысла и все больше

рассуждения о нем: «Медиа несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать, они – средства внутренней по отношению к системе симуляции, и симуляция, которая разрушает систему...» [4, с. 117]. Показателен пример освещения в СМИ терактов: информируя общество о событии, осуждая произошедшее и в то же время эксплуатируя страх в политических целях, «в совершеннейшей двусмысленности они распространяют бесчеловечную фасцинацию теракта, они сами и есть террористы, поскольку сами подвержены этой фасцинации» [4].

Тем не менее такой неоднозначный подход к онтологии познания и восприятию действительности полностью исключает вероятность существования объективной реальности и граничит с абсурдом, когда воспринимаемые человеком окружающие объекты оказываются для него не более, чем изображениями на сетчатке его глаз [17]. Излишний агностицизм и безысходность в основе мышления подавляют волю индивида и детерминируют его негативное, даже нигилистическое мироощущение, что противоречит сакральному смыслу его существования. В русле этой же логики заявляется об иллюзии реального времени, иллюзии искажения («инаковости») человека, иллюзии языка [5, с. 87–91]. Отрицается и возможность взвешенной и ответственной деятельности субъектов массовой коммуникации (в самом широком их понимании) в деле информирования, вдохновения и сплочения общества на основе отражающих фундаментальную реальность образов и подлинно истинных смыслов жизни, изложенных в священных книгах: «Так что заблуждаются и те, кто уповает и восхваляет благотворное использование медиа, и те, кто возмущается манипулированием с их стороны, поскольку нет ничего общего между системой смысла и системой симуляции» [6, с. 124].

Однако здесь не учитывается разница между ведущими западными, прозападными и национально-ориентированными российскими медиаресурсами, которая состоит в человеческом выборе основополагающего философского подхода к вечным проблемам добра и зла, справедливости и смысла жизни, то есть в содержании базовых ценностей воспитания, образования и культуры общества, из которых складывается политическая воля, определяющая характер освещения происходящего. Так, постоянные обстрелы Донбасса вооруженными формированиями Украины с 2014 г. являются не симуляцией медиасферы, а фундаментальной реальностью, эмпирически подтвержденной его жителями и посетившими его людьми, а также многочисленными репортажами и расследованиями журналистов, в том числе иностранных (если не учитывать так же и специальные службы, отвечающие за фиксацию военных преступлений). Эксперты французского телеканала CNews в марте 2022 г. не могли поверить журналистке А.-Л. Боннель, что ДНР и ЛНР обстреливаются украинскими войсками, а не российскими. Примечательно, что спустя несколько дней ее одноименный документальный фильм был заблокирован в YouTube, а газета Figaro удалила со своего сайта ее репортаж, посвященный положению мирного населения Донбасса [37].

Различие в фундаментальных установках мировых СМИ к освещению действительности, порождающее когнитивно-аксиологический диссонанс в позициях массовой аудитории, не отменяет факт ее объективного существования и *возможность* ее взвешенного, беспристрастного отражения. Тем не менее автор текста (медиатекста) всегда субъективен, поскольку субъективен сам человек, и эта субъективность возрастает по мере увеличения объема сообщения и зависит от деталей, которые *следует* (или, наоборот, не следует) изложить в силу каких-либо причин: «Должно быть, истина, как и всегда, где-нибудь лежит посередине: то есть в одном случае святая истина, а в другом – ложь» [12, с. 177–178]. Реальность оказывается достижима как минимум на уровне единичного факта: «*Зафиксирован обстрел со стороны ВФУ по направлению: 08:50 – н. п. Авдеевка – н. п. Ясиноватая: выпущено 8 снарядов калибром 152 мм*» [15]. Однако это не отменяет отсутствие у массовой аудитории возможности верифицировать информацию и попытки заинтересованных акторов ее исказить или подменить, а также дискредитировать ее отправителя.

Таким образом, вопросы социального управления и построения картины мира в индивидуальном и массовом сознании сводятся к вполне конкретным и даже прозаичным деталям: цифрам, характеристикам, другим обстоятельствам события. Это – базовые элементы сообщения, посредством которых в глобальном информационном пространстве ведется борьба Правды (Истины) и постправды (лжи): «Тут дьявол с богом борется, а поле *битвы – сердца людей*» [11, с. 155]. Обострение геополитической обстановки начала XXI в. является очередным витком и следствием этой борьбы, которая обнажила кризис человека, не нашедшего ответов в поиске своего предназначения и гармоничного мироустройства в рамках философии ревизионизма и «деконструкции». Более того, крайние, утрированные взгляды хаотической концепции «ничто», в матрице которой, как утверждает современная западная философия, сегодня подвешено человечество, пагубны и отдаляют его от постижения Истины, а значит, исторически неоправданы. Тем более что отрицается сама возможность ее репрезентации в медиаполе: «в пространстве симуляции, где нет ни истины, ни лжи, любая деонтология становится исключительно лицемерной» [6, с. 123].

Радикальное осмысление информационной эпохи продолжает и, возможно, кульминирует учение постмодернизма¹, которое последовательно «убивает» в этом мире Бога, человека, автора, субъекта и саму реальность. Эволюция образа, роль которого ранее состояла в «обмене» знака на смысл, от отражения, искажения, маскировки и даже утаивания «некоего реального», что за ним находилось, до сокрытия пустоты, то есть того, что за ним нет ничего, означает фундаментальный перелом бытия, «когда уже нет Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно» [4, с. 12–13].

¹ Термины «постмодерн» и «постмодернизм» часто трактуются как взаимосвязанные и тождественные, однако первый из них служит, как правило, для описания объективных общественных процессов, а вторым обозначают некоторые явления в культуре или современный этап ее развития в целом.

Каковы причины распространения в информационном пространстве бессмысленных знаков, не отражающих никакой реальности и не несущих символической нагрузки, если в этом нет какого-либо целеполагания? Каков таинственный или практический смысл в их перманентном мультиплицировании, если за ними не стоит ничего? «Тем самым, сбывается пророчество: мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть, и одновременно скрыть это исчезновение... образы перешли в вещи. Они больше не являются зеркалом реальности, они проникли в сердце реальности и превратили ее в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба – быть образом. Образ больше не может вообразить реальное, поскольку он сам стал реальным, не может ее превзойти, преобразовать, увидеть в мечтах, потому что сам стал виртуальной реальностью» [5, с. 262–263]. Однако, несмотря на это зловещее развоплощение мира, которое в той или иной мере действительно и в то же время весьма дискуссионно, очевидно, что «пустые» знаки пронизывают человечество по вполне ясным, прикладным основаниям.

Бодрийяр вскрыл болевые точки современного западного общества и зафиксировал онтологический тупик, в котором оно сегодня пребывает, однако этот тупик не тотален и не фатален для обществ традиционных, поскольку семантическое наполнение знаковой матрицы человечества, несмотря на всю свою фрагментарность, по-прежнему не уничтожено и диалектично, хотя и дискретно. Процесс приобретения знаками, вслед за своей субъективно детерминированной формой, «условленного» значения объективен и необратим, как неизменны случаи появления образов, которые, на первый взгляд, не обозначают ничего («изображения неизобразимого и виды безвидного» [10, с. 53]), но на самом деле являются символами и предназначаются для указания на трансцендентальное: «Да не подумаем, что видимые условные знаки созданы ради них самих: они ведь прикрывают неизреченное и невидимое для многих знание, – чтобы не стало доступным для непосвященных всесвятое и чтобы открывалось оно только истинным приверженцам благочестия, всякую ребяческую фантазию от того, что касается священных символов, удалившим и способным благодаря простоте ума и свойству умозрительной силы восходить к простой сверхъестественной находящейся выше символов истине» [Там же, с. 835]. Другие, нерелигиозные символы, за которыми снаружи (внешне) может не стоять ничего, так же часто кажутся реципиенту пустыми в силу его незнания или непонимания их семантики, так как всякий символ есть образ, но в то же время всякий символ – нечто большее, чем образ, «он есть знак, наделенный всей органичностью образа и неисчерпаемой многозначностью образа» [цит. по: 1, с. 337].

Философия постмодернизма нашла свое развитие в литературоведении и текстологии постструктурализма.¹ Одно из главных положений этих направлений в условиях тотального релятивизма и отрицания базовых категорий культуры заключается в том, что установление для текста единственного и устойчивого значения исключено: смысл рождается при чтении, а интерпретация произведения

¹ Некоторые исследователи считают постмодернизм и постструктурализм взаимозаменяемыми терминами.

становится важнее его содержания и имеет множественно допустимый характер. При таком подходе читатель становится полноправным соавтором произведения, а автор уходит на второй план и рассматривается лишь в качестве посредника, взгляды и идеи которого не влияют на восприятие текста («смерть автора», по М. Фуко и Р. Барту). Однако это ведет к тому, что «литература (отныне лучше говорить *письмо*), отказываясь приписывать тексту (и миру как тексту) некую «тайну», то есть конечный смысл, разворачивает деятельность, которую можно назвать контртеологической, в сущности революционную, потому что отказ от смысла – это, в конечном счете, отказ от Бога и его ипостасей, разума, науки, закона» [34, р. 66].

В этой концепции тексту отводится роль не отображения реальности, но конструирования гиперреальности. Постструктуралисты в этой связи определяют культуру как коммуникативное пространство огромного, бесконечного и одновременно автономного текста (а точнее – гипертекста), составляющие элементы которого приобретают самостоятельное и самодовлеющее значение (концепция «весь мир – это Текст»). В деклассированном обществе потребления происходит беспорядочное и непрерывное копирование и трансформирование текстов, которые создаются на основе предыдущих (а предыдущие – на основе созданных ранее) и содержат отсылки к ним в виде аллюзий, реминисценций, цитат, образуя сплошное семантическое поле интертекстуальности: «всякий текст может породить – посредством последовательного ряда интерпретаций и семантических экспликаций – любой другой текст» [33, с. 48]. Это соответствует методу деконструкции (то есть одновременно деструкции и реконструкции) Ж. Деррида, который предполагает критическое чтение и последующее «переписывание» прочитанного, так называемое чтение-письмо, в результате которого создается «нечто среднее между философским трактатом, эссе, литературным произведением, комментариями, критическими замечаниями, черновыми набросками и т.п.» [13, с. 48-49].

Аналогичные характеристики текста и деконструкции присутствуют в объемном и ризоматичном информационном пространстве, нередко реализуясь в неконтролируемом и гипертрофированном виде. Коммуникативная структура современных средств массовой информации и в первую очередь Интернета сводится к дискурсообразующей цепочке «текст-медиа-текст-гипертекст» [2, с. 91], разворачивающейся в виде бесконечных матричных лент сообщений, которые копируют, модифицируют, дополняют и комментируют первоисточник. Передовые механизмы сверхоперативного и всенаправленного распространения информации стирают различия между подлинным и неподлинным, достоверным и фальсифицированным, олицетворяя бесконечность плюральности мышления и поощряя свободу стилистической конфигурации самовыражения. Наличием постоянного, включенного медиаканала система удаленного, опосредованного взаимодействия с коллективным адресатом толкает коммуникатора к еще большему продуцированию текстов и отражает его амбивалентно симультанное стремление к анонимности и публичности.

Хаотизация информационного пространства, оглушение массовой аудитории под воздействием низкоинтеллектуального и развлекательного контента, смещение когнитивно-познавательной деятельности человека в аудиовизуальную форму, а также фрагментация и несистемность образовательного материала привели к тому,

что базовые знания и представления среднестатистического человека, родившегося в начале XXI века, об окружающем мире, нематериальных общественных ценностях, исторических и текущих событиях образуют своеобразное попурри. Сознание современного молодого человека оказалось беззащитно перед деструктивными, асоциальными смыслами, которые хаотично генерируют разрозненные и бесконтрольные информационные источники в условиях открытого, «свободного» медиaprостранства. То же самое касается и других уязвимых слоев постиндустриального информационного общества, а точнее – всех его членов, поскольку основой социальной структуры во второй половине XX в. стала именно информация [35, p. 500–501].

Несмотря на ее кратно возросший объем, человечество постепенно стало все меньше читать, так как новые средства коммуникации технически предусматривают чтение как вид интеллектуальной деятельности в весьма ограниченном формате. На смену эпохе «великих повествований» (или «метанарративов», то есть метафизических и фундаментальных текстов, претендующих на универсальное значение [39, p. 7–8]), которые служили глобальной репрезентацией и легитимацией человеческой истории, пришло время аудиовизуального неязыкового контента и коротких текстов, повествований «малых». Понятие массовой культуры, зародившееся на фоне оппозиции к культуре элитарной, начало терять свой первоначальный семантический оттенок низкосортной продукции, рассчитанной на широкие массы усредненного и недостаточно интеллектуального потребителя, произошла шоутизация культуры. Для индивида западного социума прослеживается общая тенденция к ментальной «поверхности» (и, соответственно, утрате «глубины»), неспособности к чувству истории и памяти, потере своей идентичности в переживании «вечного настоящего» («жить здесь и сейчас») [9, с. 98, 361, 671].

В конце 80-х – начале 90-х гг. Ф. Фукуяма писал, что человечество подошло к так называемому концу истории, который означает победу западной либеральной цивилизации как модели общественного развития и предполагает повсеместное распространение ее культуры и идеологии [31, с. 134, 136, 141]. По его мнению, распад СССР подвел черту под временем идейных противостояний и глобальных потрясений, и в «постисторическом» мире наступил переход к глобализации и либеральной демократии, которая представляет собой «конечную форму человеческого правительства» [38, p. xi]. Однако развитие событий показало, что неограниченная свобода человека, лишённого всяких морально-нравственных ориентиров, оказалась путем к деградации и упадку: место человека-творца начал постепенно занимать «последний человек» [24, с. 11], как писал Ф. Ницше, или человек-ничто. Западное потребительское общество, распространившее свое огромное информационное и идеологическое влияние во всех частях планеты, постепенно само утрачивало ценностно-мировоззренческие ориентиры, разъедавая свою идентичность изнутри. То, что подавалось приверженцами либеральной демократии как полная свобода, толерантность и культурное многообразие, по мере «открытия» окна Овертона привело западный мир к либеральному фашизму, цифровому тоталитаризму и трансгуманизму, предусмотренными в рамках «четвертой промышленной революции»: «Сейчас глобалисты строят новый мир,

идеология которого – биоэкотехнофашизм. Био – все что связано с медициной, с изменением генома; эко – экология, климат; техно – цифровизация... Если первые три промышленные революции – это то, что люди делали с миром, то четвертая промышленная революция – то, что делают уже с людьми. Это – изменение генома человека, изменение самого человека... Закачивается эпоха людей, начинается эпоха трансгуманистских существ» [26]. Цель трансгуманистов – освободить человека от всех форм коллективной идентичности (религиозной, национальной, этнической, классовой, гендерной), лишить его человечности и превратить в какое-то другое существо. Для этого необходимо устранение государства как ненужного административного препятствия на пути наднациональных структур к безграничной власти мирового правительства «с социальной ответственностью»: «Если и демократия, и глобализация будут расширяться, национальному государству не будет места» [40, р. 105–106]. На пути к роботизации, бионизации и чипизации в западном обществе развивается концепция трансчеловека, в соответствии с которой под предлогом «внедрения новых технологий» с собой можно сделать все: поменять пол, вмонтировать в тело техническое устройство, что-либо удалить или скорректировать. Становится «модным» поедать мясо со вкусом человечины и применять блокаторы полового созревания детям, пока они «не определились» со своим гендером. Исчезают традиционные семейные отношения, процветают гомосексуализм и трансгендеризм. Кроме того, идет процесс легализации добровольного ухода людей из жизни, в том числе ради сокращения численности населения Земли. Прийти к таким действиям «осознанно» возможно только в результате господства культуры деградации и системной работы средств массовой информации, под воздействием которых человек и общество теряют свою сущность и смысл жизни. Иными словами, бессознательная, бездушная «машина» техносферы и массовой коммуникации, которая выстраивает социум, стремится овладеть в индивиде сознательным началом: «Сам по себе человек – «ничто», или то, «что одно означающее репрезентирует другому означающему» [8, с. 538], он является не носителем культуры, а ее функцией [7, с. 47–48].

Причина сложившегося порядка вещей состоит в том, что примитивными, инфантильными, не задумывающимися о высоких идеалах и сосредоточенными на удовлетворении своих базовых потребностей людьми удобно манипулировать. Увеличение социальной (психической) энергии и повышение скорости распространения информации в результате появления новых технологий «означает колоссальное возрастание контроля и распространение его на все большие расстояния» [21, с. 102]. С другой стороны, социальное управление разобщенными, фрагментированными, алгоритмизированными массами, которые Х. Ортега-и-Гассет обозначил количественным и визуальным понятием толпы [27, с. 309], может вести сначала к управляемому, а затем – бесконтрольному хаосу, поскольку общественное развитие и государственная стабильность невозможны без необходимого уровня культуры человека в ее классическом понимании. «Человек-масса», пользующийся всеми благами современной цивилизации, не задумывается о принципах ее устройства и не имеет цельного представления о фундаментальных категориях бытия. Его отличает самоудовлетворенность, отсутствие мотивации к саморазвитию,

эгоцентризм и наличие определенной «суммы идей» – так называемых «мнений», сформированных в результате потребления массовой информации. Он отказывается от традиционного опыта мышления, вырабатывающегося через искусство чтения и восприятия культурного пространства мировой цивилизации: «Это меняет все представление о знании. Получается, оно сводится к минимальному количеству [полезной – прим. авт.] информации и приемов ее обработки. Человек на деле не только не знает, но вообще не думает. Знание перестает быть связано с мышлением... Думать – форма жизни, форма вовлеченности в жизнь» [18]. Таким образом, понятие массовой культуры для Ортеги – оксюморон, а человек, выращенный на ее продуктах, не может считаться культурным и формирует массу, основанную на феномене стадности [27, с. 309].

Контагиозность медиаккультуры и медиапространства в целом, воздействующих на индивида опосредованно, обладает аналогичными свойствами материальной информационной среды, и феномены социальной психологии здесь обоснованно применимы в полной мере. Показательны многочисленные примеры мобилизации коллективного сознания отдельных социальных групп и всего общества через коммуникативное воздействие в мессенджерах и социальных сетях, на радио, телевидении и в Интернете. Так, чтение стихов О. Берггольц по радио в блокадном Ленинграде вселяло в жителей надежду и сплачивало их в общей беде, а ее голос стал настоящим символом твердости и бесстрашия русского духа. После теракта в Париже в 2015 г. психологическому объединению французского и европейского общества способствовала массовая сетевая акция, в рамках которой люди выкладывали на свои личные веб-страницы фотографии с плакатами с надписью «Je Suis Charlie» («Я – Шарли»).¹ Общероссийское движение «Бессмертный полк» достигло мирового масштаба благодаря своей положительной контагиозности в медиапространстве, основанной на памяти общества о Великой Победе и своих героических предках, сражавшихся против нацизма. Примеры негативного контагиозного влияния СМИ варьируются от относительно безвредных (например, «психотерапевтические сеансы» А. Кашпировского или массовое следование повседневной моде) до тяжелых по своим социально-историческим последствиям: распространение нацистской идеологии, разжигание протестных настроений, разрушение традиционных ценностей и т. д.

Многое в условиях насыщенного (с точки зрения как объема информации, так и количества реципиентов) коммуникативного пространства зависит от того, как субъект информации преподносит ее массовой аудитории в зависимости от выбранного подхода к освещению действительности. В этой связи нельзя обойти стороной идею двоемыслия Дж. Оруэлла, в соответствии с которой информационная среда в условиях полного контроля власти за человеком и обществом способна полностью перевернуть концептуальную схему репрезентации действительности. Посредством нейролингвистического программирования («новояза»)

¹ Примечательно, что после этого стал популярен слоган «Je ne suis pas Charlie» («Я – не Шарли»), объединивший тех, кто сочувствовал жертвам теракта, но не поддерживал политику журнала «Шарли Эбдо». В дальнейшем выражение «Je Suis Charlie» послужило основой для появления других аналогичных лозунгов солидарности по всему миру.

принципиально возможным оказывается внедрение в сознание-подсознание индивидуального и коллективного реципиента алогичных и парадоксальных манипулятивных посылов, приравнивающих «черное» и «белое»: «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила» [28, с. 30] (примечательно, что об эвфемизации писал еще Платон: «Опорожнив и очистив душу... они затем низведут туда... наглость, разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» [29, с. 289]). Со временем тотальная подмена реальности на языковом уровне заставляет человека верить в эти содержащие взаимоисключающие элементы формулы и менять под влиянием общества или при идеологической необходимости свое мнение на противоположное. В зависимости от политической воли производится рутинная и незаметная для широких масс процедура стирания общественной памяти, когда «ложь поселяется в истории и становится правдой» [28, с. 41]. Оруэлл выдвигает неутешительный тезис о том, что развитие средств массовой информации ведет человека и общество не к обретению все большей свободы, как это представляется до сих пор, а лишь к очередному витку закабаления: «Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец» [там же, с. 142]. Появление Интернета и портативных коммуникационных устройств лишь усугубило положение.

Языковое моделирование окружающей действительности, важным элементом которого является ее намеренное искажение, становится возможным при тотальной эвфемизации и дисфемизации информационной среды. Новые технологии, опирающиеся в первую очередь на аудиовизуализацию как способ представления и, соответственно, потребления массовой информации, сегодня дополняют и даже заменяют вербальное содержание сообщений. В этих условиях для человека, общества и государства, которое обеспечивает развитие и безопасность первых двух, становится важным не оказаться в пространстве сплошной симуляции действительности, своего рода матрицы, в которую в результате своей антигуманистической философии попал посткапиталистический Запад.

С началом специальной военной операции ВС РФ в мире окончательно оформился период регионализации и многополярности, который лишь подчеркнул ведущую роль средств массовой информации в деле борьбы за умы и настроения людей. Без созидательной идеологической концепции на основе высоких духовных ориентиров человечество оказалось обречено на угасание. Российскому обществу не нужно искать ориентиры в западной культурно-цивилизационной парадигме: все самобытные и самодостаточные онтологические установки нам дала собственная богатейшая культура. Альтернативными бессодержательным идеям постмодернизма в условиях поиска современным человеком себя представляются теория трансляции смыслов Д. А. Леонтьева и семиотическая теория коммуникации М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана. Положения этих теорий «воскрешают» в культуре понятие автора как рефлексирующего субъекта, который определяется его «собственным

внутренним миром (набором эзотерических смыслов)» и «кругозором (набором социально оформленных смыслов)» [16, с. 29], что образует «осмысленный и организованный в представлении в соответствии с собственной системой ценностных ориентаций мир человека» [25, с. 100]. Центральным элементом всеобщего семиотического пространства (семиосферы) становится текст как «первичная данность всех гуманитарных дисциплин» [Там же], которая выходит далеко за рамки своего собственно лингвистического понимания и может потенциально представлять собой любой человеческий поступок «в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [3, с. 302]. Ключевое отличие «сложно устроенного» [20, с. 72] текста Лотмана от бесконечного автономного текста Деррида заключается в том, что за первым скрывается реальность, а не гиперреальность: мир – это не симуляция. При всех возможных тезисах, пересекающихся с постструктуралистами, текст, по Бахтину, продуцируется и существует не ради себя и не внутри себя, а, в первую очередь, для человека и в диалогическом движении понимания, то есть в бесконечном диалоге культур, текстов, контекстов, познающего и познаваемого, автора и реципиента, а также предшествующих и последующих субъектов. Задачей воспринимающего текст становится его дешифровка, то есть извлечение из текста внетекстовой реальности, а из рассказа о событии – самого события [Там же, с. 336], то есть его смыслов, которые сохраняются и транслируются в культуре через «артефакты (вещи), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения» [19, с. 416]. По сути, эти элементы составляют все коммуникативное пространство человека. Однако принципиальным положением отечественной гуманитарной науки является то, что за текстом стоит реальность, тогда как в западной – гиперреальность.

Исходная точка коммуникативного влияния, таким образом, находится в самом мышлении индивида, которое в зависимости от его социальной роли «запаковывает» ценности и смыслы жизни в вербальный (невербальный) (медиа)текстовый код и транслирует его адресату либо, наоборот, «извлекает» их из кода воспринимаемых (медиа)текстов. Порождение смыслов субъектом происходит в зависимости от его нравственного и даже онтологического выбора, который детерминирует его мироощущение и направляет его волю структурировать действительность именно так, а не иначе. Как в межличностной, так и в массовой коммуникации от этого выбора зависит содержание жизненных установок, которое будет воспринимать индивидуальный и коллективный реципиент.

ВЫВОДЫ

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что антропологическая цивилизация Запада была по умолчанию ориентирована на постоянную внешнюю экспансию и осваивание все новых территорий, игравших роль нескончаемой ресурсной базы для обеспечения процветания метрополии – Европы и позднее Америки. Постепенно обеспечив свое повсеместное присутствие через завоевания, великие географические открытия и колониальную оккупацию, распространяя по всему миру с помощью СМИ и посредством «мягкой силы» нетрадиционные ценностно-мировоззренческие установки и деструктивные концепции социальной

инженерии, эта цивилизация вынуждает отказаться современного человека, воспитанного на ее «стандартах», сначала от Бога, а затем – и от самого себя в пользу категории «ничто» и примата вещи; сегодня, движимая технологическим развитием, она уже вступает в эпоху трансчеловека, находясь на пути к постгуманистическому будущему. Коммуникативное влияние современной информационной среды является катализатором и одновременно следствием этих процессов и основано главным образом на положениях господствующей сегодня парадигмы постмодерна, в соответствии с которой – в сухом остатке – все в этом безбожном мире относительно, а высший смысл жизни человека состоит в потреблении (то есть отсутствует). Изменить такое положение вещей, которое ведет человечество к своему безнадежному финалу, может только возврат к религиозному пониманию бытия, сохранение традиционных ценностей и реактуализация высших смыслов.

Основные принципы жизнеустройства детерминирует философия, а точнее – основополагающий онтологический подход, который избирают общество, государство и, как следствие, коммуникаторы в их самом широком смысле. От него зависит общее понимание фундаментальных цивилизационных основ бытия, осознание себя и своего места в мировой системе координат и стратегическое целеполагание. Здесь же находится начальная точка отсчета для развития науки, культуры и образования.

Западная модель развития общества выбрала в качестве основы антигуманистический подход, установивший в современной медиакulturе антикатартический период кризиса и деградации. В силу своей бесконтрольной агрессивности и высокой контагиозности, поощряемой революционным развитием сферы массовой коммуникации, философская парадигма саморазрушения не остановилась в своей стремительной экспансии внутри Европы и Америки и начала постепенно стирать цивилизационно-культурное наследие многих стран и народов по всему земному шару. Она требует уничтожения религии, традиционных ценностей как таковых, а вслед за ними – социума, самого человека и окружающего его мира, и это полностью объясняет суть очередной полномасштабной войны, развязанной Западом против России и ее народа. Для Русской цивилизации и Российского государства эта философия представляет экзистенциальную опасность.

При широком обзоре передовых популярных течений социальной инженерии, пришедших в наше общество с Запада за последние 50–70 лет: гедонизм, нарциссизм, феминизм, Live fast, die young («Живи быстро, умри молодым»), чайлдфри, абортизм, гомосексуализм, транссексуализм, антропологическая цифровизация, азеркинизм (самоидентификация как существа, отличного от homo sapiens) – становится очевидно, что практически все они ведут человека к экзистенциальному вакууму, внутренней духовной пустоте, «переживанию пропасти» [22, с. 68]. Последствиями покорного следования в русле этих и других асоциальных норм поведения, устанавливаемых сферой массовой коммуникации в качестве идеологически верных и прогрессивных, становятся патологический эгоизм, нигилизм, моральная и даже физическая инвалидность людей, хаотизация, атомизация и искусственное вымирание общества (которое от государства, как известно, неотделимо [23, с. 92] – уничтожение первого ведет к распаду второго, и наоборот).

А. Швейцер писал: «Культура является продуктом оптимистически-этического мировоззрения» [32, с. 68]. Исходя из этого человек должен «вернуться к вечным общечеловеческим ценностям Истины, Добра и Красоты, Труда и Ответственности» [30, с. 121], то есть к исходной онтологической парадигме «Бог–Человек–Мир». Вместо этого сейчас он находится в состоянии перехода к метамодерну, который сочетает «просвещенную наивность, прагматический идеализм и умеренный фанатизм, колеблясь между иронией и искренностью, конструкцией и деконструкцией, апатией и влечением, пытаюсь достичь некой трансцендентной позиции, как если бы такая вещь была в пределах нашей досягаемости» [41]. Концептуальный оксюморон, означающий пребывание в состоянии постоянной неопределенности и движение ради движения, «несмотря на неизбежный провал» [42, р. 5], не может претендовать на необходимый сегодня человечеству ориентир.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Структурные особенности новостного текста в интернет-дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. – С. 87-98.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
5. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 348 с.
6. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 288 с.
7. Голубева Н. А. Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма. – М.: Из-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. – 188 с.
8. Горных А. А. Лакан // Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 538.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 с.
10. Дионисий Ареопажит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя, Издательство Олега Абышко, 2002. – 854 с.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1935. – 364 с.
12. Достоевский Ф. М. Подросток: Роман в 3-х ч. – М.; Л.: Гослитиздат, 1947. – 544 с.
13. Жак Деррида. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты. – СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007. – 175 с.
14. Жан Бодрийяр: симулякры и разрушение смысла в средствах массовой информации // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/zhan-bodriyyar-simulyakry-i-razrushenie-smyisla-v-sredstvah-massovoy-informatsii/>. – (Дата обращения: 23.03.2023).
15. Зафиксирован обстрел со стороны ВФУ... // online СЦКК ДНР. – Режим доступа: https://t.me/s/online_dnr_sckk. – (Дата обращения: 28.03.2023).
16. Касавин Т. И. М. Бахтин и Ю. Лотман. У истоков коммуникативно-семиотического подхода к языку и сознанию // Философские науки. – 2007. – С. 27–47.

17. *Комков О. А.* «За экраном нет ничего»: симулякры Жана Бодрийяра // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/bodrijar/>. – (Дата обращения: 23.03.2023).
18. *Комков О. А.* «Человек-масса» Хосе Ортеги-и-Гассета: как отказ от мысли и свободы стал нормой // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/chelovek-massa-jose-ortega-y-gasset/>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
19. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.
20. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.
21. *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
22. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.
23. *Неверов А. Я., Жаров С.Н.* Понятие государства и его значение для объективного восприятия социальной действительности // Человек. Общество. Государство. – 2018. – № 1 (4). – С. 89-94.
24. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.
25. *Новикова Л. И.* К методологии гуманитарного познания // М. М. Бахтин как философ: Сборник статей. – М.: Наука, 1992. – С. 97–109.
26. Они завершают эпоху людей. Когда исчезнет пандемия и что придет вместо нее. Андрей Фурсов // День-ТВ. – Режим доступа: <https://dentv.ru/programs/geopolitika/oni-zavershayut-erohu-lyudey-kogda-ischeznet-pandemiya-i-chto-pridet-vmesto-nee-andrey-fursov.html>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
27. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309-350.
28. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
29. *Платон.* Государство. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
30. *Семенов В. Е.* Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 116-121.
31. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
32. *Швейцер А.* Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
33. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502 с.
34. *Barthes R.* La mort de l'auteur // Le Bruissement de la langue. – Paris: Seuil, 1984. – P. 61–67.
35. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. – Michigan: Michigan Publishing, 1995. – 176 p.
36. *Bell D.* The Social Framework of the Information Society // The Computer Age: A 20 Year View. – Cambridge: MIT Press, 1979. – P. 500–549.
37. *Figaro* удалила репортаж Анн-Лор Боннель о положении мирных жителей в ДНР и ЛНР // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14053463>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
38. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: The Free Press, 1992. – 418 p.
39. *Lyotard J.-F.* La Condition postmoderne. – Paris: Les Editions de Minuit, 1979. – 128 p.
40. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. – Geneva: Forum Publishing, 2020. – 280 p.
41. *Turner L.* Metamodernism: a brief introduction // Queen Mob's Teahouse. – Режим доступа: <https://queenmobs.com/2015/01/metamodernism-brief-introduction/>. – (Дата обращения: 14.04.2023).
42. *Vermeulen T., van den Akker R.* Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. – 2010. – Vol. 2. – P. 1–14.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of human]. Moscow, Yaziki russkoy kultury Publ., 1999. 896 p.
2. Akhrenova N. A., Zaripov R. I. *Strukturnye osobennosti novostnogo teksta v internet-diskurse* [Structural Features of News Text in Internet Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2023, no. 2, pp. 87–98.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.
5. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [Perfect crime. Art conspiracy]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2019. 348 p.
6. Baudrillard J. *Fatal'nye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2019. 288 p.
7. Golubeva N. A. *Dissimetriya «igry v biser»: kratkoe vvedenie v metateoriyu postmodernizma* [The Dissymmetry of the Glass Bead Game: A Brief Introduction to the Metatheory of Postmodernism]. Moscow, MGTU im. Baumana Publ., 2009. 188 p.
8. Gornyxh A.A. *Lakan* [Lacan]. *Noveyshiy filosofskiy slovar'*. Minsk, Interpressservis Publ., 2001, pp. 538.
9. Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2019. 808 p.
10. Dionisiy Areopagit. *Titu ierarkhu [voprosivshemu poslaniem, chto takoe dom Premudrosti, chto – chasha i chto eda ee i pitie]* [To Titus hierarch who asked with a message what is the house of Wisdom, what is the cup and what is her food and drink]. *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 854 p.
11. Dostoevskiy F. M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Vol. 1. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935. 364 p.
12. Dostoevskiy F. M. *Podrostok* [Adolescent]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1947. 544 p.
13. Jacques Derrida. *Zhizneopisanie, mirovozzrenie, tsitaty* [Biography, worldview, quotes]. Saint Petersburg, Vektor Publ., 2007. 175 p.
14. *Zhan Bodriyyar: simulyakry i razrushenie smysla v sredstvakh massovoy informatsii* [Jean Baudrillard: simulacra and the destruction of meaning in the media]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/zhan-bodriyyar-simulyakry-i-razrushenie-smysla-v-sredstvakh-massovoy-informatsii/> (accessed 23 March 2023).
15. *Zafiksirovan obstrel so storony VFU...* [Shelling from the AFU was recorded...]. Online CCKK DNR. Available from: https://t.me/s/online_dnr_sckk/22323 (accessed 23 March 2023).
16. Kasavin T. I. M. *Bakhtin i Yu. Lotman. U istokov kommunikativno-semioticheskogo podkhoda k yazyku i soznaniyu* [M. Bakhtin and Yu. Lotman. At the origins of the communicative-semiotic approach to language and consciousness]. *Filosofskie nauki*, 2007, no. 12, pp. 27–47.
17. Komkov O. A. *«Za ekranom net nichego»: simulyakry Zhana Bodriyyara* [“There is nothing behind the screen”: Jean Baudrillard's simulacra]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/bodriyyar/> (accessed 23 March 2023).
18. Komkov O. A. *«Chelovek-massa» Khose Ortegi-i-Gasset: kak otkaz ot mysli i svobody stal normoy* [“Mass Man” of José Ortega y Gasset: how the rejection of thought and freedom became the norm]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/chelovek-massa-jose-ortega-y-gasset/> (accessed 24 March 2023).
19. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie, i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure, and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 488 p.

20. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p.
21. McLuhan H.M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2003. 464 p.
22. Maslow A. *Po napravleniyu k psikhologii bytiya* [Towards the psychology of being]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 272 p.
23. Neverov A.Ya., Zharov S.N. *Ponyatie gosudarstva i ego znachenie dlya ob"ektivnogo vospriyatiya sotsial'noy deystvitel'nosti* [The concept of the state and its significance for an objective perception of social reality]. *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2018, no. 1 (4), pp. 89–94.
24. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra Sochineniya v 2 t. T. 2.* [Thus spoke Zarathustra. Works in 2 vol. Vol 2]. Moscow, Mysl Publ., 1996. 829 p.
25. Novikova L. I. *K metodologii gumanitarnogo poznaniya* [To the methodology of humanitarian knowledge]. *M. M. Bakhtin kak filosof: Sbornik statey.* Moscow, Nauka, 1992, pp. 97–109.
26. *Oni zavershayut epokhu lyudey. Kogda ischeznet pandemiya i chto pridet vmesto nee.* Andrey Fursov [They end the human era. When will the pandemic disappear and what will come in its place. Andrey Fursov]. *Den'-TV.* Available from: <https://dentv.ru/programs/geopolitika/oni-zavershayut-epokhu-lyudey-kogda-ischeznet-pandemiya-i-chto-pridet-vmesto-nee-andrey-fursov.html> (accessed 24 March 2023).
27. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. *Estetika. Filosofiya kul'tury.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 309–350.
28. Orwell G. *«1984» i esse raznykh let* [“1984” and essays from different years]. Moscow, Progress Publ., 1989. 384 p.
29. Platon. *Gosudarstvo* [State]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2015. 318 p.
30. Semenov V.E. *Katarsis i antikatarsis: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k vozdeystviyu iskusstva* [Catharsis and anti-catharsis: a socio-psychological approach to the impact of art]. *Voprosy psikhologii*, 1994, no. 1, pp. 116–121.
31. Fukuyama F. *Konets istorii?* [End of history?]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134–148.
32. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress, 1973. 342 p.
33. Eko U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on text semiotics]. Saint Petersburg, Simposium, 2005. 502 p.
34. Barthes R. *La mort de l'auteur. Le Bruissement de la langue.* Paris, Seuil, 1984, pp. 61–67.
35. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation.* Michigan, Michigan Publ., 1995. 176 p.
36. Bell D. *The Social Framework of the Information Society. The Computer Age: A 20 Year View.* Cambridge, MIT Press, 1979, pp. 500–549.
37. *Figaro udalila reportazh Ann-Lor Bonnel' o polozhenii mirnykh zhiteley v DNR i LNR* [Figaro removed Anne-Laure Bonnel's report on the situation of civilians in the DPR and LPR]. *TASS.* Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14053463> (accessed 24 March 2023).
38. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* New York, The Free Press, 1992. 418 p.
39. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne.* Paris, Les Editions de Minuit, 1979. 128 p.
40. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset.* Geneva, Forum Publishing, 2020. 280 p.
41. Turner L. *Metamodernism: a brief introduction.* *Queen Mob's Teahouse.* Available from: <https://queenmobs.com/2015/01/metamodernism-brief-introduction/> (accessed 24 March 2023).
42. Vermeulen T., van den Akker R. *Notes on Metamodernism.* *Journal of Aesthetics and Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.

**HUMAN, SOCIETY AND MASS COMMUNICATION
IN NATIONAL AND WESTERN
CULTURAL AND CIVILIZATIONAL PARADIGMS:
LINGUOPHILOSOPHICAL AND ANTHROPTHEOLOGICAL ASPECTS**

Zaripov R. I.

The article is devoted to the cultural and philosophical comprehension of the current state of man and society influenced by the Western value-worldview paradigm of postmodernity, as well as the role of mass communication in the implementation and amplification of the negative processes erasing all forms of the subject's identity, as well as the subject himself according to the concept of "nothing". The anti-humanistic approach of Western philosophical thought requiring the gradual destruction of religion, traditional values and the state, has led the world to an era of post-truth, post-history and post-humanity. The domestic linguo-philosophical tradition, original and self-sufficient in its ontological attitudes, does not need alien landmarks and is based, among others, on the semiotic theory of communication by M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman and the theory of translation of meanings by D.A. Leontiev. The provisions of these theories consider the text in its broadest sense to be a fundamental element of the semiosphere, functioning in a person and for a person, based on value meanings and reducing the author as a reflective subject and the addressee as a cognizing subject into an endless dialogic interaction. The key difference between Lotman's "complex" text and Derrida's endless autonomous text is that behind the first is the reality while behind the second is the hyperreality: in Russian scientific understanding, the world is not a simulation.

Key words: text, society, postmodern, reality, hyperreality, mass communication.

5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 801.612.1

ФОРМИРОВАНИЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКСКУРСОВОДОВ

Аржанцева Т. В., Капустина С. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: arzhantsevatv@cfuv, kapustina_s_v@mail.ru*

В статье рассматривается новый профессионально ориентированный подход к изучению акцентологических норм в рамках вузовской дисциплины «Культура речи экскурсовода». Предлагаются принципы создания акцент-практикума, направленного на совершенствование навыков постановки словесного ударения. Концептуальное отличие предложенного акцент-тренажа заключается в моделировании коммуникативных ситуаций, которые максимально приближены к реалиям экскурсионного дискурса. Достижению обозначенного эффекта «коммуникативной иммерсивности» способствует выбор контекстно-иллюстративного материала региональной направленности. В работе предлагается перечень словарей, фиксирующих акцентологические нормы рубежа XX–XXI вв. и постмиллениального периода. Апробация результатов предпринятого исследования подтверждает эффективность предлагаемой системы практико-ориентированных методов, нацеленных на усвоение акцентологических норм специалистами в области туристско-экскурсионного бизнеса.

Ключевые слова: словесное ударение, акцентология, акцентологическая норма, акцентологический минимум, экскурсия, культура речи экскурсовода, профессиональная языковая личность, речевое поведение.

ВВЕДЕНИЕ

Качественное голосовое оформление экскурсии – одно из первостепенных условий ее успешности. Как правило, оно на должном уровне выполняется разработчиками аудиогидов – программ и приложений, предназначенных для самостоятельного ознакомления с определенными маршрутами. И это вполне закономерно, ведь фонограммы такого типа предполагают подготовленное чтение диктором соответствующего материала. Классический же формат экскурсии не допускает механического воспроизведения ее контрольного текста, ведь оно, во-первых, препятствует прямому коммуникативному взаимодействию говорящего со слушателями; во-вторых, дискредитирует профессиональную и лидерскую компетенции экскурсовода.

Традиционная экскурсия – своеобразное сотворчество ее участников, поэтому для ведущего важно не только филигранно владеть фактическим материалом о посещаемых достопримечательностях или экспозициях, но и быть коммуникативно пластичным, то есть мгновенно реагировать на запросы аудитории; менять запланированный ход повествования, ориентируясь на возникающие ситуации. Интерактивная составляющая, с одной стороны, делает экскурсию динамичной, оригинальной, «живой»; с другой же, – создает условия спонтанности и ситуативной привязанности, при которых повышается вероятность допущения говорящим речевых ошибок и неточностей.

Вынужденные экспромты или поверхностная проработка контрольного текста мероприятия нередко провоцируют нарушение экскурсоводом акцентологических норм литературного языка. Следует заметить, что далеко не все слушатели способны диагностировать обозначенные изъяны в речевом поведении специалиста, ведь для аудитории, не владеющей азами культуры речи, превалирует содержательная составляющая его повествования. Для филологически же осведомленных экскурсантов смещение унифицированных ударных позиций в произнесенных ведущим словах может стать: а) маркером его низкой речевой культуры; б) барьером для эффективного слушания и полноценного восприятия предлагаемой им информации.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью создания действенного акцент-практикума, направленного на совершенствование навыков постановки ударения в тех словах, произнесение которых традиционно вызывает трудности как у большинства носителей русского языка в целом, так и у экскурсоводов в частности.

Цель статьи – дидактическое моделирование на материале крымоведческих контекстов одного акцентологического блока вузовской дисциплины «Культура речи экскурсовода», направленного на оптимизацию аудиального образа будущего/практикующего гида.

Выбор крымоведческого материала в качестве иллюстративной компоненты предпринятого исследования обусловлен широким спектром реализуемых на полуострове видов туризма как природного, так и антропогенного характера, и, соответственно, разнообразием и аутентичностью экскурсионных продуктов региона. Последние совокупно формируют масштабный историко-географический контекст, фрагменты которого не только гармонично атрибутируют дидактическую канву моделируемого нами блока, но и актуализируют / дополняют знания обучающихся о Крыме.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Утверждение о том, что грамотная / правильная/ качественная / хорошая речь – фундамент профессионального мастерства экскурсовода, стало аксиомой, зафиксированной как в профильных учебно-методических трудах [11, с. 200–208], [10, с. 171–180], [6, с. 35–81] и др., так и в ширящемся кругу научных работ, посвященных филологическому анализу экскурсионного дискурса [16], [3], [23] и др.

Например, Т. В. Демидова, перечисляя непреложные умения и навыки языковой личности экскурсовода, настаивает на «соблюдении общих норм», но при этом допускает индивидуализацию говорящего, воплощение его лингвокреативного потенциала [9, с. 16].

В диссертационном исследовании А. С. Ахметшиной понятие «хорошая речь экскурсовода» трактуется как «знание и соблюдение современных языковых норм, этики общения» и сопрягается с описанным О. Б. Сиротининой типом элитарной языковой личности, т. е. образцом речевой культуры [4, с. 39]. Такое соположение обосновано: объединяя амплу информатора, энциклопедиста, оратора, психолога, популяризатора, просветителя, экскурсовод выполняет функциональную нагрузку,

свойственную профессиям повышенной речевой ответственности. Именно поэтому соблюдение норм литературного языка в процессе ведения экскурсии должно восприниматься как ее своеобразный «знак качества», который подтверждает принадлежность экскурсовода к типу элитарной (образцовой) языковой личности, осознающей ответственность перед слушателями за вербализацию и суть предлагаемой информации.

Л. Е. Бахвалова, аттестуя экскурсионную речь как жанрово-стилистический феномен, сравнивает две особенно востребованные стратегии коммуникативного поведения экскурсовода – «профессионал» и «креатор» [7, с. 10]. Тем не менее выбор коммуникативной роли не снижает уровень речевой ответственности экскурсовода: и при целевой установке «профессионал», и при реализации алгоритма «креатор» для него репутационно значимо не допускать грубых акцентологических ошибок; избирать приоритетные варианты произношения; вербализировать омографы и омоформы с учетом их смысловой нагрузки.

Выполнение перечисленных задач требует от экскурсовода погруженности в контекст акцентологии – одной из самых динамично развивающихся и парадоксальных областей литературного языка, которая традиционно вызывает «ожесточенные споры, недоумения и колебания» лингвистов [8, с. 71]. Следует заметить, что термин «акцентология» был введен в активный научный оборот Р. Ф. Брандтом в 1880-м году. Хотя сам исследователь отмечал, что авторство указанного неологизма принадлежит не ему и затруднялся привести источник заимствования, думается, именно его обоснование определило дальнейшую востребованность термина в трудах, посвященных русскому ударению: «Также название, которое я придаю разрабатываемой мною науке, – акцентология – иному покажется странным или даже уродливым; но, по-моему, порицать это слово, и подобные ему социология, лингвистика, за смешанный, полулатинский, полугреческий состав есть ученый педантизм» [цит. по: 21, с. 11]. В тематически родственных исследованиях, предшествующих книге Р. Ф. Брандта, смысловым эквивалентом «акцентологии» было «слогодударение». Основоположник этого исконно русского понятия, А. Х. Востоков, обозначил им самостоятельный раздел грамматики и отметил малоизученность последнего: «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и из словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил» [цит. по: 21, с. 12].

Тезис А. Х. Востокова стал своего рода стимулом для лингвистов разных поколений, сосредоточившихся на выявлении если не «определенных правил», то хотя бы закономерностей и тенденций в постановке русского ударения. Весомый вклад в развитие теории акцентологии внесли Я. К. Грот, А. А. Потёбня, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, А. А. Зализняк, Т. Г. Хазагеров, Р. И. Аванесов, В. А. Дыбо, В. В. Колесов, В. Л. Воронцов, В. А. Редькин, М. В. Зарва, Н. А. Федянина, С. Г. Горбачевич, Н. С. Валгина, В. Н. Немченко, Т. Г. Фомина и др.

Симптоматично, что большинство специалистов констатирует «сложность и прихотливость русского ударения» [8, с. 71], его «коварство» [17, с. 59] и «причуды» [15, с. 43–48]. Такая характерология предупреждает о перипетиях акцентологической подготовки, обусловленных «разноместностью русского ударения и его возможной подвижностью при образовании грамматических форм, соединенной с отсутствием

обозначения ударения в печати» [1, с. 4]. Преодоление же «акцентологических лабиринтов» считается не столько возможным, сколько необходимым для всех носителей русского языка – и особенно для представителей профессий повышенной речевой ответственности, – поскольку «нормативное словесное ударение способствует правильному восприятию и действенности звучащего слова» [12, с. 17].

Следовательно, на начальном этапе акцентологического совершенствования речи экскурсовода важно развеять миф о тотальной бессистемности русского словесного ударения, якобы провоцирующей многочисленные акцентные разночтения и лексикографические несовпадения при нормокодификации. Исходная точка реализации поставленной метацели – теоретическая преамбула, базирующаяся на решении следующих задач:

- сформировать у обучающихся представление о языке как «сложной саморазвивающейся структуре, отдельные звенья которой проходят разные этапы эволюции, рождающие, в свою очередь, разные сценарии их развития» [20, с. 21];
- обозначить зависимость акцентологических норм от языковых тенденций конкретных исторических циклов;
- разъяснить причины возникновения акцентных вариантов, прокомментировать их диспозитивное либо императивное положение в системе современного литературного языка.

Справочно-иллюстративную функцию как во вводно-теоретической, так и в аналитико-практической частях моделируемого блока закономерно выполняют орфоэпические словари. Однако регулярно пополняющийся корпус лексикографических работ указанного направления и обилие тематически аналогичных им онлайн-проектов актуализируют проблему выбора качественных научных трудов, объективно фиксирующих акцентологические нормы русского литературного языка рубежа XX–XXI вв. и постмиллениального периода.

Авторы методических разработок по «Русскому языку и культуре речи», а также смежным дисциплинам универсальных и профессиональных компетенций в высшей школе предлагают разные варианты решения этой проблемы. Например, М. В. Баделина и В. А. Фалина, анализируя лексикографическую экспликацию современной акцентологической нормы и адаптируя полученные выводы к преподаванию культуры речи на нефилологических специальностях вузов, рекомендуют четыре «наиболее авторитетные на сегодня орфоэпические словаря» [5, с. 96], среди которых:

- 1) Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова [1];
- 2) Резниченко, И. Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение [19];
- 3) Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь [12];
- 4) Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты [13].

Полагаем, что данная лексикографическая подборка нуждается в корректировке по нескольким причинам. Во-первых, «Орфоэпический словарь...» под редакцией Р. И. Аванесова эксплицирует не столько современную акцентологическую норму, сколько процесс ее становления в диахроническом срезе 80–90-х годов XX в. Указанный аспект учитывается последователями группы Р. И. Аванесова, фиксирующими «постмодернистскую ситуацию в орфоэпической культуре» [13]. В частности, «новая лексикографическая традиция», заложенная Р. И. Аванесовым, С. Н. Боруновой, В. Л. Воронцовой, Н. А. Еськовой и заключающаяся в фиксации «реального многообразия сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения» [13, с. 15], на современном этапе была успешно продолжена М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткиным, Р. Ф. Касаткиной, создавшими «Большой орфоэпический словарь русского языка...». Актуальное переиздание лексикографического труда коллектива исследователей из Института русского языка имени В. В. Виноградова, думается, должно обеспечить безошибочную навигацию обучающихся по «акцентологическим лабиринтам» современного русского литературного языка.

Во-вторых, перечисленные работы М. В. Зарвы и И. Л. Резниченко (в хронологически последней редакции), безусловно, следует рекомендовать обучающимся в качестве кодификаторов орфоэпической ситуации рубежа тысячелетий. Однако этими работами не должен ограничиваться вспомогательный механизм «акцентологической навигации». Количество источников необходимо увеличивать, если искомое слово отсутствует в рекомендуемых словарях либо при определении его нормативного акцентного оформления возникает лексикографический диссонанс. Например, рациональным представляется включение в предлагаемый список «Словаря образцового русского ударения» М. А. Штудинера [22] при проверке актуальных имен собственных (гео-номинаций, фамилий известных персоналий и т. д.).

В методических пособиях по «Культуре речи современного русского языка» для студентов нефилологического профиля (как и в весьма немногочисленных разработках по «Культуре речи экскурсовода») акцентологический минимум традиционно оформляется в виде перечня слов, просодическая организация которых требует запоминания. Преимущественно такой словник фиксирует не целостную акцентную парадигму изменяемых частей речи, а ее исходную форму либо отдельные «звенья».

Комплекс тренировочных упражнений при подобных минимумах, соответственно, также нацелен на механическое воспроизведение анализируемой единицы, а не на отработку ударения внутри акцентной парадигмы, составляющие которой актуализируются в процессе устной коммуникации.

Методически эффективным представляется моделирование системы акцентологических блоков, состоящих из:

- 1) минимума (словника), в котором каждый грамматически изменяемый элемент сопровождается указанием на постоянное или подвижное ударение внутри соответствующей акцентной парадигмы;
- 2) тренировочных упражнений, которые способствуют закреплению правильного произношения слов и словоформ на крымоведческом материале.

Принципиально важным условием составления акцентологического минимума для экскурсоводов считаем включение в один блок разнотипных проблемных случаев постановки словесного ударения.

Оптимальный объем минимума – 25–30 единиц, в число которых следует обязательно включить:

- акцентные парадигмы изменяемых частей речи с подвижным ударением (*изогну́ть, -гну́, -гнёшь, -ёт, -ём, -ёте, -у́т; -гнут, -а, -о; прибýть, прибýду, прибýдет; при́был, при́была́, при́было, при́были; прибýвший, прибýв; нача́ть, начну́, начнё́т; нача́л, началá, нача́ло и допуст. младш. началó, нача́ли; нача́тый; нача́т, начата́, начато, нача́ты; нача́вший*)
- грамматически изменяемые лексемы с постоянным ударением и, соответственно, без воспроизведения акцентной парадигмы (*августовский; аристокра́тия; ба́нты; бла́га; гру́нты; краси́вее / краси́вейший; прозорли́вый; сосредото́чение / рассу́то́чение; трансфе́р; хозя́ева; яйла́*);
- слова, не имеющие грамматических форм (*задо́лго / незадо́лго; платó*);
- примеры акцентной вариативности (семантически эквивалентные: *симме́трия / симметри́я, асимме́трия / асимметри́я, ма́стерски / ма́стерски́*; семантически эквивалентные, но с акцент-нормативным преимуществом одного из вариантов: *ми́зерный и допуст. мизе́рный; кедрóвый и допуст. кедровый*; акцентно-фонемные: *грунтово́й / грунто́вый*; акцентно-семантические: *лавро́вый* [отн. к высушенным листьям лавра: лавро́вый лист, лавро́вый отвар] и *лавро́вый* [отн. к ботан.: семейство ла́вовых]; *ха́ос* [мифол.] и *ха́ос / хаóс* [беспорядок]; *фено́мен* [научный термин] и *феноме́н* [о редком, необычном, исключительном (чаще о человеке)]; акцентно-морфолого-семантические: <в формах косвенных падежей> *орде́ны* [сообщества, организации] и *ордена́* [награды]).

В лексическом перечне практикума рационально не обозначать ударные слоги, предварительно предложив обучающимся самостоятельно провести акцентологический мониторинг анализируемых единиц по рекомендованным словарям. Такое решение методически обосновано: приобщение к лексикографической работе способствует развитию у будущего/практикующего экскурсовода навыков лингвистического самоконтроля.

Систему практических методов необходимо выстроить с учетом уровневой градации – «от простого к сложному». При этом под вектором усложнения следует понимать не только наращивание степени самостоятельности при выполнении практических заданий, но и последовательное продвижение от выполнения одноаспектных речевых тренировочных упражнений к выполнению речевых и коммуникативно-творческих. После комментированного чтения списка предложенных слов и словоформ, а также совместного урегулирования спорных ситуаций с их ударными слогами, рационально перейти к выполнению «акцент-

разминки»¹. Механизмы ее реализации могут быть разными (работа с карточками, слайдами и т. п.), но основные условия неизменны – спонтанная выборка слов и мгновенная реакция читающего.

Следующим этапом может стать выполнение упражнений, нацеленных на вербализацию акцентологически «коварных» форм причастий, род и число которых зависят от согласования с тематически соответствующими экскурсионному дискурсу именами существительными.

Упражнение 1. *Согласуйте перечисленные слова с действительным причастием начавшийся (-аяся, -еясь, -иеся) и страдательным причастием начат (-а, -о, -ы):*

1) поход, экскурсия, восхождение, спелео-тур, командировка, спуск, каникулы, инструктаж, мастер-классы, экспедиция, треккинг, погружение, круиз;

2) реконструкция, строительство, раскопки, возведение, реставрация, исследование, поиск, изучение, эксплуатация,

3) заседание, лекция, выступление, полемика, прения, презентация, диспут, дебаты, дискуссия, мероприятие, диалог, обсуждение, конференция;

4) трансфер, оформление, регистрация, обмен, аннуляция, страхование, программа, обслуживание, деятельность, размещение.

Аналогичная цель может реализовываться посредством проработки акцентологически каверзных элементов глагольной парадигмы, включенных в более информативные крымоведческие контексты.

Упражнение 2. *Прочитайте предложения, обращая особое внимание на постановку ударения в выделенных словах.*

1) Туристическая группа вовремя **прибыла** к месту первой запланированной остановки. 2) **Прибыв** в Херсонес в 861 году, Кирилл и Мефодий начали вести православные проповеди среди племен Хазарского каганата. 3) **Прибывший** на Графскую пристань император Александр I, обращаясь к командующему Черноморским флотом А. С. Грейгу, изрек: «Адмирал, береги Севастополь!». 4) В 1475-м году к берегам Крыма **прибыла** турецкая армада, состоящая примерно из пятисот кораблей. 5) В октябре 1854-го года в Крым **прибыло** подкрепление – 10-я и 11-я пехотные дивизии. 6) Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт, **прибывшие** в феврале 1945-го года в Крым на Ялтинскую конференцию, посетили и освобожденный Севастополь. 7) Первый поезд **прибыл** на станцию «Евпатория» 21 октября 1915 года.

¹ В контексте подготовки экскурсоводов важно, чтобы в упражнения для разминки были включены и акцентологически «спорные» гео-номинации. Например, для работы в крымском сегменте рекомендуется апелляция к топонимам, вызывающим вопросы не только в плане произношения (Карасевка / Карасёвка), но и с точки зрения не всегда очевидной вследствие межъязыковой интерференции семантики: «Идентификация семантического ядра иностранных топонимов, ставших фонетически прецедентными для русских "производных", осложняется тем, что псевдоочевидная этимология последних будто бы подтверждается визуальными контекстами объективной действительности. Например, без обращения к специальным источникам происхождение ойконима *Тополевка* можно ошибочно связать с лексемой *тополь*» [14, с. 281].

Закреплению навыков вербального различения акцентных вариантов рационально посвятить несколько упражнений, при выполнении которых имитируются условия реальной профессиональной деятельности экскурсовода. При этом переход на более высокий уровень сложности – применение приобретённых теоретических знаний в ситуации, приближённой к реальному речевому общению, – осуществляется незаметно для обучающихся и не вызывает дискомфорта и скованности, так как речевые действия приобретают формат деловой игры.

Упражнение 3. *Прочитайте предложения, обращая особое внимание на постановку ударения в выделенных словах. Устно воспроизведите содержание прочитанных фраз, представляя воображаемых слушателей экскурсионной группы.*

1) Знаменитый архитектор Николай Петрович Краснов, возведший на Южном берегу Крыма дворцы Романовых, был удостоен одного из самых почетных **орденов** Российской империи – Императорского ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. 2) Некоторые современные исследователи относят казачество к категории военно-монашеских **орденов**. 3) Размышляя о Крыме как поликонфессиональном регионе, специалисты обращаются к вопросу о Суфийском и Иезуитском **орденах**. 4) В парадном кабинете Алупкинского дворца представлены портреты М. С. Воронцова и его соратников по войне 1812 года. Светлейший князь и генералы изображены с заслуженными **орденами**. 5) На **орденах** во имя Святого Николая Чудотворца начертан девиз «Верой спасется Россия!». 6) Ключевым историческим событием середины XIII столетия стала борьба Руси с немецкими военно-религиозными **орденами**.

Результатом выполнения таких заданий станет не только закрепление полученных знаний, составляющих основу формирования культуры речи экскурсовода, но и усвоение фактического материала, а также преодоление психологического барьера, возникающего в условиях отсутствия опыта в общении с экскурсантами.

Упражнение 4. *Определите, в каких предложениях слово «феномен» имеет вариативное произношение. Представьте ситуацию: во время экскурсии один из экскурсантов указывает на неправильное произношение экскурсоводом слова «феномен». Приведите аргументы, обосновывающие правильность выбора произносительного варианта.*

1) Иван Константинович Айвазовский – **феномен** русской маринистики. 2) **Феномен** рекреации активно исследуется крымскими геоэкономистами. 3) Туманопад относят к редчайшим природным явлениям. Наблюдать этот метеорологический **феномен** можно, в том числе, и в крымских горах. 4) Булганакская группа грязевых вулканов – природный **феномен** Керченского полуострова. 6) Владимир Иванович Вернадский – **феномен** русской научной мысли. 7) «Ласточкино гнездо» – **феномен** крымской архитектуры и «визитная карточка» полуострова.

Упражнение 5. Прочитайте текстовые миниатюры, обращая особое внимание на постановку ударения в выделенных словах. Устно передайте их содержание, правильно произнося слова, на которых акцентировалось внимание в процессе чтения.

1) Новый свет – один из красивейших курортных поселков Восточного Крыма. Автобусный трансфер ежедневно осуществляется сюда из близлежащего города Судака. Автомобильная дорога, соединяющая эти населенные пункты, с высоты птичьего полета напоминает причудливо изогнутую ленту.

2) **Сосредоточение** различных хвойных и лиственных пород формирует особый микроклимат приморского поселка. На территории его крупнейших пансионатов созданы **лавровые** рожи и пальмовые аллеи. Высаженные здесь представители **кедровых** благоприятно влияют на самочувствие жителей и гостей Нового света. Например, кедр ливанский, аромат которого особенно ощутим в **августовский** зной, эффективно очищает воздух и способствует излечению от болезней дыхательной системы.

3) Рядом с поселком располагается одноименный ботанический **заказник** республиканского значения. Украшением этой территории являются реликтовые рожи древовидного можжевельника, который произрастает не только на плодородных **грунтах**, но и на каменистой почве. Ботаники объясняют этот **феномен** тем, что корень можжевельника выделяет специфическое вещество, растворяющее камень.

4) Западная часть **заказника** представляет собой высокогорное **плато**. Здесь находятся живописные ущелья, особую эстетику которых создают природные каменные **хаосы**. **Асимметрия** неприступных скал Нового света запечатлена не только художниками-маринистами, но и режиссерами популярных кинолент.

5) История Нового света связана с именем известнейшего представителя **аристократии** XIX столетия – князя Льва Сергеевича Голицына. Согласно легенде, император Николай II, испробовав **мастерски** изготовленные князем вина, изрек: «Я вижу всё в новом свете!». Считается, что с этих слов была **начата** новая страница в «летописи» поселка: он получил сохранившееся донныне название.

6) **Задолго** до увлечения главным делом жизни Л. С. Голицын проявил себя как блестящий знаток права. В тот период даже самый **прозорливый** человек не смог бы предугадать, что профессорскому званию князь предпочтет карьеру винодела.

7) Постигание азов виноделия было **начато** Л. С. Голицыным в период обучения во Франции. **Прибыв** в Россию, князь далеко не сразу отправился в Крым – уникальный регион, природные **блага** которого способствуют развитию винопроизводства. Долгое время он жил во Владимирской губернии, где и познакомился с **хозяевами** имения «Парадиз» (в дальнейшем – «Новый свет») Херхеулидзевыми.

8) Купив крымские земли князя З. С. Херхеулидзева, Л. С. Голицын **мастерски** культивировал на них более пятисот сортов винограда. Основатель завода шампанских вин в Новом свете стремился совершенствовать **многовековую** культуру питья в России. Именно поэтому стоимость его высококачественной продукции была **мизерна**: в знаменитом московском магазине на Тверской она составляла всего двадцать пять копеек за бутылку.

9) Автор книги «Москва и москвичи» Владимир Гиляровский, **начав** повествование о Л. С. Голицыне, выделил следующие «штрихи» его психологического портрета: «Известный краснбай, горячий спорщик, всегда громко хваставшийся тем, что он "не посрамлен никакими чинами и **орденами...**"».

10) Непростой нрав князя проявился и в его экстравагантном стиле одежды. **Прибывший** в курортный поселок аристократ редко появлялся без папахи, которая стала его талисманом со времен военных действий на Кавказе. Этот головной убор был даром от пленного горца, оставленного в живых по настоянию князя. Помилованный пленник оказался весьма **прозорлив**: он сказал, что папаха принесет Л. С. Голицыну счастье.

Целесообразность выполнения таких заданий объясняется тем, что знание истории региона и способность излагать фактический материал, соблюдая акцентологические нормы современного русского языка, – необходимые составляющие профессиональной культуры экскурсовода. Кроме того, упражнения, разработанные на основе краеведческого материала, способствуют повышению мотивации и познавательной активности обучающихся.

Упражнение 6. *Выразительно прочитайте текст, обращая внимание на произношение выделенных слов. Запишите свою речь на диктофон и прослушайте аудио. Сделайте вывод о правильности произношения.*

Воронцовский (Алупкинский) дворцово-парковый комплекс

Воронцовский дворцово-парковый комплекс в Алупке по праву претендует на статус **красивейшей** достопримечательности Крыма. Этот уникальный ансамбль имеет почти двухвековую историю, начало которой было положено Светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Ярчайший представитель **аристократии** XIX века, знаменитый военачальник, удостоенный за мужество **орденов** Святого Георгия и Святого Владимира 4-й степени с **бантом**, был впечатлен первозданными **благами** южнобережной природы. В 1828 году М. С. Воронцов, **прибыв** на место своей будущей летней резиденции, заложил первые камни в ее фундамент. В течение почти двух столетий у Воронцовского замка неоднократно сменяются **хозяева**, однако имя заказчика и основателя навсегда увековечено в самом названии дворцово-паркового ансамбля.

Незадолго до строительства дворца была **начата** планировка парковых зон. В 1820 году рабочие под управлением Карла Кебаха приступили к удобрению расчищенных **грунтов** черноземом и плодородной землей с Ай-Петринского **плато** (Ай-Петринской **яйлы**). **Прозорливый** немецкий садовод **мастерски** создавал композиции, предполагающие соседство

крымской флоры с завезенными деревьями и кустарниками. Количество дикорастущих насаждений отныне стало *мизерным*. *Сосредоточение* же в парке вечнозеленых *кедровых* деревьев и *лавровых* кустов способствовало созданию эффекта «бесконечной весны». Замысловато *изогнутые* ветки глицинии, плюща и розы, по замыслу оформителя, должны были «оживлять» яркими красками величественный фасад дворца, выполненный из серого диабазы.

Традиционно Воронцовский парк разделяют на Верхний и Нижний. Для Нижнего парка характерна *симметрия* цветников и парных флорентийских каскадных фонтанов. Смена сезонов делает экспозиции разнообразными. Летом пейзажи, бесспорно, *красивее*. В *августовский* день картины парка наиболее выразительны: нежной, розовой пеной окутаны ветви индийской сирени, густым оранжево-зеленым ковром распускается на восточной стене дворца японская текома. В *августовские* знойные вечера дурманящим запахом веет от магнолии крупноцветной.

Совершенно уникальным в художественном смысле является Верхний пейзажный парк. Его основные составляющие – Малый *хаос*, Большой *хаос* и Солнечная поляна. Расстояние в полшага между итальянской сосной и ливанским кедром, кипарисом пирамидальным и сосной Монтесумы свидетельствует о том, что Верхний парк, как и Воронцовский парк в целом, – геоботанический *феномен* крымского Южного бережья!

Прослушивание записи собственной речи способствует формированию у обучающихся рефлексивного мышления. Как следствие, более объективной становится коммуникативная самооценка говорящего. Это объясняется тем, что внутренняя (интенси́вная) мотивация, возникающая не под влиянием внешних обстоятельств, а вызываемая содержанием учебной деятельности, инициирует и направляет действия обучающихся на достижение целей и обеспечивает успешность методических подходов: «успех методики обучения основывается, с одной стороны, на глубоких преподавательских знаниях в сфере своей дисциплины, а с другой – на умении преподавателя заинтересовать учеников» [18, 85].

Логическим завершением предлагаемой тренинг-системы должны стать речевые упражнения творческого характера, дидактическая цель которых – научить применять полученные знания на практике, совершенствуя тем самым важнейший инструмент экскурсовода – его речь.

Упражнение 7. Сделайте близкий к прочитанному тексту устный пересказ с опорой на слова из анализируемого акцент-списка.

Упражнение 8. Используя максимальное количество слов (словоформ) из предложенного акцентологического минимума, составьте текст о каком-либо экскурсионном объекте (минимум – 10 предложений).

Эффективность подобных упражнений обусловлена тем, что наряду с развитием творческого начала они создают условия для появления у обучающихся заинтересованности в правильном изложении мыслей. Выполняя такие упражнения, студенты совершенствуют умение контролировать свою речь и критически оценивать создаваемые ими высказывания в устной и письменной форме.

ВЫВОДЫ

Общепризнанным является тот факт, что владение акцентологическими нормами современного русского языка – важнейший показатель речевой культуры специалистов, освоивших профессии повышенной речевой ответственности. Тем не менее частотность акцентологических ошибок в речи специалистов, работающих в сфере туристско-экскурсионного бизнеса, довольно высока. Особую трудность вызывает произношение глаголов и глагольных форм (причастий, деепричастий), заимствованных слов, слов с вариантным ударением.

Сложность процесса усвоения произносительных норм связана как с экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами. Основной причиной, вызывающей ошибки, принято считать динамичность развития акцентологической нормы.

Несмотря на то, что в настоящее время проблема изучения произносительных норм и выявления причин возникновения акцентологических вариантов находится в фокусе внимания многих лингвистов, методический аспект овладения акцентологическими нормами современного русского языка остаётся малоизученным. Отсутствие значимых научных исследований в этой сфере методической науки обусловило необходимость разработки системы практических методов и эффективных методических приемов работы по совершенствованию акцентологического навыка в рамках дисциплины «Культура речи экскурсовода». Результатом такой работы стала система эффективных практических методов, обеспечивающих прочное усвоение обучающимися акцентологических норм и формирование соответствующих им произносительных навыков. Отличительные черты этой системы – концептуальность и воспроизводимость. Основные приёмы, нашедшие отражение в предложенной системе упражнений, могут применяться в преподавании иных филологических дисциплин, а также в обучении студентов других специальностей. В качестве дидактического материала могут быть использованы тексты краеведческого характера, содержащие фактический материал не только крымской тематики, но и любого другого региона страны.

Положительный опыт использования в курсе «Культура речи экскурсовода» комплекса упражнений, нацеленных на формирование у носителей русского языка навыка правильной постановки ударения, свидетельствует о необходимости совершенствования разработанной системы упражнений и дальнейшего её применения в комплексе с другими методами обучения, способствующими формированию умений, необходимых для практической деятельности экскурсовода.

Перспективу составляет издание сборника упражнений, выполнение которых повысит качество обучения и профессиональную культуру специалистов в области туристско-экскурсионного бизнеса.

Список литературы

1. *Аванесов Р. И.* Об ударении в русском языке // Русский язык в школе. – 1948. – № 4. – С. 3–11.
2. *Аванесов Р. И., Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. – М.: Русский язык, 1988. – 704 с.
3. *Ахметшина, А. С.* Элокутивная прагматика экскурсионного текста // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23. – №2. – С. 566–569.
4. *Ахметшина А. С.* Элокутивная прагматика экскурсионного дискурса (на материале региональных экскурсионных текстов): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – Уфа, 2019. – 169 с.
5. *Баделина М. В. Фалина В. А.* К вопросу об изучении акцентологических норм в высшей школе // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 3 (84). – С. 94–98.
6. *Балюк А. Д.* Экскурсоведение : учеб. пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – 235 с.
7. *Бахвалова Л. Е.* Жанровые особенности экскурсионной речи : Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Ярославль, 2010. – 22 с.
8. *Горбачевич Г. С.* Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1981. – 209 с.
9. *Демидова Т. В.* Феномен интердискурсивности экскурсионных текстов (опыт лингвокогнитивного анализа текстов экскурсий по Нижнему Новгороду и Нижегородской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Тамбов, 2009. – 28 с.
10. *Добринина Н. А.* Экскурсоведение : учеб. пособие – М.: Флинта, 2013. – 288 с.
11. *Емельянов Б. В.* Экскурсоведение : учебник. – М.: Советский спорт, 2009. – 216 с.
12. *Зарва М. В.* Русское словесное ударение : Словарь.– М.: НЦ ЭНАС, 2001. – 600 с.
13. *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. – М.: АСМ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 1008 с.
14. *Капустина С. В.* Межъязыковая интерференция в топонимике Крыма // Конвергентные технологии XXI века: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции. – Симферополь, 2022. – Т. 1. – С. 279–285.
15. *Костомаров В. Г.* Причуды русского ударения // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 1 (236). – С. 43–48.
16. *Лиханов М. В.* Экскурсионный дискурс: к модели описания // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 404. – С. 5–14.
17. *Маринова Е. В.* Больные вопросы родной грамматики : учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2017 – 149 с.
18. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : Коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров [и др.]. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
19. *Резниченко И. Л.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. – М.: АСТ, 2003. – 1182 с.
20. *Фомина Т. Г.* Русское словесное ударение : учеб. пособие. – М.: Флинта, 2017. – 384 с.
21. *Франчук В. Ю.* Вопросы акцентологии в трудах А. А. Потебни. – Киев: Наукова думка, 1973. – С. 3–20.
22. *Штудинер М. А.* Словарь образцового русского ударения. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 576 с.
23. *Янсон Т. А.* Структурно-семантические характеристики экскурсионного дискурса (на материале контактной экскурсии) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2020. – №4 (67). – С. 255–262.

References

1. Avanesov R. I. *Ob udarenii v russkom yazyke* [About stress in Russian]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1948, no. 4, pp. 3–11.
2. Avanesov R. I. et al. *Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, accent, grammatical forms]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 704 p.
3. Akhmetshina A. S. *Elokutivnaya pragmatika ekskursionnogo teksta* [The eloquent pragmatics of the excursion text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2018, vol. 23. no. 2, pp. 566–569.
4. Akhmetshina A. S. *Jelokutivnaya pragmatika ekskursionnogo diskursa (na materiale regionalnyh ekskursionnyh tekstov): diss. ... kand. filol. nauk* [Elocutionary pragmatics of excursion discourse (based on regional excursion texts). Thesis]. Ufa, 2019. 169 p.
5. Badelina M. V., Falina V. A. *K voprosu ob izuchenii akcentologicheskikh norm v vysshey shkole* [On the question of studying accentological norms in higher education]. *Globalnyi nauchnyi potencial*, 2018, no. 3 (84), pp. 94–98.
6. Balyuk A. D. *Ekskursovedenie: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Guided tours: a textbook for higher education institutions]. Moscow, Yurait publ., 2019. 235 p.
7. Bakhvalova, L. Ye. *Zhanrovye osobennosti ekskursionnoy rechi : Avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The genre features of guided tour speech. Abstract of thesis]. Yaroslavl. 22 p.
8. Gorbachevich G. S. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Norms of the modern Russian literary language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 209 p.
9. Demidova T. V. *Fenomen interdiskursivnosti ekskursionnyh tekstov (opyt lingvokognitivnogo analiza tekstov ekskursiy po Nizhnemu Novgorodu i Nizhegorodskoy oblasti): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The phenomenon of interdiscursivity of excursion texts (experience of linguocognitive analysis of texts of excursions in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region). Abstract of thesis]. Tambov, 2009. 28 p.
10. Dobrina N. A. *Ekskursovedenie: uchebnoe posobie* [Guided tours: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., (2013). 288 p.
11. Yemeliyanov B. V. *Ekskursovedenie: uchebnyk* [Guided tours: a textbook]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2009. 216 p.
12. Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie: Slovar* [Russian verbal accent: Dictionary]. Moscow, Innovation Center “ENAS” Publ., 2001. 600 p.
13. Lenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bolshoy orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala dvadtsat pervogo veka: norma i eyo varianty* [The large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and accent of the beginning of the XXIst century: the norm and its variants]. Moscow, ASM-PRESS KNIGA Publ., 2012. 1008 p.
14. Kapustina S. V. *Mezhiyazykovaya interferenciya v toponimike Kryma* [Interlanguage interference in the toponymy of Crimea]. *Konvergentnye tekhnologii dvadtsat pervogo veka: variativnost', kombinatorika, kommunikaciya*. Simferopol, 2022, vol. 1, pp. 279–285.
15. Kostomarov V. G. *Prichudy russkogo udareniya* [The quirks of Russian accent]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2013, no. 1 (236), pp. 43–48.
16. Likhanov M. V. *Ekskursionnyi diskurs: k modeli opisaniya* [Excursion discourse: towards a description model]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 404, pp. 5–14.
17. Marinova Ye. V. *Bolnye voprosy rodnoy grammatiki: uchebnoe posobie* [Painful questions of native grammar: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 149 p.
18. *Prepodavanie russkogo yazyka v Krymu: Istoricheskij i jetnokulturnyj kontekst* [Teaching the Russian language in Crimea: historical and ethnocultural context]. Arzhantseva T. V., Orekhova L. A., Petrov A. V. [i dr.]. Simferopol : KFU im. V. I. Vernadskogo, 2022. 200 p.
19. Reznichenko I. L. *Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie* [Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation. Accent]. Moskva, AST Publ., 2003. 1182 p.

20. Fomina T. G. *Russkoe slovesnoe udarenie: uchebnoe posobie* [Russian verbal accent: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 384 p.
21. Franchuk V. Yu. *Voprosy akcentologii v trudakh A. A. Potebni* [Questions of accentology in the works of A. A. Potebnya]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1973, pp. 3–20.
22. Shtudiner M. A. *Slovar obrazcovogo russkogo udareniya* [Dictionary of exemplary Russian accent]. Moscow, Airis-Press Publ., 2004. 576 p.
23. Yanson T. A. *Strukturno-semanticheskie kharakteristiki ekskursionnogo diskursa (na materiale kontaktnoy ekskursii)* [Structural and semantic characteristics of the excursion discourse (based on the material of the contact excursion)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 4 (67), pp. 255–262.

FORMATION OF ACCENTOLOGICAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF TOUR GUIDES

Arzhantseva T. V., Kapustina S. V.

The article discusses a new professionally oriented approach to the study of accentological norms within the framework of the university academic subject “Culture of the guide's speech”. The principles of creating an accent-workshop aimed at improving the skills of setting verbal stress are proposed for discussion.

The designated topic was worked out in various aspects in a few studies of Russian methodologists and linguodidacticians, however, a coherent system of practical methods, characterized by high efficiency, reproducibility and the ability to adapt to the local history material of any region of the Russian Federation, was not created. The novelty of the work is seen in the compilation and justification of a system of exercises that has the indicated characteristics.

The conceptual difference of the proposed accent training lies in the modeling of communicative situations that are as close as possible to the realities of the excursion discourse. The achievement of the indicated effect of “communicative immersiveness” is facilitated by the choice of contextual and illustrative material of a regional orientation.

An important methodological aspect is the rethinking of the mechanism for compiling accentological minimums, which usually include words or word forms without indicating the mobility/constancy of accent in the corresponding accent paradigm. The rationality of the analysis of such a paradigm is argued if the accent is mobile.

The paper proposes a list of dictionaries that fix the accentological norms of the turn of the XXth-XXIst centuries and the post-millennial period. It is argued that the appeal to authoritative lexicographic sources on orthoepy contributes to the development of linguistic self-control skills of the future/practicing guide, opens up the prospect of a qualified solution of those accentological problems that may arise in the process of interaction with the audience.

Approbation of the results of the undertaken study confirms the effectiveness of the proposed system of practice-oriented methods aimed at mastering accentological norms by specialists in the field of tourism and excursion business.

The prospect of this scientific and methodological work is the publication of a collection of exercises that contribute to the improvement of the professional culture of guides, their communication skills and speech behavior.

Keywords: verbal accent, accentology, accentological norm, accentological minimum, excursion, culture of the guide's speech, professional language personality, speech behavior.

УДК 811.16

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
КАК ПАРАМЕТР СЛОЖНОСТИ ТЕКСТОВ УЧЕБНИКОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКОВ «SPOTLIGHT» И «STARLIGHT»)**

Казачкова М. Б., Галимова Х. Н.

*Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений (университет), Одинцово, Россия*

E-mail: MBKazachkova@yandex.ru;

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева (ИЭУП),

Казань, Республика Татарстан, Россия

E-mail: galikha@mail.ru

В работе осуществлен сравнительный анализ сложности текстового материала через индекс Лексического разнообразия отечественных учебников «Spotlight» и «Starlight» (8–9 классов). Данные учебники утверждены и рекомендованы Министерством образования и науки РФ и используются в российских школах. Для расчета лексического разнообразия был использован лингвистический анализатор сложности англоязычного текста TextInspector. Под Лексическим разнообразием текста понимается вариативность, богатство, многообразие, диапазон словарного запаса, реализуемого в тексте. Материалом исследования послужил текстовый корпус учебников, объём которого составил 78 текстов и 27215 словоупотреблений. В ходе исследования выявлено: Лексическое разнообразие текстов учебника для 8 класса «Starlight» выше на 10 %, учебника «Spotlight». Индекс Лексического разнообразия текстового материала учебника для 9 класса «Starlight» так же имеет тенденцию к повышению в среднем на 11 % сравнительно с учебником «Spotlight». Показатель сложности текстов Лексическое разнообразие учебника «Starlight» незначительно выше показателя учебника «Spotlight», что говорит о незначительном усложнении учебника.

Ключевые слова: учебный текст, сложность текста, Лексическое разнообразие, текстовый корпус, токен, тайп.

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной, речевой и лингвистической компетенций школьников, т. е. обучение практическому овладению иностранным языком. Поэтому, одним из важнейших моментов, который поможет ученикам добиться успеха в изучении языка, является проблема выбора материалов учебного процесса, а именно учебников и учебных пособий.

В настоящее время предлагается широкий спектр отечественных учебно-методических комплексов по иностранному языку. Министерство образования Российской Федерации ведет постоянную работу по обновлению учебников, включенных в федеральный перечень и соответствующих требованиям обновленного ФГОС.

Цель данного исследования – провести сравнительный анализ сложности текстового материала через индекс Лексического разнообразия отечественных учебников для общеобразовательных учреждений (8, 9 классов) под редакцией Ваулиной Ю. Е., Дули Д., Подоляко О. Е. «Spotlight» (Student's books/Английский в фокусе) и «Starlight» (Student's books/Звездный английский) – учебников для общеобразовательных учреждений и школ с углубленным изучением английского языка под редакцией Барановой К. М., Дули Д., Копыловой В. В. и др.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Соотношение понятий «трудность» и «сложность»

Согласно ФГОС, учебный текст – это «особый вид вторичного речевого произведения, обладающий рядом признаков, существенно отличающих его от других видов вторичных текстов. Вторичный учебный текст не заменяет полностью первоисточник, а служит его продолжением и развитием в соответствии с коммуникативной задачей» [9, с. 57].

А. А. Сабина считает учебным «любой текст, полезный при освоении определенной учебной дисциплины» [10].

Мы рассматриваем учебный текст, как «особый вид вторичного текста, так как он является продуктом письменной речевой деятельности автора учебника, созданный на базе первичного текста для передачи знаний учащимся» [2, с. 45]. Соответственно, дидактическая сложность учебных текстов будет отличаться.

Сложность – это базовая характеристика любого академического текста, которая понимается как «сложность его чтения и восприятия в соответствии с возрастными характеристиками читателя и рассматривается как критическая переменная, которая зависит от различных факторов, например, таких как жанр и степень изученности темы» [5, с. 22].

На данный момент существуют различные подходы к пониманию сложности текстовой единицы.

До сих пор имеет место смешивание понятий «сложности» и «трудности». В ряде работ сложность трактуется как характеристика текста, зависящая от внутренних параметров текста, влияющих на понимание темы, скорости чтения, уровня интереса к прочитанному [1; 7; 14]. Трудность, в отличие от сложности, определяется количеством учебного труда, затрачиваемого на усвоение учебного материала [15]. Зачастую уровень трудности учебного материала не всегда совпадает с его сложностью. Так, к примеру, И. Я. Лернер соотносит трудность текста с субъективной характеристикой учащегося, т.е. уровнем его подготовленности учащегося и когнитивными способностями. Трудность текста он ставит в зависимость от его сложности [7], а по отношению к задаче считает, что «трудность характеризует возможность субъекта преодолеть объективную сложность задачи» [7, с. 34], что означает: один и тот же материал субъективно может восприниматься по-разному разными учениками.

Параметры сложности текста

Я. А. Микк выводит сложность текста на основе четырех основных параметров: информативность текста, сложность предложений, ясность текстовой структуры и абстрактность. В самом общем представлении сложность текста определяется морфологическими, лексическими, синтаксическими характеристиками текста. К морфологическим характеристикам относятся средняя длина слова (среднее количество морфем в слове). Лексические параметры сложности текста – это частотность, абстрактность, этноспецифичность, неоднозначность, уникальность, референциальная специфичность и др. Синтаксическая сложность соотносится к

комплексностью модели, порядком слов в предложении, длиной предложений, количеством слов в абзацах, расстоянием между зависимыми словами и др. Текст также может характеризоваться информационной (когнитивной) сложностью и абстрактностью [12].

На сегодняшний день европейскими образовательными стандартами для анализа сложности текстов используются 3 базовых фактора: количественные параметры, качественные параметры и уровень подготовленности читателя [16].

Количественные характеристики рассчитываются с помощью различных компьютерных программ и текстовых профайлеров (например, Rulingva¹ – программа автоматического анализа для русскоязычных текстов, CoMetrix² и TextInspector³ – текстовые анализаторы для англоязычных текстов, включающие следующие показатели: среднее количество слогов в слове, общее количество слов и слогов в тексте, количество предложений, среднее количество слов в предложении, общее количество определённых частей речи и индекс удобочитабельности по Флеш-Кинкейду⁴ [16; 17].

Качественные характеристики включают такие параметры сложности, как структура текста, визуальная поддержка, ясность и точность языка, синтаксическая сложность, нарративность, конкретность и абстрактность слов, когезия и когеренция [5; 6].

Расчет индекса Лексического разнообразия (ЛР/ТТР)

Индекс Лексического разнообразия (ЛР) – это количественная характеристика текста при оценке его сложности [11].

Впервые термин «лексическое разнообразие» был предложен Скоттом Джарвисом, американским лингвистом, который утверждал, что ЛР следует рассматривать как обобщающий термин, аналогичный экологическому разнообразию. Согласно модели Джарвиса, ЛР включает изменчивость, объем, равномерность, редкость, дисперсию и несоответствие [8].

На наш взгляд, ЛР текста есть «вариативность, богатство, многообразие, диапазон словарного запаса, реализуемого в тексте» [4] и является одним из ключевых параметров, которые используются для оценки разнообразия и качества текстового материала.

Индекс ЛР может быть рассчитан различными методами, одним из которых является ТТР (Type-Token Ratio), который позволяет определить отношение числа уникальных слов к общему числу слов в тексте.

Формула, по которой рассчитывается ТТР (ЛР):

¹ «Интеллектуальные технологии управления текстами» на базе Учебного корпуса русского языка (<https://rulingva.kpfu.ru>).

² CoMetrix. <https://www.cometrix.com.au/>

³ TextInspector/ <https://textinspector.com/>

⁴ Рассчитывается по формуле $206.835 - (1.015 \times ASL) - (84.6 \times ASW)$, где ASL – средняя длина предложения в словах, ASW – средняя длина слова в слогах.

$$TTR \text{ (type-token ratio)} = \frac{t}{n}$$

, где t – количество тайпов (уникальных лексических единиц); n – общее количество токенов (словоформ) [16].

Например, если в тексте из 100 слов имеется 50 уникальных лексических единиц, то TTR будет равно 0,5 (50/100).

ЛР текста используется в лингвистике для анализа и оценки разнообразия лексики в тексте. Этот показатель может быть полезен при изучении языковых особенностей, культурных различий и стилей письма. Кроме того, ЛР можно использовать в качестве инструмента для оценки уровня грамотности и образованности автора. Коэффициент ЛР «служит мерой успешности речевого акта, например, при патологии речи или в ситуации говорения на иностранном языке» [3, с. 21]. Он также применим как мера прогресса овладения иностранным языком у обучающихся [17], то есть когда ЛР измеряется несколько раз на протяжении определенного срока.

Хотя ЛР может быть полезным инструментом для анализа текста, он имеет свои ограничения. Во-первых, он не учитывает морфологическую разновидность слов, что означает, что слова разных частей речи могут быть учтены как разные типы, даже если они имеют одинаковую основу и, соответственно, являются однокоренными. Во-вторых, результат расчета индекса ЛР зависит от длины измеряемого текста, у длинных текстов ЛР всегда ниже, чем у коротких. Соответственно при расчете данного параметра необходимо сравнивать тексты только одинаковой длины [3]. При очень коротких текстах индекс будет всегда высоким, поскольку в начале все токены уникальны, при большом объеме текста количество уникальных слов является почти постоянной, поскольку становится больше повторений [16]. Поэтому вместо синтагматической оси, мы получаем что-то похожее на гиперболу.

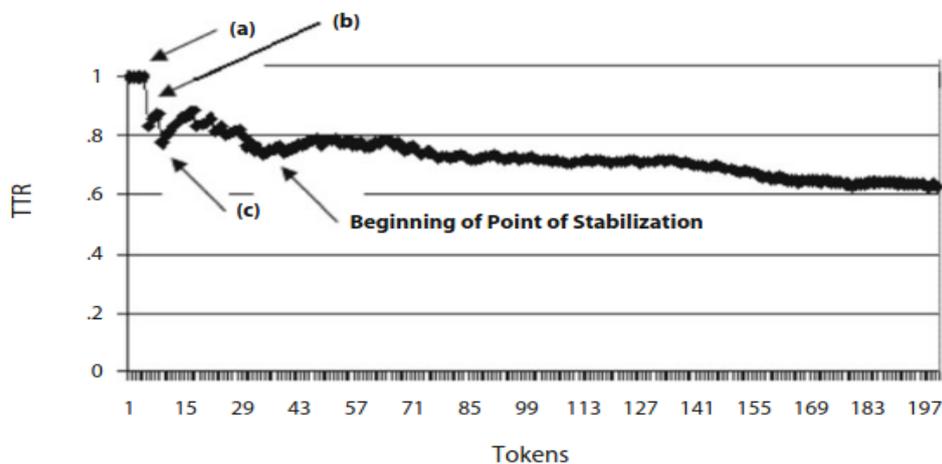

Рис. 1. Зависимость индекса TTR (ЛР) от длины текста

Данный график можно поделить на три части. В части, *a* ЛР равняется 1, поскольку в начале текста почти все лексические единицы уникальны. Как только начинают появляться повторения, в части *b* значение ЛР резко уменьшается. После этого снова наблюдается рост ЛР, что говорит о появлении новой порции уникальных единиц. Как мы видим, подобные колебания повторяются несколько раз до точки стабилизации (*point of stabilization*), после которой нет значительных изменений в количестве уникальных единиц. Мы видим, что пик разнообразия лексики содержится как раз до этой точки «насыщения».

Соответственно, для определения индекса ЛР нет смысла брать длинные тексты. При выборке текстов для анализа достаточно будет взять тексты объемом не более 300 слов [4].

Исследование

Материалом исследования послужил текстовый корпус учебников для 8–9 классов «Spotlight» (Английский в фокусе) под редакцией Ваулиной Ю. Е., Дули Дж. и др. и «Starlight» (Звездный английский) под редакцией Барановой К. М., Дули Д., Копыловой В. В. и др. объем которого составил 78 текстов 27215 словоупотреблений (см. таб. 1).

Количество словоупотреблений в подкорпусах

Таблица 1

Класс	Количество словоупотреблений
8 кл. «Spotlight» (Английский в фокусе) под редакцией Ваулиной Ю.Е., Дули Дж. и др.	5552
8 кл. «Starlight» (Звездный английский) под редакцией Барановой К.М., Дули Д., Копыловой В.В. и др.	6361
9 кл. «Spotlight» (Английский в фокусе) под редакцией Ваулиной Ю.Е., Дули Дж. и др.	6448
9 кл. «Starlight» (Звездный английский) под редакцией Барановой К.М., Дули Д., Копыловой В.В. и др.	8854
	27215

Выбор данных линеек учебников обусловлен тем, что они подготовлены в соответствии с требованиями ФГОС для основной школы, включены в Федеральный перечень учебников, рекомендованных к изучению в школе¹, и, соответственно, учитывают требования обязательной образовательной программы до 2022 г.

Для расчета ЛР был использован лингвистический анализатор сложности англоязычного текста TextInspector². Данный – анализатор используется для подготовки учебных материалов, тестов и оценки работ учащихся. Он также дает возможности рассчитать процент использования академической лексики и лексики среднего уровня владения английским языком B1 по шкале CEFR, напрямую коррелирующие с ЛР (см. таб.2).

¹ Федеральный перечень учебников на 2021–2022 учебный год. <https://4ege.ru/documents/56987-federalnyy-perechen-uchebnikov-na-2018-2019-uchebnyy-god.html>

² <https://textinspector.com/workflow/26B3C092-C663-11ED-A5DF-6F3D603959EA>

Таблица 2

	8 класса «Spotlight»	9 класса «Spotlight»	8 класса «Starlight»	9 класса «Starlight»
TTR (ЛР)	0,58	0,60	0,65	0,68
Количество академической лексики (%)	2,33%	2,60%	2,51%	2,86%
Количество слов уровня В1 по CEFR (%)	11,10%	11,87%	12,230%	15,11%

Согласно полученным данным, параметры сложности учебных текстов, анализируемых учебников, в значительной степени отличаются друг от друга. Наиболее высокую степень сложности имеют тексты из учебников «Starlight» под редакцией Барановой К. М., Дули Д., Копыловой В. В. и др. Соответственно, тексты из учебника «Spotlight» под редакцией Ваулиной Ю. Е., Дули Дж. демонстрируют наименьшую степень сложности.

ЛР текстов учебника для 8 класса «Starlight» выше на 10 %, чем в учебнике одноименного класса «Spotlight». Что касается учебников для 9 класса, то индекс ЛР в учебнике «Starlight» так же имеет тенденцию к повышению в среднем на 11 % сравнительно с учебником «Spotlight».

Индексы ЛР текстов незначительно увеличиваются от класса к классу, что свидетельствует об постепенном увеличении сложности и расширении диапазона словарного запаса. Прослеживаются дидактические принципы доступности и посильности, которые предполагают, что материал представляется в соответствии с возрастными и интеллектуальными возможностями учащихся, а его усвоение не вызывает у них непреодолимых трудностей [6].

При этом более высокий параметр сложности ЛР текстов учебников «Starlight» позволяет предположить, что тексты содержат высокий процент лексики уровня В1 и академической лексики.

ВЫВОДЫ

Исследование позволило выявить, что такой параметр сложности текста, как Лексическое разнообразие, учебника «Starlight» незначительно выше показателей учебника «Spotlight», что говорит о незначительном усложнении учебника. Тот факт, что учебник «Starlight» сложнее, небезоснователен, поскольку данная серия учебников рекомендована для обучения курса там, где делается упор на углубленное изучение иностранного языка. Учебник «Spotlight» является центральным элементом учебно-методического комплекта линейки «Английский в фокусе» и базовым учебником для общеобразовательных организаций.

Однако отметим, что значение данных параметров недостаточно для определения «идеального учебника», поскольку рассчитанные параметры сложности не отражают структуру, оформление и содержательные признаки учебных материалов.

Список литературы

1. Бирюков Б. В., Тюхтин В. С. О понятии сложности // Логика и методология науки: Мат-лы IV Всесоюз. Симпоз. (Киев, Июнь, 1965 г.) – М., 1967. – С. 219–231.
2. Биличенко Н. Учебный текст и его разновидности. – Pandia, 2007. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/304/32260.php>. – (Дата обращения: 01.07.2023).
3. Захарова Е. Ю., Савина О. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2020 – № 1 (21) – С. 20–34.
4. Казачкова М. Б., Галимова Х. Н. Лексическое разнообразие текста как параметр сложности текстов // Вестник марийского государственного университета. – 2021. – № 3 (43). – С. 384–390.
5. Казачкова М. Б., Галимова Х. Н. Сравнительный анализ сложности текстов учебников английского языка // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2022 – № 4.– С.22–32.
6. Леонтьев А. А. Возрастные и индивидуальные особенности школьника–в в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе.– 1976. – № 1. – С. 97–101.
7. Лернер И. Я. Критерии сложности некоторых элементов учебника: Проблемы школьного учебника. – М.: Просвещение, 1974. – Вып. 1. – С. 47–58.
8. Лексическое разнообразие – Lexical diversity. – Режим доступа: https://ru.wikibrief.org/wiki/Lexical_diversity. – (Дата обращения: 01.07.2023).
9. Пешкова Н. П., Яхиббаева Л. М. Первичность и вторичность как онтологические категории учебного текста // Вестник Южно-Уральского гос. университет. –2009. – №2 (135). – С. 56–60.
10. Сабина А. А. Учебный текст: структура и прагматика // Известия РГПУ им. А. И. Герцена– 2009. – № 97. – С. 222–225.
11. Солнышкина М. И., Замалетдинов Р. Р., Гафиятова Э. В., Гизатулина Д. Ю., Бегаева М. Н. Многофакторный анализ сложности текста // Иностранные языки в школе. – 2021. – № 2. – С. 28–34.
12. Солнышкина М. И., Казачкова М. Б., Харькова Е. В. Инструменты измерения сложности текстов на английском языке // Иностранные языки в школе – 2020. – № 3 – С. 15–21.
13. Тарева Е. Г. Учебник иностранного языка: сила воздействующей функции // Иностранные языки в школе.– 2021. – № 7. – С. 5–11.
14. Ушаков К. М. О критериях сложности учебного материала школьных предметов // Новые исследования в педагогических науках. – 1980. – № 2 (36). – С. 33–35.
15. Цетлин В. С. Дидактические требования к критериям сложности учебного материала // Новые исследования в педагогических науках. – 1980. – № 1 (35). – С. 30–33.
16. Fisher, D., Frey, N., & Lapp, D. Text complexity: Raising rigor in reading. – Newark, DE: International Reading Association, 2012. – 212 p.
17. Fergadiotis G., Heather H. W., Thomas M. W. Measuring lexical diversity in narrative discourse of people with aphasia // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2013. – Vol. 22. №. 2 – P. 397–408.

References

1. Biriukov B. V., Tiukhtin B. C. *O poniatii slozhnosti* [About the concept of complexity]. *Logika i metodologiya nauki: materialy IV- Vsesoiuz. simpoz.* Moscow, 1967, pp. 219–231.
2. Bilichenko N. *Uchebnyi tekst i ego raznovidnosti* [Educational text and its varieties]. Pandia, 2007. Available from: <https://pandia.ru/text/77/304/32260.php> (accessed 01 July 2023).
3. Zakharova E. Iu., Savina O. Iu. *Leksicheskoe raznoobrazie teksta i sposoby ego izmereniia* [Lexical diversity of the text and ways to measure it]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2020, no.1 (21), pp. 20–34.
4. Kazachkova M. B., Galimova Kh. N. *Leksicheskoe raznoobrazie teksta kak parametr slozhnosti tekstov* [Lexical diversity of the text as a parameter of the complexity of texts]. *Vestnik mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 3 (43), pp.384–390.
5. Kazachkova M. B., Galimova Kh. N. *Sravnitel'nyi analiz slozhnosti tekstov uchebnikov angliiskogo iazyka* [Comparative analysis of the complexity of texts of English textbooks]. *Diskurs professional'noi kommunikatsii*, 2022, no. 4, pp.22–32.
6. Leont'ev A. A. *Vozrastnye i individual'nye osobennosti shkol'nikov v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku* [Age and individual characteristics of schoolchildren in the process of learning a foreign language]. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1976, no. 1, pp. 97–101.
7. Lerner I. Ja. *Kriterii slozhnosti nekotorykh elementov uchebnika: Problemy shkol'nogo uchebnika* [Criteria for the complexity of some elements of the textbook: Problems of the school textbook]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, pp. 47–58.
8. *Leksicheskoe raznoobrazie* [Lexical diversity]. Available from: https://ru.wikibrief.org/wiki/Lexical_diversity (accessed 01 July 2023).
9. Peshkova N. P., Iakhibbaeva L. M. *Pervichnost' i vtorichnost' kak ontologicheskie kategorii uchebnogo teksta* [Primary and secondary as ontological categories of the educational text]. *Vestnik. IuzhnoUralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 2, pp.56–60.
10. Sabinina A. A. *Uchebnyi tekst: struktura i pragmatika* [Educational text: structure and pragmatics]. Available from: https://lib.herzen.spb.ru/text/sabinina_97_222_225.pdf (accessed 04 September 2023).
11. Solnyshkina M. I., Zamaletdinov R. R., Gafiatova E. V., Gizatulina D. Ju., Begaeva M. N. *Mnogofaktornyi analiz slozhnosti teksta* [Multivariate analysis of text complexity]. *Inostrannye iazyki v shkole*, 2021, no. 2, pp. 28–34.
12. Solnyshkina M. I., Kazachkova M. B., Khar'kova E. V. *Instrumenty izmereniia slozhnosti tekstov na angliiskom iazyke* [Tools for measuring the complexity of texts in English]. *Inostrsnnie iazyki v shkole*, 2020, no. 3, pp.15–21.
13. Tareva E. G. *Uchebnik inostrannogo iazyka: sila vozdeistvuiushchei funktsii* [Foreign language textbook: the power of the influencing function]. *Inostrannye iazyki v shkole*, 2021, no 7, pp. 5–11.
14. Ushakov K. M. *O kriteriiakh slozhnosti uchebnogo materiala shkol'nykh predmetov* [About the criteria of the complexity of the educational material of school subjects]. *Novye issledovaniia v pedagogicheskikh naukakh*, 1980, no. 2 (36), pp. 33–35.
15. Tsetlin B. C. *Didakticheskie trebovaniia k kriteriiam slozhnosti uchebnogo materiala* [New research in pedagogical sciences] *Novye issledovaniia v pedagogicheskikh naukakh*, 1980, no. 1 (35), pp. 30–33.
16. Fisher D., Frey N., Lapp D. *Text complexity: Raising rigor in reading*. Newark, DE, International Reading Association, 2012. 212 p.
17. Fergadiotis G. Heather H. W., Thomas M. W. *Measuring lexical diversity in narrative discourse of people with aphasia*. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 397–408.

**LEXICAL DIVERSITY AS A PARAMETER OF THE COMPLEXITY OF TEXTS
IN ENGLISH TEXTBOOKS
(ON THE EXAMPLE OF THE TEXTBOOKS "SPOTLIGHT" AND "STARLIGHT")**

Kazachkova M.B., Galimova K.N.

In the presented work, a comparative analysis of the complexity of text material was carried out through the Lexical Diversity Index of domestic textbooks "Spotlight" and "Starlight" (grades 8 - 9). These textbooks are approved and recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and are used in Russian schools. To calculate lexical diversity, the linguistic complexity analyzer of English text TextInspector was used. Lexical diversity of a text means variability, richness, variety, and range of vocabulary implemented in the text. The research material was a text corpus of the textbooks, the volume of which amounted to 78 texts and 27,215 word usages. The study revealed: The lexical diversity of texts in the textbook for 8th grade "Starlight" is 10% higher than in the textbook "Spotlight". The Lexical Diversity Index of the text material of the textbook for grade 9 "Starlight" also tends to increase by an average of 11% compared to the textbook "Spotlight". Indicator of text complexity Lexical diversity of the "Starlight" textbook is slightly higher than that of the "Spotlight" textbook, which indicates a slight complication of the textbook.

Key words: educational text, text complexity, Lexical diversity, text corpus, token, type.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аржанцева Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Безрукавая Марина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Бекиров Рустем Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бекирова Левиза Исмаиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Воронцова Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» ФГАОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, Россия

Галимова Халида Нурисламовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Зарипов Руслан Ирикович – кандидат филологических наук, докторант кафедры французского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казачкова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка МГИМО Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия

Капустина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Кутовая Кристина Александровна – обучающаяся Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Мальцева Раиса Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры электронных СМИ и новых медиа ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шахбазян Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранская Е. М.

КОМИКС КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX–XXI ВВ.
К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ.....3

Орехов В. В.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ III. СВЕТСКИЙ ПОРТРЕТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ.....21

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Лучинский Ю. В.

«КУБАНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК»
В СИСТЕМЕ ПЕРИОДИКИ ДЕНИКИНСКОГО ЕКАТЕРИНОДАРА.....54

Мальцева Р. И., Безрукавая М. В.

НОВАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ
КАК ФАКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ.....68

Мальцева Р. И., Шахбазян М. А.

НОВАЯ КУЛЬТУРАЛЬНОСТЬ
ЦИФРОВИЗОВАННОГО ВРЕМЕНИ.....77

Шилина А. Г., Субботина О. А.

ЯЗЫК САНКЦИЙ КАК РЕАЛИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ:
ДИАГНОСТИКА, ТИПОЛОГИЯ, ПРОГНОЗ
(МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛОКАЦИЯ).....85

Яблоновская Н. В., Кутовая К. А.

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В ГАЗЕТЕ «КРАСНЫЙ КРЫМ»
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....97

**3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Бекирова Л. И., Бекиров Р. А.

ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ.....116

Воронцова Ю. А.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....124

**4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Зайцева И. П.

РЕМАРОЧНЫЙ ПЛАСТ СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-ОБРАЗНОЕ
И КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ.....134

Зарипов Р. И.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМАХ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ И АНТРОПОТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....146

**5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аржанцева Т. В., Капустина С. В.

ФОРМИРОВАНИЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКСКУРСОВОДОВ.....163

Казачкова М. Б., Галимова Х. Н.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
КАК ПАРАМЕТР СЛОЖНОСТИ ТЕКСТОВ УЧЕБНИКОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКОВ «SPOTLIGHT» И «STARLIGHT»).....178

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....187